

Юлия Вебер

В плену установок

Москва 2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44
В 26

Проект Хабаровского РО РСП

Вебер Юлия

В 26 В плену установок. – М.: Издательство
«Спутник +», 2021. – 303 с.

ISBN 978-5-9973-5806-8

Юлия Вебер (авторское имя), член ХаБРО РСП, пишет стихи и прозу, публикуется в альманахах «Регионы», «Притяжение-ДВ», «Ритмы жизни»; пользуется услугами издательства «Союз писателей», где опубликованы стихи в сборнике «Золотой томик стихов» (2016), детская книга «Снежный городок» (в соавторстве).

Автор книг: «Сила любви» (сборник стихов и прозы, 2016 г.), «Стенография чувств» (сборник стихов, 2017 г.).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-5806-8

© Юлия Вебер, 2021

Глава 1

1

Все события, изложенные в романе, выдуманные. И всякое совпадение с реальностью и людьми – случайность, не более того.

История начиналась буднично и прозаично.

Ни мать, ни отец, ни сестра, ни многочисленные родственники не помнили почему, кто и в какой момент впервые назвал мальчика Лёпсом.

То ли потому, что мать, полная, добродушная с виду, интеллигентная учительница русского языка родила его в тридцать восемь лет из-за того, что отношения супругов после десятилетней жизни в браке приняли несколько иной характер, чем в годы их молодости. Слишком часто в семье стали происходить громкие скандалы и конфликты, заканчивающиеся обычно угрозами развода со стороны отца. То ли от того, что Лёпс в детстве был беспокойным, крикливым ребенком и, открывая двери входящим, близкие обычно произносили, прикладывая палец к губам многозначительное «Т-сссс!» А может быть, причиной было то, что, заметив к себе интерес взрослого, малыш смешно приседал на полусогнутых ножках, разводил ручки в разные стороны и умилительно произносил «Опс!»

Но прозвище приклеилось, и отдельные индивидуумы чаще использовали в обращениях к нему

прозвище «Лёпс», чем паспортное имя. Он был далеко не красавец в свои семнадцать лет: длинный, костлявый, с уже лысоватой макушкой, перебитым носом, весь покрытый прыщами и фурункулами. Сразу бросалось в глаза некое несоответствие его нижней челюсти общепринятым стандартам. И только внимательный взгляд выхватывал там во время его голливудской улыбки три ослепительно белых и ровных резца вместо четырех: Лёпс выбил зуб в шестом классе, неудачно свалившись с лодки.

Неблагообразие его лица скрадывала неуловимая улыбка, да еще необычные бархатные, большие, черные глаза. Опушенные густыми ресницами, они поражали собеседника либо бездонной угрюмой пронизательностью, либо каким-то особенным засасывающим гипнотическим блеском.

Лёпс поступил маменькиными стараниями и папенькиными деньгами в филиал престижного Московского университета. Зная Лёпсову привычку нежиться по утрам в постели до последнего, маменька сняла ему квартиру в пятнадцати минутах ходьбы от университета.

— Не вмешивайся ни в какие дела! Хозяйка квартиры по моей просьбе генеральную уборку и стирку будет производить в твое отсутствие по понедельникам. Твое дело маленькое — в институт ходить... учиться. Дотацию в размере зарплаты сибирской учительницы ежемесячно получать будешь — на еду хватит. И смотри хорошенько, все примечай, во все вдумывайся, с интересными людьми знакомства заводи, не стесняйся. От хороших знакомств — всегда польза, обогащение

личности. С девочками гулять тебе еще рано. Сначала надо до четвертого курса доучиться, а там двоих детей-погодков сделаешь, чтобы в армию не идти, и, считай, жизнь – удалась. Смотри, Лёпс, чтоб от твоих фокусов у нас с папенькой инфаркт не приключился. Что тогда с тобой-то будет? Кому ты нужен будешь?

Прижав его к себе и торопливо поцеловав на прощание, маменька спокойная и удовлетворенная сделанным для сына, поехала в аэропорт. Оставшись один, Лёпс осмотрел маленькую квартирку. Красная ковровая дорожка с цветочным орнаментом на деревянном полу. Пожелтевшие от старости обои, высокий потолок, разноцветные в квадратах занавески на окнах, встроенный в стены угловой шкаф. В углу на небольшой тумбочке со стеклянными дверцами громоздился цветной телевизор. Яркий солнечный луч косо рассекал огромную тахту и письменный стол, на котором стоял старенький компьютер. От телефона на стене к модему тянулся засиженный мухами провод.

К комнате примыкала крошечная кухня, выложенная голубой кафельной плиткой. Миниатюрные настенные шкафчики над газовой плитой и мойкой, квадратный стол и пара новеньких деревянных табуреток...

В животе заурчало. Лёпс приоткрыл холодильник и удивленно присвистнул: продуктов не было.

Выглянув в окно, он поразился обилию зелени и цветов в соседнем дворе.

В животе снова заурчало, а следом засосало под ложечкой. Лёпс быстро составил список необходимых продуктов, достал из деревянной шкатулки оставленные матерью на еду деньги, сунул их в задний карман узких

джинсов, накинул оранжевую футболку и вышел из дома. «Вот теперь я парень городской», – подумал Лёпс, купив продукты и кожаное портмоне в соседнем супермаркете.

Разложив продукты и перекусив наспех сделанными бутербродами, он принял душ и снова вышел из дома. Неторопливо прошелся по центральной улице Железнодорожного микрорайона, оценивающим взглядом «металлиста» скользнул по бронзовой фигурке перед дворцом культуры им. Орджоникидзе. Поглазел, сидя на скамейке, на девчонок и парней. Чувство малодушного страха, что он потеряется в этой типичной толпе с простоватыми лицами, внезапно охватило Лёпса. Там, в Северном посёлке, все его знали, как сына завуча и как сына главного энергетика. А кто он здесь? Как его различат в этой безликой серой толпе? Недолго думая, Лёпс зашёл в парикмахерскую, перекрасил волосы в рыжий цвет и проколол себе ухо.

Какая-то звенящая нотка отчаяния зазвучала в его голове на следующий день. «Помощи-то ждать мне теперь не от кого. Я – один. Маменька, папенька, сестра – далеко, а тетушкам до меня дела нет, своих забот хватает». Избалованный маменькой и сестрой, он был убежден в своей гениальности и в глубине души считал себя очень талантливым, отличным от других. Лёпс был уверен, что он – центр Вселенной. И весь остальной мир вращается вокруг него. Папенька нужен для того, чтобы снабжать его деньгами. Маменька создана для того, чтобы кормить, одевать, выполнять его мелкие прихоти. А сестра просто необходима, чтобы отвечать за его проступки перед маменькой и папенькой, делать с ним его домашние задания, убирать его комнату.

Но, тем не менее, Лёпс быстро приноровился к учебе и жизни в городе. Он вёл себя на радость матери

просто безупречно. Трижды в день принимал контрастный душ. Вечерами, следуя наказу маменьки, сидел дома, готовил себе горячий ужин по кулинарной книге, смотрел телевизор или общался с бывшими одноклассниками в Интернете. А с утра, торопливо проглотив залитую с вечера кефиром сырую гречневую крупу, бежал в институт и терпеливо грыз гранит науки.

Занятия проходили на базе Академии права, в северной части города. Преподавательский состав был разношерстным, но подработки были у всех. Француженка параллельно преподавала в нефтяном институте; англичанка – в педагогическом; историк – в институте сервиса; философ – в железнодорожном; юрист – в медицинском. Чтобы не уснуть на занятиях, Лёпс старательно конспектировал монотонные лекции. Сдав первую сессию без троек, он почувствовал облегчение с примесью разочарования.

Школу Лёпс тоже окончил без троек. Но хорошие оценки не были результатом его усидчивости или трудолюбия. Единственное, что Лёпс хорошо усваивал, так это иностранные языки. Его знания по остальным предметам были поверхностны, но Лёпс отлично ими пользовался. Как большинство учительских детей, он интуитивно схватывал смысл и сущность вопроса. В подробности Лёпс никогда не вникал, считал это ниже своего достоинства. Да и зачем?

Всё в мире повторяется: все развивается по определенным законам. Вслед за зимой идет весна, за весной – лето, за летом – осень. Все революции имеют почти одинаковую причину и течение. Все правители одинаковы, за редким исключением, этапы развития общества и цивилизации в целом тоже одинаковы. Лёпс умело манипулировал отличиями и сходствами. На

семинарских занятиях использовал и пересказывал все аргументы политических обозревателей в последних телепередачах. Если при ответах на поставленные преподавателем вопросы испытывал затруднения, то прибегал к скептицизму или предлагал побеседовать по душам, изложить разные взгляды на изучаемое событие, учитывать множество причин. Ссылался на то, что всякий имеет право на свое мнение, и раз он – член демократического общества, то и к его мнению тоже надо прислушиваться, а не быть ортодоксом. Глядя на Лёпса со стороны, можно было подумать, что он спокойный, невозмутимый, немного вальяжный, но преуспевающий молодой человек, знающий цену себе и своим талантам.

Но внутри него нарастала неудовлетворенность и недовольство жизнью. Что-то изменилось в нем после сессии и однообразного двухнедельного одиночества перед телевизором.

Лёпсу захотелось рекламной жизни, захотелось иметь всё самое лучшее в столичном городе. Он часами перебирал в уме собственные наблюдения, обдумывал различные варианты. Это в маленьком посёлке нужно вести себя осторожно, чтоб никто не узнал, А в городе... В городе можно жить и по-другому. Вскоре Лёпс стал считать деньги вторичным половым признаком преуспевающего человека. Благодаря маменькиным дотациям, он быстро научился себе ни в чем не отказывать. Он теперь знал, что в этом мире всё покупается и продается. И чем толще у тебя кошелек, тем многозначительнее на тебя посматривают длинноногие блондинки и брюнетки за барными столиками, тем угодливее и предупредительнее становятся официантки в кафе, с заискивающей улыбкой, многообещающе поигрывая глазами,

спрашивают: «Чего-нибудь ещё?», тем приветливее улыбка у молоденькой продавщицы ближайшего к дому магазинчика, куда он заходил неизменно за пять минут до закрытия за бутылочкой «Туборга» и небрежно-рассеянно кивал на ее неизбежное ласковое щебетание «Вам как всегда?»

– И что это у тебя, Лёпс, на языке все деньги да деньги? – тоненьким голоском выговаривала ему на дискотеке однокурсница Катюшка Орлова. – Мало ли людей, которые выбиваются в люди, благодаря своим способностям, берут кредиты в банке, открывают собственные фирмы, а не становятся богачами благодаря счастливой случайности.

Но Лёпс был уверен, что самое главное оказаться в нужном месте в нужное время с нужными людьми. Лёпса манила, прельщала яркая ночная жизнь города, он мечтал о работе арт-директора в каком-нибудь фешенебельном столичном ночном клубе, где преуспевающие люди после тяжелого трудового дня снимают свои стрессы, выплескивая накопившийся адреналин. И Лёпс стал посещать «злачные» по его мнению места.

По воскресным и праздничным дням он ходил в клуб игровых автоматов, пожимал руку дежурному администратору, садился всегда за один и тот же автомат, так, чтобы его видели все входящие, и он сам мог при случае видеть всех игроков. Перед ним неизменно стояла либо бутылочка любимого пива, либо баночка абсента. После очередного проигрыша Лёпс лениво, но с задумчивым видом делал глоток, как будто продумывал стратегию игры, и снова нажимал на клавиши.

В клубе никто не спрашивал, на что живёт Лёпс, чем он занимается.

В знак приветствия завсегдатаи кивали ему головой или дарили пустую натянутую улыбку, во время перекура кто-то торопливо пожимал ему руку, кому-то пожимал руку он.

Лёпс надеялся на счастливую случайность, и фортуна его не подвела.

Сначала Лёпс заметил подъехавшую к клубу серебристую Тойоту-Камри. Затем он увидел жгучую изящную брюнетку в накинутой поверх темно-коричневого брючного костюма кожаной курточке, отороченной чернобуркой. Слегка покачивая бедрами, она подошла к администратору, о чём-то поговорила минут пять, администратор убежал в подсобное помещение с ее курткой в руках. А красотка царственно села в его кресло, провела рукой по задорному ёжику на голове и со скучающим видом стала рассматривать немногочисленных посетителей клуба.

Девушку заинтересовала бутылка необычной скрученной формы, и она внимательно посмотрела на ее хозяина. Молодой человек в серой водолазке и в очень простом, но явно дорогом костюме, с некрасивыми чертами лица и большими бархатными глазами. Долговязый, и к тому же прыщавый. Взгляды их встретились. И Лёпсу показалось, что он растворяется, исчезает, становится частью незнакомки.

Через некоторое время девушка сама подошла к нему. Что-то притягивающее, располагающее было в этом высоком шатене с вьющимися волосами – робкий, растерянный и одновременно ласковый взгляд, неуловимая полуулыбка на губах, мягкий уверенный тихий голос.

Немного погодя они уже сидели за барной стойкой в соседнем с клубом зале. Полуфразы, полунамеки сопровождались многозначительными

паузами, перемежались вздохами, покачиваниями головы, жестами, улыбками. Вскоре отрывочные вопросы, ответы, полуслова сменились оживленным разговором, который неожиданно переходил от одной темы к другой.

В какой-то момент Дине показалось, что Лёпс всю жизнь был рядом с ней, и все её желания, потребности, прихоти и капризы – не более, чем отражение его желаний, его потребностей, его воли.

Привыкшая с детства к тому, что любое желание рано или поздно выполняется, Дина вдруг захотела заполучить Лёпса в свое безраздельное владение.

А Лёпс всё смотрел и смотрел на Дину. Ухоженная, благоухающая ароматом зеленых яблок, словно сошедшая с обложки глянцевого журнала, недоступная и одновременно манящая, она притягивала Лёпса, будоражила его чувства...

Дина предложила подвести Лёпса до остановки.

В машине Дина прикрыла ладонью его влажные губы и поцеловала его глаза. Лёпс на секунду закрыл их, а потом резко прижал к себе Дину и стал осыпать ее лицо и шею горячими поцелуями. Через три дня Лёпс переехал на квартиру к Дине. Жизнь кипела, была ключом.

Хотя Дина и умела быстро и легко приготовить простенькие, но экзотические блюда, поражающие воображение Лёпса, домашним хозяйством она никогда не занималась. Просто два раза в неделю приходила нанятая в агентстве женщина и следила за чистотой и порядком в Дининой квартире.

Утром Дина закидывала его в институт, ездила на несколько часов к себе на работу – папа подарил ей на двадцатипятилетие собственный фитнес-

клуб. Дина чётко знала, чего хочет от жизни и как с наименьшими затратами добиться желаемых результатов. В кожаном кресле за тяжелым столом из натурального дерева всю первую половину дня она внимательно просматривала бухгалтерские счета, обговаривала с коммерческим директором текущие вопросы, проводила переговоры с деловыми партнерами, договаривалась о размещении рекламы.

Больше всего на свете девушка боялась потерять свою привлекательность, поэтому, полтора-два часа в клубе ежедневно тратила на косметолога и пилатес. Дине нравился ее кабинет, нравился бизнес, нравились сотрудники. Сияющая, возбужденная она ждала Лёпса в машине после окончания его занятий. Обычно они заезжали в какое-нибудь турецкое кафе, плотно обедали и остаток дня проводили в постели. Дина была обольстительна, обворожительна и изобретательна. Она умело вела Лёпса по пути соблазнения, постоянно прельщала его возможностью чувствовать себя «стопроцентным» мужчиной. Правда, иногда Лёпс чувствовал себя цирковым акробатом, применяя невероятные позы и законы Кама-сутры.

Часам к восьми вечера Дина красилась, делала пару звонков по телефону, выясняла, где можно весело провести время, придирчиво рассматривала свой гардероб, надевала в зависимости от дня недели определенного цвета наряд. И вместе с Лёпсом ехала в какой-нибудь развлекательный комплекс. Одиночество было не для Дины, ей требовалось общество, в котором можно было блистать и чувствовать себя королевой.

Вскоре Лёпсу надоели бесконечные светские тусовки, вечера, дискотеки, горячие требовательные поцелуи и пылкая страсть Дины. Вся эта яркая жизнь сказывалась на здоровье Лёпса. Он худел, бледнел, по

утрам чувствовал разбитость во всем теле, не чувствовал вкуса заказываемых Диной блюд, иногда не мог справиться с приступами тошноты и мучительной головной боли. Дина начинала его раздражать. С нетерпением Лёпс ждал очередного воскресенья. Его не интересовало и не волновало, чем занимается Дина в этот день. Лёпсу не хотелось ни смотреть телевизор, ни слушать музыку. Он валялся весь день с книжкой в постели, радуясь короткой передышке и наслаждаясь одиночеством.

А у Дины была шестилетняя дочка Лера, она жила у бабушки с дедушкой, посещала элитную «Детскую академию», вечера проводила с гувернанткой. Дина приезжала по воскресеньям, привозила кучу сладостей, игрушек, всевозможных детских костюмчиков, наряжала, играла с девочкой во дворе коттеджа или вместе с гувернанткой везла дочку на машине в «Волшебный замок», где девочка прыгала, резвилась, рисовала под руководством опытных педагогов-психологов. Дина чувствовала себя самой заботливой и красивой мамой на свете, когда сидела с Лерой за столиком кафе. Дочка весело щебетала о том, чему она научилась новому в Академии, как ведут себя другие дети, как она ходила с гувернанткой в театр и что там видела. Дина ласково улыбалась и думала о том, что неплохо было бы и ей выбраться с дочуркой в театр, да только вот времени нет. На прощание она чмокала свою малютку в щечку и ехала домой.

После полной лишений жизни на Севере, с его унылыми пейзажами и скудной растительностью, грязного обшарпанного барака с комнатами, обитыми для тепла войлоком в несколько рядов, деревенский дом Ядвиге показался раем.

Красный, кирпичный, просторный четырехкомнатный особняк с отдельной кухней и совмещенным с ванной санузлом и огромными хозяйственными пристройками радовал душу. Вместо мутной и ржавой северной воды она теперь пользовалась прозрачной водой из близлежащего ключа, проведенной по трубам прямо в кухню и ванную. Четыре с половиной гектара земли вокруг дома вселяли надежду на обеспеченную старость.

Жаль, что маменька ее не дожила до этого времени. Вот бы она обрадовалась такому счастью. Не зря маменька говорила ей, Ядвиге, чтоб держалась за Родиона, что он – добытчик. Сколько лет пришлось ждать! Сколько лет Ядвига пыталась завуалировать свою бедность: штопала и носки, и трусы, вязала всей семье свитера и варежки во время активировок*. А сколько рыбы ей, Ядвиге, пришлось пересчитать, до сих пор ненавидит рыбный запах, наелась она рыбы на всю оставшуюся жизнь. Ну, ничего, теперь всё будет по-другому. И дочка с мужем и внучкой будут летом теперь не в Сочи ездить, а сюда к ним в деревню. Всё здесь будет своё, домашнее, экологически чистое.

Овощи, фрукты, зелень прямо с собственного огорода. Яйца от собственных курочек, а не прогорклый яичный порошок. Молоко, розоватое от цветов клевера. Банька с ровной поленницей и рядом подвязанных под навесом березовых и дубовых веников.

Благодарить!

Лицо Ядвиги, покрытое сеткой морщин, просветлело, умилилось, когда она представила, что на семидесяти пяти близлежащих к дому сотках у нее со временем будут стоять ульи с пчелами. Ведь здесь чудесное разнотравье, сплошь и рядом сиреневая кипень душицы, фиалковая пена цикория, жёлтые всполохи зверобоя, дикая земляника. И это всё по документам теперь принадлежит им с Родионом. А она сумеет приумножить имеющееся добро, ведь деньги липнут к деньгам. Придётся, правда, работников нанимать, одной с этим не справиться. Родиону еще лет десять надо на Севере «отмантулить», чтобы пенсию достойную получить да Лёпсика в институте выучить. Дороговато нынче высшее образование.

Ядвига присела резко на кровати, так что закружилась голова. С этим переездом, она совсем потеряла счёт времени и выпустила Лёпса из вида.

Борясь с противоречивыми чувствами, Ядвига торопливо набрала телефонный номер городской квартиры Лёпса. Длинные гудки ситуацию не проясняли. Снова и снова она набирала телефонный номер. Раздражение, смешанное с уверенностью, что с Лёпсом что-то случилось плохое, нарастало.

Понимая, что заснуть теперь вряд ли удастся, Ядвига попыталась избежать неприятных мыслей. После теплого душа, переодевшись в спортивный велноровый костюм, она заложила постельное бельё в стиральную машинку, заварила себе крепкий кофе, тяжело опустилась на стул у стены. Предоставленные полной свободе мысли снова вырвались на свободу, закружились вокруг одного и того же: «Вот, поспешила, понадеялась, засутилась, выпустила из виду, не так нужно было, нужно было бы с умом».

Ядвига тяжело вздохнула, перебирая в уме собственные представления о жизни. Времена-то меняются, и приспособливаться приходится ко всему непривычному и удивительному в мире, иначе не выживешь. Не с предубеждением встречать, а обучаться всему, в чём можно преуспеть. Иначе, другие преуспеют, и не останется тебе ничего, кроме разбитого корыта.

Глухая тишина в доме была утомительной, ни телевизор, ни радио настроены еще не были, книги и пряжа лежали, упакованными в ящики на веранде, а спать Ядвиге не хотелось. Мысли ее кружились. Ночь изменила свое размеренное течение, и время теперь то бежало быстро, то останавливалось на месте. И тогда в памяти Ядвиги чётко проступали события минувшей жизни. И каждое слово, каждое действие, каждый поступок вспоминались, проявляясь, словно на фотобумаге.

Всю жизнь она старалась, чтобы Лёпс был подальше от всяких соблазнов, подальше от своих сверстников из неблагополучных семей. Всеми правдами и неправдами Ядвига пресекала походы Лёпса на дискотеки, искренне уверенная в том, что борется со злом мира, которое мешает жить всем.

Временами она испытывала нежную любовь к Лёпсу, он казался ей самым совершенным, самым умным, самым талантливым, и тогда она ухаживала за ним, как за маленьким ребенком, старалась согнать с его лица всякую тень. В такие моменты никакая забота не должна была касаться Лёпса, ведь есть у него мама, есть у него сестра. Неважно, что каждая из них, как белка в колесе целыми днями. То уроки, то совещания, то стирка, то плита, то тарелки, то тряпки. И не остановиться, сплошное долженствование. Бывало, у

Ядвиги случались головные боли, и в глазах темнело от переутомления, ноги становились свинцовыми. Но она неторопливо гладила одежду для сына и успокаивала пульсирующую в висках боль мыслью о том, что Лёпсик у него послушать громкую музыку. Ведь все подростки так делают, снимая стресс. А её Лёпсик не исключение, у него такая большая нагрузка. И его главная работа – учёба. Пусть добьётся в жизни большего, чем все остальные родственники. Другого выбора у Лёпса всё равно нет, не зря его в этот институт пристроили. Дороговато, правда, но он должен оправдывать родительские ожидания.

Чего только она не передумала за бессонную ночь, сидя на кухне и периодически набирая телефонный номер городской квартиры сына.

С первыми лучами солнца, с трудом передвигая опухшие ноги, она развесила на веранде белье, кое-как застелила постель. Вернувшись на кухню, Ядвига неторопливо налила в сковородку масло и выложила парочку огромных свиных отбивных. Пока отбивные жарились, она позвонила брату в соседнюю деревню.

– Захвати меня с собой в город.

Брату ничего объяснять не пришлось. Через два часа, плотно позавтракав картофельным пюре с отбивными, они выехали со двора. Машина двигалась ровно по гладкой асфальтовой дороге, скорости совсем не чувствовалось. Только мелькали по обе стороны дороги разнокалиберные дачные домики: то обшитые вагонкой, то покрытые облупившейся краской, то сложенные из старых шпал. Расслабившись на мягком кожаном сиденье «Вольво», Ядвига проспала большую часть пути.

Лёпс проснулся в хорошем настроении. Утро было ясным и солнечным. Но день оказался сложнее,

чем он предполагал. В Академию Дина привезла его к самому звонку первой пары.

И первое, что он увидел, поднимаясь по ступенькам к корпусу – гневный взгляд матери. Избегая неприятной сцены, Лёпс торопливо кивнул маменьке, и широко улыбаясь, вместо приветствия сказал:

– Мам, я опаздываю! Давай поговорим у меня на квартире.

Не останавливаясь, Лёпс прошёл мимо охранника в корпус. И только перед дверями в аудиторию, он смог шумно выдохнуть. Настроение было испорчено. Вполуха слушая монотонные лекции, Лёпс стал продумывать различные варианты сценариев, пытаясь выгородить и себя, и Дину. Он перебирал в уме все аргументы, которые бы не шли вразрез с маменькиным пониманием жизни. Наконец, прозвенел последний звонок, и Лёпс с тяжёлым сердцем направился в свою квартирку.

По мнению бывших ее коллег, Ядвига была прекрасным педагогом и неплохо ладила с теми людьми, которые выполняли ее требования. Может, для кого-то она такой и была, но Лёпсу она часто напоминала разъяренную фурию.

Вот и сейчас в ответ на его слова, что он ночью был у любимой девушки, она схватилась за пузырьёк с корвалолом, заявляя, что Лёпс хочет свести ее в могилу. Кричала, что он несколько не беспокоится о своей матери, только пытается свалить на нее все свои проблемы, а ей нельзя волноваться, ведь у нее чуть что – так давление скачет. Схватила за тонометр, продемонстрировала ему высокие цифры. Но Лёпс давно уже знал, что истинной озабоченности своим состоянием и своим здоровьем у нее не было, анализы маменька не сдавала, режим не соблюдала, таблетки,

прописанные врачом, пила только при свидетелях. Ядвига Константиновна потихоньку успокаивалась, а их беседа всё более и более походила на допрос. Всё это время маменька в упор смотрела на Лёпса, а он старательно уходил от ее взгляда и все плотнее сжимал губы.

Маменька была безжалостна и жестка, она не видела в Дине ни одной хорошей черты:

– Лёпсик, миленький, ты пойми: Дина – развратная, падшая, испорченная и избалованная. Она для тебя, Лёпсик, старая. Она тебя погубит, развратит твою нежную душу, поиграет с твоими чувствами и бросит. Такие, как Дина, не способны на истинные чувства. Они не способны на любовь. Они – хищницы. Ими движет желание взять, захватить, вырвать любой ценой жирный кусок материального счастья. Мужчины для них, прежде всего, печатный денежный станок.

Лёпс попытался остановить злоречивый поток маменькиных слов:

– Маменька, да с меня ей взять нечего!

– Какой, ты у меня, Лёпсик, глупый и доверчивый. Совсем еще ребенок.

Голос Ядвиги изменился, стал мягким, нежным, вкрадчивым:

– Милый, а ты уже позабыл, где ты учишься? И кем будешь? Мы с отцом всё мечтаем о том времени, когда ты дипломатом в какую-нибудь европейскую страну поедешь. Вот и Дина этот лакомый кусочек упустить не хочет. Она очень предусмотрительная и дальновидная. Всё только для себя, на себя, во имя себя! Она и тебя-то под себя перекраивает. Посмотри, в чем ты ходишь, что ты говоришь, чем питаешься. Я всегда вам говорила, что домашний очаг – это святыня, а женщина – его берегиня. Она дом бережёт, мужа

бережёт и детей для себя рождает и стережёт. А что Дина делает? Вот где она сейчас шляется, чем занимается? Почему ты один, как бобыль в темноте сидишь?

Лёпс молчал. Ощувив злость и стыд, он уже сожалел, что был столь откровенен с маменькой. Заметив покрасневшее лицо сына, маменька примирительно произнесла, улыбаясь и ласково сощутив глазки:

– Ну, сыночек, ты у меня – взрослый, своя голова на плечах есть, не позволишь себя обдурить. А мне домой ехать надо – поздно уже. Не надо меня провожать, хлопоты твои излишни, лучше подумай о том, как дальше жить будешь. Мне ведь ещё внуков твоих растить. А вдруг Дина генетику нам испортит?

Проводив мать на вокзал, Лёпс вернулся в Динину квартиру. С большим трудом он попытался сосредоточиться на книге Чосера, но в подлиннике она тяжело шла. Положив томик на прикроватную тумбочку, он начал взволнованно ходить по комнате, то выглядывая в окно, то прислушиваясь к шуму подъезжающих машин. Потом какое-то время он бездумно перелистывал мужской иллюстрированный журнал.

Сгущались сумерки. А Дина всё не приезжала и не звонила. Ожидание становилось мучительным. Лунный свет разливался по комнате, и, казалось, что проникал в каждую щель. Сами собой наплывали события последних дней. Рождались образы то смутные, то яркие. Они теснились в голове, кружились в бешеном калейдоскопе. И вскоре Лёпс уже не различал, где явь его отношений с Диной, а где воспоминания от беседы с маменькой. Он мучился в догадках. Сам того не осознавая, Лёпс стал часто и неглубоко дышать. Тихонько щёлкнул замок входной двери. Лёпс бросился

в прихожую. Дина не успела удивиться неадекватному поведению Лёпса, как он заорал во всю силу своих легких:

– Ну, и где тебя весь день и весь вечер носило?

Не понимая, недоумевая, почему он требует у нее отчета о прошедшем дне, Дина пожала плечами.

Она изящной походкой манекенщицы осторожно обошла Лёпса, поставила в холодильник пластиковую коробочку с мороженым, одновременно вытащила тарелочку с тонко нарезанными ломтиками пастромы и сервелата, запустила кофемашину, села в огромное белое кресло перед телевизором и попыталась образумить разбушевавшегося любовника:

– Решала семейные проблемы, – она медленно-медленно помешала ложечкой головкружительно пахнущий кофе.

– Какие семейные проблемы? Что вообще ты можешь решать, женщина? – Лёпс горько усмехнулся и сел напротив.

Дина поставила перед ним прозрачную кружечку-кувшинчик:

– Ты чем недоволен?

– А почему я должен быть доволен? Ты с утра уехала, меня бросила, сижу, как бирюк, в твоей четырехкомнатной квартире весь день.

– Так уж и сидишь, – покачала головой Дина, выразительно посмотрев на грязные ботинки Лёпса, стоявшие перед зеркалом в прихожей.

Лёпс резко встал. На стеклянном столике задрожала кофейная лужица:

– Я не намерен выслушивать твоё мнение, – заорал он, – оно меня совсем не интересует. Я просто хочу знать, где и с кем ты была.

– Неужели ревнуешь? – театрально всплеснула руками Дина, насмешливо поглядывая на Лёпса.

И тут Лёпса прорвало по полной. Дина кое-как сумела успокоить разбушевавшегося Лёпса: она извинялась, плакала, клялась, что ей нужен только он один, нежно гладила его, целовала, умоляла, объясняла, что не в силах переделать саму себя, отказаться от своего счастья в его лице.

Устав от сцен ревности, Дина рассказала о Лерочке и предложила Лёпсу стать ее мужем.

«Жениться в восемнадцать лет легко, а быть женатым всю оставшуюся жизнь трудно», – мелькнула и исчезла у него мысль, когда-то высказанная папенькой...

Лёпс тяжело вздохнул, мысль о женитьбе совершенно не радовала его. Он отвернулся от Дины и подошёл к окну, задумался.

Все тот же проспект, все те же вековые липы, все та же Дина, все тот же он. Как будто ничего не изменилось. Все оставалось таким же, как прежде. Только горький осадок во рту то ли от кофе, то ли от прорвавшейся злости, то ли от обиды, то ли от того, что он узнал о дочке Дины. Лёпс снова тяжело вздохнул и прикоснулся к стеклу горячим лбом.

Вкрадчиво, ненавязчиво вливалась из соседнего дома в форточку медленная классическая мелодия. Но внезапно, словно испугавшись раннего утра, музыка оборвалась и затихла.

Неожиданно на глаза Лёпса навернулись слезы: «Со мной всё в порядке, меня это не касается, – стал он повторять про себя, – я тут не причём. Это всё маменькины происки и Динины. Ну почему, бабы командуют? Почему снова командуют мной? Зачем так... Я не позволю этого, не позволю, никогда не буду

тряпкой перед бабами. Этого я никогда не сделаю, не могу сделать. Мужик я или не мужик?»

Просыпался за окошком торопливый мир. Размеренно шкрябал по асфальту размочаленной коричневой метелкой старательный дворник. Только-только начиналось утреннее движение на улицах. Автобусов еще не было, зато на полном ходу проносились «ГАЗЕЛЬки» и легковушки.

Лёпс понимал, что надо как-то налаживать свою жизнь, понять, разобраться в том, что происходит с ним и вокруг него. Но отвечать Дине и думать о будущем или о чем-то другом сейчас, ему не хотелось.

3

– Какие у вас отношения с Диной? – спросил вечером одноклассник Тимур, наливая себе в фужер красное вино.

– Вообще-то, я люблю ее, – и Лёпс сделал неприличный жест нижней половиной тела, одновременно выставив перед собой сжатые кулаки.

Сухощавый, стройный, гибкий, с тонкими чертами лица, выдающими башкирскую кровь, Тимур презрительно глянул в упор на Лёпса карими глазами. Фужер в его руке резко качнулся, и большое темное пятно медленно расползлось по выбеленной полосами оранжевой водолазке с джинсовыми вставками. Кто-то громко рассмеялся, а подруга Дины расширившимися глазами посмотрела за спину Лёпса.

Наступила тишина. Лёпс обернулся. В пролёте двери, прислонившись к косяку плечом, стояла Дина. Лёпса поразили резкие черты ее побелевшего лица. Внезапно она молча повернулась, и вышла из комнаты. Лёпс зачем-то бросился за ней...

Резко бросив руль вправо, Дина затормозила, посмотрела на Лёпса сухим пронзительным взглядом. Дина страдала, иначе и не могло быть. Она вдруг рассмеялась отрывисто и зло:

– Неужели ты не понял того, что сейчас сделал?

Лёпс молчал. Дина достала из пачки сигарету, Лёпс предупредительно щелкнул зажигалкой, она прикурила, резко выдохнула дым и добавила:

– Ты знал, кто я. Ты знал, какая я. Ты знал, что я тебя люблю. Я хотела быть тебе честной женой, а ты оскорбил меня перед друзьями... Это ты называешь любовью? Как ты можешь честно смотреть мне в глаза? Я всю душу ради тебя полгода выворачивала. Отца, мать не послушала... А что ты сделал для меня?

Не говоря ни слова, Лёпс нежно поцеловал ее руку. Он знал, что Дина вспыльчива и отходчива. Он понимал, что возражать и оправдываться перед Диной сейчас бесполезно, надо переждать, надо дать ей время успокоиться. Но вчерашний разговор вдруг припомнился Дине во всех мельчайших, обидных подробностях.

– Что тебе надо в жизни ещё, чего ты хочешь?

– Счастья я, Дина, хочу. Обыкновенного счастья, а для тебя дом – «могила». Ты звездить привыкла. А я человек – простой, неиспорченный.

Дину передернуло:

– Сейчас, Лёпс, отломлю тебе кусочек счастья! Ты ведь ничего не можешь, ни к чему не приспособлен. Что у тебя есть, кроме мужского достоинства?

Лёпс сразу уловил истинное значение этого словооборота и недовольно поморщился. А Дина всё так же резко продолжала :

– И то благодаря мне с собой познакомился... Так, – мышь серая, а не мужчина ты в полном смысле

слова. Ни защитить, ни оградить, ни помочь не можешь, неиспорченный ты наш! Я тебе светлое будущее предлагаю: деньги, работа во Франции, красавица жена в помощниках.

Лёпс вскипел:

– Да что ты себе позволяешь? За дурака меня держишь? Ишь, размечталась, за границу захотела! Да я не для того в институте учусь, чтобы ты мою специальность использовала в своих целях. Ишь, какая умная нашлась... Помощница! Закончишь институт – уедем работать во Францию, – передразнил он Дину. – Папенька поможет устроиться. Знаю я, как ты работаешь и каким местом. А моя жена должна быть скромной и порядочной!

Дина моментально выпустила когти: беспощадно, цинично и надменно произнесла, презрительно скривив губы и отчеканивая каждую фразу:

– Ты – дурак, Лёпс! И замуж за тебя только дура пойдет! Ни квартиры собственной. Ни денег. Ни диплома. Да и из института выпрут, если с отцом твоим что-нибудь случится. Ты – самая обыкновенная пустышка. Я думала, что у тебя хоть чувства какие-то есть, что ты – добрый, отзывчивый, что просто тебе сначала не повезло. Ну, не было у твоих родителей возможности занять соответствующую нишу в городе. Вот они всю жизнь и жили на одну зарплату и натуральное хозяйство вели. Старались по-своему, мечтали, надеялись, что ты человеком вырастишь. И что выросло из тебя? Быдлом родился, быдлом и умрешь! Сколько тебя не учи дипломатическим приёмам.

Она глубоко затянулась сигаретным дымом, выдохнув, с ядовитыми интонациями отрывисто добавила:

– Что ты воображаешь-то о себе. Ах, как умен! Специалистом по международным отношениям будешь, когда выучишься. Да кому ты нужен будешь без связей, со своим дипломом в нашей стране? Только не уверяй, что всего сам добьешься. Самолюбие высокое. Только не привык ты, милый, трудиться. Не любишь и не умеешь работать. Нищий ты Лёпс и нищим помрешь! Мужлан!

Из всего монолога Лёпс понял только одно, что Дина хочет его унизить. Все померкло, исчезло, его захлестнуло волной ярости, все потеряло смысл. Остался только гнев. Он прерывисто и часто задышал. Всё его тело напряглось. Лёпс метнул на Дину взгляд, полный ненависти. И стиснув зубы, отдельно произнес:

– Подумаешь, цаца какая! Думаешь, что купить меня можешь? На меня и другие бабы вешаются и покруче, и побогаче тебя, и помоложе. А кому ты нужна со своим шестилетним довеском, оторва старая? – с этими словами он выскочил из машины и изо всех сил хлопнул дверь.

Дина вдарила по газам и поехала в «Паутину». Надо было бы радоваться тому, что она вовремя прозрела, но радости не было. Как долго она идеализировала жизнь и ждала от нее только радостей, побед, любви и материального достатка. Как быть, что искать, кого ждать? Ей казалось, что вокруг нее все давно уже превратились в живые манекены, и она сама тоже становится такой же. От этого Дине становилось страшно и тревожно. Она чувствовала себя разочарованной, опустошенной и никчемной. Иллюзия счастья рушилась.

Серый, тоскливый дождь неприятно частил холодными каплями. Искжая и растворяя в себе очертания улиц, домов, машин, прохожих, мыслей, он

сыпался, сыпался и сыпался мелким бисером с висящего прямо над головой свинцового неба. Лепса после двух бутылок пива клонило в забытие и сон. Хотелось упасть, плюхнуться в теплую постель, свернуться калачиком и выключиться из этой промозглости, сырости, холода, из себя, из жизни.

Через две недели маменька протянула Лёпсу ключи:

– Хватит ютиться по чужим углам – пора и своим обзаводиться. Сбылась наша с отцом мечта: квартиру в городе купили. Только через порог переступили – сразу юность свою вспомнили. Мы ведь, Лёпсик, с папенькой точно в такой же жить начинали. Поэтому и взяли, не торгуясь. Ничего не поделаешь – ностальгия. Теперь тебе есть, где жить.

Комната была просторной с большим альковым, напротив которого располагалось облупившееся от старости трехстворчатое окно. Лепс вспомнил уютное гнездышко Дины, перевел враз помрачневший взгляд на серый с многочисленными извилистыми трещинами потолок. Внимательно посмотрел на дурацкие округлости по краям, плавно переходящие в выцветшие порыжевшие обои на стенах, произвольно скользнул взглядом по вышарканным кривым половицам.

В ванной сильно пахло сыростью. Увидев его расстроенное лицо, Ядвига Константиновна напористо произнесла:

– Тебе только обои выбрать и плитку в ванную. Я все расходы оплачу. Тётушка завтра всё зашпаклюет и потолки побелит, а Анжелика с девочками за выходные косметический ремонт сделают. Они молодые, ко всякому труду привычные. Так что, дней через пять въедешь в свои хоромы. И будет у тебя собственная однокомнатная квартира. Документы, правда, я на себя

оформила: ты молодой, доверчивый. Любой тебя обмануть может и без квартиры оставить. А я-то своё кровное упускать не намерена, добро только приумножать надо. На благо детей и внуков. Живи и благодари маменьку с папенькой, что о тебе до сих пор заботятся.

Комната после ремонта понравилась Лёпсу. В ней было прохладно и уютно. Белые с розовыми и голубыми разводами обои навевали спокойствие. Пол был покрыт темно-коричневым с желтоватыми листьями напольным покрытием. Вдоль стены напротив входа тянулась светлая стенка с удобным шкафом. Лёпс быстро развесил на плечики свои рубашки и костюмы, разложил на полочках футболки и свитера, аккуратно повесил галстуки. Возле окна стоял огромный компьютерный стол с мощным компьютером. Лёпс поместил над монитором огромную фотографию сестры, Анжелики, которую он по детской привычке, как и батя, звал только Ежевикой. Ровным рядом расставил на полочке учебники, сложил стопочкой тетради с лекциями, разобрал по темам пластиковые коробочки с дисками.

Ещё раз огляделся. Чистая, аккуратно прибранная квартирка. Удобная, обитая серо-голубым велюром мебель: диван, пара кресел и кушетка.

Окно было скрыто широким белым экраном – новомодными жалюзи. «Хорошо», – подумал Лепс, и улыбнувшись, добавил вслух:

– Однокомнатно!

Вскоре Лёпс устроился менеджером в салон мобильной связи на углу дома, очень скоро освоился там. Работа учёбе не мешала, наоборот, придавала ему веса в глазах преподавателей. Да и времени она много не занимала, потому что работать приходилось по

скользящему графику в четыре смены, что было очень удобно для студентов. С напарником быстро сложились приятельские отношения. Виталик добросовестным образом старался посвятить Лёпса во все тонкости работы. Он рассказывал о моделях сотовых, о том, как отличить потенциального клиента от простого зеваки, как правильно разговаривать с клиентом, как во время рабочего дня правильно «закадрить» девушку на вечер.

Вскоре Лёпс научился предлагать за дополнительную плату заинтересованным клиентам легко запоминающиеся телефонные номера. Не позабыл Лёпс и про себя, его личный номер сотового содержал целых пять троек.

Виталик считал себя очаровашкой, пользовался всесторонним успехом у девушек и женщин, сидевших вечерами в кафе или пивной. Гибкий, податливый, слегка сутуловатый, высокий блондин. Прирожденный авантюрист и «романтик», он обладал примитивной этикой и часто недосказанное сопровождал двусмысленными улыбками и жестами. Виталик сделал себе подарок на шестнадцать лет, снял на три часа проститутку, чтобы она лишила его девственности и научила быть мужчиной. Он с удовольствием рассказывал Лёпсу о своих любовных похождениях и лёгких интрижках. На каждый день недели у него был свой сексуальный график. Слушая его скаребные частушки и анекдоты, Лёпс иногда стыдливо опускал глаза.

Виталик тщательно заботился о своем здоровье, но это не мешало ему вытягивать из портсигара овальную «Приму» или «Беломор». Не отказывал он себе и в бутылочке-другой пива. В житейских делах Виталику не было равных. Работящий, неприхотливый к условиям проживания Виталик имел, кроме женщин,

две слабости: хорошая машина и туристические походы. Но больше всего он любил сплавы по рекам, гитару и песни у костра. Это было наследственное: его отец с юности знал всех местных бардов и всех туристов. Знакомства помогали вести отцу свой нехитрый местный туристический бизнес. Случалось, что по проложенным им трассам ходили и иностранцы. Иногда и Виталик проводил все выходные и отпуск в таких экспедициях. Любил выставять себя в лучшем свете, имел только одно чётко усвоенное правило чести «Сам погибай – но товарища выручай». Но в целом, Виталик был неглуп, сметлив. И по вечерам в свободное от работы время охотно составляя компанию в кафе или на дискотеке Лёпсу и Русланчику.

– Ну, и как тебе девчонки? – торопливо скомкав тисненную бумажную салфетку, поинтересовался Виталик у Лёпса в кафе.

– Да не рассматривал.

– Чё так плохо-то? А они глазками на нас стреляют. Особенно вон та, светленькая. Ну, и бикса, я тебе скажу! Пойду, потрусь возле курилки... Вдруг повезет, пару новых поз ночью попробую, – и Виталик исчез.

Лёпс позавидовал ему: Виталик не испытывал сомнений и не мучился вопросами морали. Он был веселый и беспринципный парень. Лёпс вздохнул, подумав про себя: «А собственно кто мне мешает стать таким, как Виталик или Русланчик?»

Он бросил взгляд на институтского товарища, на пару с которым изредка готовился к коллоквиумам и семинарам в читальном зале библиотеки. Общительный, низенький, сухощавый, несколько неуклюжий паренек с типичным татарским лицом был незаменим в любой компании. Лёпс случайно сел с ним рядом в первый

день учебы, и с тех пор Русланчик мягко, тепло и как-то особенно нежно относился к Лёпсу, всегда был готов прийти на помощь, нередко защищая Лёпса от нападок однокурсников-горожан. Всегда приносил на занятия нужные книги, тестовые методики, помогал Лёпсу формулировать выводы.

Но Русланчик, вальяжно откинувшись на спинку стула, с задумчивым видом пил пиво, уставившись в какую дальнюю точку кафе. Сладкоголосый Тото Кутуньо проникновенно пел по радио о превратностях судьбы. От нечего делать Лёпс начал рассматривать посетителей кафе. Четверо мужиков за соседним столиком сосредоточенно и основательно подкреплялись. Чего только не было на их столе: дымящееся жаркое, горячая картошечка, жареные цыплята, тушенные свиные ребрышки под острым соусом. Всевозможные салаты: овощные, мясные, рыбные, сыр, пирожки, большое количество бутылок с пивом. Горка пустой посуды в центре стола красноречиво свидетельствовала об их отменном аппетите, вволю наработавшихся и проголодавшихся честных тружеников. Слева от них сидели мужчина и женщина, оба какие-то бесцветные и тусклые, больше похожие на манекены, чем на людей. Они молча, нарочито медленно жевали какой-то салат, уставившись на что-то за спиной партнера. Сдвинув четыре столика, по соседству с ними разместилась веселая говорливая компания студентов. Смех, громкие возгласы, обрывки анекдотов раздавались в их углу. За столиком справа сидели три девицы ярко накрашенные, броские. На середине стола небрежно брошенные пачки «Парламента» и «Вирджинии Слим». Рядом изящная зажигалка. Пара-тройка салатиков и фирменные, пол-литровые стаканчики с Пепси-колой.

Лёпсу нравились девушки старше него, лет 25-27, ровесницы его сестры. О Дине он старался не вспоминать. К тому же, Виталик ежедневно убеждал его в том, что «эти красотки» прекрасно понимают истинную суть отношений между мужчиной и женщиной и всячески уверяют его в своих добродетелях и искренних намерениях. Ждать-то им больше нечего и незачем. Из шкурки выпрыгивают, чтобы показать свое совершенство, лишь бы не остаться в этой жизни одинокой, старой девой, лишь бы поскорее выскочить замуж. Главное, с умом ими попользоваться.

При ближайшем Лёпсовом рассмотрении они показались неглупыми и даже начитанными. Лёпс многообещающе уставился на светленькую...

Все чаще возвращался Лёпс раздражённый в свою квартиру. С головной болью и воспоминаниями о бурно проведенной ночи с очередной партнершей, с опустошенной душой, Лёпс падал на диван, но спасительный сон не приходил. Он долго повторял про себя, что ему надо успеть сделать после сигнала будильника. Приходилось думать об одежде, о причёске, о деньгах, о еде. Будничные мелочи: немытая посуда, грязные полы, разбросанные по всей комнате носки, рубашки, брюки, пиджаки – очень скоро стали раздражать Лёпса. Он постоянно не высыпался и уже с утра чувствовал себя вялым, а в институт приходил вконец измотанный. Утром аппетита у него не было, и он ограничивался чашкой сублимированного кофе. Днём есть совершенно не хотелось, Лёпс выпивал несколько бутылочек кока-колы, иногда перехватывал мороженное или пельмени. Шёл на работу, потом вместе с парнями отправлялся либо в кафе, либо на дискотеку.

Заработанных в салоне денег, несмотря на маменькину дотацию, катастрофически не хватало. Подвернулся случай подработать на перепродаже краденных «сотовых». Лёпс не хотел сам светиться, поэтому стал просто курьером. Виталик снял в аренду небольшую торговую точку на остановке возле Центрального рынка.

Раз в неделю, обычно по субботам, утром, Лёпс приезжал в плацкартном вагоне в приволжский городок. Его всегда встречал на вокзале высокий худощавый паренек, с редкими засаленными волосами какого-то странного мышиного цвета, с сильно вытянутым продолговатым лицом, остреньким носиком и маленькими бегающими оловянными глазками, которые словно ощупывали всех прохожих.

Завидев Лёпса, он вскидывал руку, словно хотел коснуться кулаком своего плеча. Лёпс отвечал тем же жестом. Паренёк следил за Лёпсом, пока тот, лавируя в толпе, не добирался до него. Они, молча, менялись черными рюкзаками и какое-то время также молча шли рядом. Глаза паренька при этом непрестанно рыскали из стороны в сторону. Возле камеры хранения Лёпс притормаживал, вкладывал рюкзак в спортивную сумку и отправлял ее в пустующую ячейку... Обычно Лёпс уезжал через два часа, беспечно прослонявшись по вокзалу, но иногда приходилось ехать на вечернем поезде, тогда он садился на первый попавшийся автобус и ехал, куда глаза глядят, рассматривая чистенький уютный приволжский городок.

Очередная поездка после первомайских праздников была удачной. Вместо одного рюкзака с «сотовыми» Лёпс привез два. Впереди была целая ночь, точка открывалась только в девять утра. Виталик обещал подъехать через час. И Лёпс от нечего делать

решил просмотреть ассортимент. Он скомкал простынь на диване, швырнул одеяло на кресло, бросил зеленое покрывало на диван и высыпал на него содержимое обоих рюкзаков. Тут же заученно стал сортировать в разные кучки «Моторола», «Сони-Эриксон», «Алкатель», «Нокия», «Сименс», «Саджем».

«Опаньки! А это что за моделька?» – Он торопливо вытянул из груды сотовых поблескивающий золотом корпус. Освобождая для себя кресло, снова кинул одеяло на диван, включил настольную лампу. Стал вертеть в руках, внимательно рассматривая, нажал на кнопку. Загорелся сапфировым цветом дисплей.

«Вот ведь, черти, неаккуратно сработали!» – недовольно поморщился Лёпс, обломав ноготь большого пальца, вытащил симку, бросил на стол. Достал из коробочки МТС-совскую, вставил, проверил все функции. Глаза загорелись, сотовый был слишком навороченный. Громко дренькнул дверной звонок. С сотовым в руке он отправился открывать дверь Виталику. Едва успел сделать шаг назад, как трое в камуфляжной форме и масках натренировано влетели в квартиру, мгновенно уложили Лёпса лицом в пол.

– Ну, что, орел, допрыгался? С поличным попался! – словно прочитав его мысли, суровым взглядом уперся в Лёпса самый высокий.

Приподняв Лёпса, он резко втолкнул его в комнату, усадил на стул, сел напротив в кресло. Второй стоял, опершись спиной о косяк, и равнодушно глядел на фотографию его сестры. Третий подпирал дверь кухни.

Весь товар по-прежнему лежал на неубранном после сна диване. Лежал, скрытый небрежно брошенным одеялом. Диван был за спиной человека в камуфляже, перед глазами Лёпса. У Лёпса мгновенно

отлегло от желудка. На первый взгляд создавалось впечатление того, что хозяин не очень опрятен и в уборке квартиры не особенно себя утруждает. Типичное жилище одинокого холостяка-студента. В руке сотовый, в сотовом личная симка, хозяйская на столе. Ва-банк, так ва- банк. Вдруг повезет.

— Ну, что, молодой человек, всё здесь расскажете или в отделение проедем? — высокий в упор посмотрел на Лёпса.

— Да я-то тут причём? Я от родителей из Малиновки на самарском поезде ехал, — слегка запинаясь, словно от волнения, сыпал своей откровенностью Лёпс. — А в вагоне парни ко мне подкатили, уговорили сотовый купить, сказали, что деньги у них какие-то козлы вытащили. Я их и выручил, купил сотовый за все деньги, что мать мне дала на еду и квартиру. Думал, что выкручусь, промоутером подработаю. Да если бы я знал, что он краденный. Так на парней-то этих сроду не подумаешь, что воры. Думал, что такие же студенты, как я.

— Ну, ладно, с тобой всё ясно. Весь на виду. Ты, студент, телефоны впредь в торговых точках покупай, а не у встречающих-поперечных, которые у нашего человека умудрились утащить.

— Вот, дурак я, дурак. Я же ещё его за магазинную стоимость купил, а не по дешёвке. Если б по дешёвке предложили, я бы насторожился. Вот, дурак, я дурак, — искренне продолжал сокрушаться в своей доверчивости Лёпс, обхватывая голову, словно от глубочайшего сожаления.

— Телефон мы изымаем, возвращаем законному владельцу. А денежки твои тью-тью. Если хочешь, пиши заявление, только тебя тогда, как скупщика краденного привлекают.

– Да я понимаю, что работа у вас такая. Всё понимаю – заискивающим тоном произнес Лёпс, интуитивно чувствуя, что, так как раз и надо разговаривать с этими непрошеными гостями. – Сам виноват, но больно уж телефон хотелось. Вот и остался без денег и без телефона, – он засопел носом, словно сдерживая слезы.

Сдерживая в себе занимающуюся дрожь, Лёпс проводил незваных гостей до двери. Напористо и звонко зазвучали их шаги по ступеням. По лестнице навстречу им поднимался Виталик. Его лицо побелело, глаза испуганно вытаращились на Лёпса. Тот жалко улыбнулся и махнул ему в знак приветствия рукой. Виталик на всякий случай позвонил в соседскую квартиру к Лёнке.

Всю оставшуюся ночь они припоминали десятки своих мелких и крупных безобразий, глупостей, дерзостей, отчаянных поступков, правонарушений сделанных по легкомыслию или исподтишка в своей жизни. Весь товар утром Виталик по дешёвке сплавил скупщику краденого. Больше на Волгу ни Лёпс, ни Виталик не ездили.

4

Двери двухкомнатной квартиры на последнем этаже «девятиэтажки» по пятницам были открыты с восьми до одиннадцати вечера для всех желающих.

Русланчик аккуратно поставил в стройный ряд обуви свои кроссовки и сразу предупредил Лёпса и Виталика:

– У Фомича, как у будущего работника СЭС, свой червяк в голове. «Чистота – залог здоровья» называется. Поэтому за собой всё убираете сами. Если

грязь с ботинок натечёт – берёте тряпку и вымываете. Кружку, ложку и тарелку лучше свою иметь или одноразовую приносить. Курить только на балконе, там и банка для окурков поставлена. Понятно?

Лёпс удрученно кивнул головой. Виталик криво улыбнулся.

В квартире было чисто, по-своему уютно. Дверь в святая-святых – спальную комнату Фомича была скрыта большим зеленым ковром. Никто не знал, что за ним скрывается. Фомич никогда никого в эту комнату не приглашал и не впускал.

Бритый наголо, недавно отслуживший армию, Фомич излагал свои мысли легко, в только ему присущей, небрежной манере:

– Мораль это что-то из области религии. Моя мораль быть свободным. Я хочу видеть иной мир. Таким, какой он есть. Без всех этих общественных правил, рамок, стереотипов. Задолбали меня сказочки про красивую жизнь, все эти мифы и легенды, выдуманные историками о наших правителях и обществе. Общество – это огромное жирное тело, а я – его маленькая клетка. И мне, парни, глубоко плевать на то, что внутри этого тела происходит. Единственная, приемлемая мораль – это жизнь. Живи сам и другим не мешай. Дай ты человеку идти своим путём.

Он сложил руки в замок сзади на шее, повернулся вправо, влево. Хрустнули позвонки. Фомич, умиротворенно улыбнувшись, продолжал:

– Вон предки наши под руководством партии жили. По какой-то дороге к светлому будущему семьдесят лет шли, шли, шли. Чего-то там строили, строили, строили. И, наконец, построили. А пришли к тому же самому капитализму, который ругали и поносили все эти семьдесят лет. Вся история общества

кровью пропитана. Как при родах. Человек рождается, а обрезок пуповины отпадает. Так и общество с новыми убеждениями рождается, а старые ценности отмирают. Короче, парни, у жизни другие законы. Отличные от тех, про которые нам учителя в школе талдычили. Что рождение, что смерть – всё едино, всё продолжает друг друга. Поэтому живи свободно, не ограничивай себя и других. Не циклись на морали и предрассудках своих предков.

– Да это трава на тебя так действует. – с усмешкой сказал Руслан.

– Зря ты, Русланчик, так...

Фомич укоризненно посмотрел на него и спокойно, по-деловому продолжил:

– Учиться надо всему и всё использовать. Ведь мудр тот, кто у всех научается. Всё, что способствует жизни – справедливо. Ты вот кофе каждый день пьешь, а Лёпс с Виталиком пиво. И кофе, и пиво по-своему на вас действуют. А я, когда мне хреново становится, траву курю.

– С твоей философией разве может быть хреново? – наседал на Фомича Русланчик.

– Я в городе живу, а здесь других клеток много. И у них своя философия. Им тоже жить хочется по своим законам, а не по закону жизни. Этакie раковые наросты возле меня. Либо сожрут меня, либо я иммунитет к ним выработаю. Травка мне помогает. Она дает мне прибежище внутри меня. И я возвожу вокруг себя нерушимые стены, – невозмутимо продолжал Фомич.

– Парень, ты в иллюзии впадаешь. Маразм юношеский обычно не излечивается, – заметил Лёпс.

– Парни – на улице, а я – Фомич.

Исподлобья посмотрев на Лёпса, Фомич мягко продолжил:

– Но я на тебя нисколько не обижаюсь. Только говоришь ты сейчас просто для того, чтобы что-то говорить. А это пустое. В любой фразе, Лёпс, идея, или чувство, или порыв должны быть. На то оно и слово. А просто так болтать и попугай умеет.

Но Лёпс продолжал наседать на хозяина квартиры:

– Ты – трус по натуре, Фомич. Ты жизни боишься, избегаешь ее. От собственного страха и бессилия стены вокруг себя возводишь. Фарисейством занимаешься.

Фомич, улыбнувшись одними глазами, дружелюбным товарищеским тоном заметил:

– Не от жизни я, Лёпс, бегу, а наоборот, к жизни. Познавая себя, свои границы и своё предназначение, я познаю всё, что вокруг меня.

– Это как? – немного замешкавшись, удивился Лёпс.

Но Фомич уже стал рассказывать о преимуществе травки перед водкой, предлагая попробовать её вместе. Парни поспешили на улицу. Лёпс остался. И ещё некоторое время они с Фомичем вели, только присущую русским людям, философскую беседу.

Приближалась летняя сессия. Нервное напряжение у Лёпса нарастало, ведь приходилось заниматься больше, чем обычно.

Временами бывало так, что холодная тень набегала на душу Ядвиги и леденила ее.

В такие моменты ей казалось, что вся жизнь ей только снится, что все это: банька, дом, земля, пасека, муж, дочка, сын, зять и внучка, на самом деле, ей не принадлежат.

Это всё – не её, только дано на время. И ради чего она тогда терпит всё, и терпит, и терпит годами, и работает всякую работу? И ради чего она и моет, и стирает, и варит, и недосыпает ночей, и вечно находится в зависимости от своего мужа? И ради чего сносит всё это она?

Боялась она, что скоро появится на крылечке Родион с молодой длинноногой блондинкой и попросит ее освободить дом. И кончится на этом ее жизнь с Родионом и детьми. Кому она нужна будет со своей пенсией? Мрачнело тогда у Ядвиги на душе, переполняли ее раздражение и злоба на всех, кто выглядел счастливым и радостным.

И начинала она обзванивать многочисленных родственников, детей, Родиона, и принималась, по обыкновению вздыхая, жаловаться на обстоятельства, на дороговизну, на продавщиц в сельпо. Успокаивалась Константиновна только тогда, когда в ответ слышала, что всё и у других идёт плохо, всё не ладится, и что тоже одолевают их неприятности и хвори. Тень мгновенно спадала с души Ядвиги, и вздыхала она с облегчением.

– Пригляди за Лёпсом! – попросила Ядвига старшую сестру своего мужа.

– Ты, Ядвига, в последнее время совсем спятила от своей подозрительности. То за мужем пригляди, то за сыном, то за дочерью, – недовольно пробурчала та.

– Боюсь я за него, Светочка, переживаю. Сердце материнское ноет, как бы, куда не вляпался. На днях Анжелика из города приезжала. Так рассказывала, что

похудел сильно в последнее время, огрызается. Без денег сидит, и в холодильнике таракан повесился. Хотя я ему десятого числа регулярно продукты и деньги с тобой или с Эльвирой передаю.

– Да, знаю я, что сумма немаленькая, – подтвердила тётушка.

Маменька стала рассказывать дальше:

– Дала ему Анжелика денег на продукты. Так Лёпсик купил курицу гриль. Сел на кухне. От Анжелики локтями отгородился. И пока все косточки не обсосал, из-за стола не вылез. Ты вот представить себе можешь, чтобы наш Лёпсик с сестрой, которая его вынянчила, даже кусочком маленьким не поделился? Сказал, чтобы сама думала, что ей есть.

Тетушка недоуменно качала головой, ойкала. А Ядвига Константиновна продолжала, фонтанируя эмоциями, рассказывать по телефону:

– Так это еще не всё. Анжелика, на ночь глядя, два противня пирожков с мясом напекла. Девчонки прийти к ней утром должны были. Договорились, к последнему экзамену вместе готовиться. Анжелика в семь утра встаёт, а в тазике один надкушенный пирожок лежит. Она к Лёпсу с вопросами. Думала, что он – подшутил, переложил куда-нибудь. А оказывается, он их все съел.

– Как, целых два противня? – поразилась Светлана, прикрывая на некоторое время свободной рукой рот. Она с трудом могла съесть пару анжеликиных пирожков, такими огромными и сытными они всегда ей казались. – Как в него столько влезло? Это же ненормально.

– То-то и оно. То-то и беспокоит, Светочка. Боюсь даже предположения делать, куда или на кого деньги он тратит. Ты уж присмотри за ним.

Порасспрашивай. Милославу попроси помочь. Я в долгу, сама знаешь, не останусь.

– Что ты, что ты, – заворковала в трубку Светлана. – Какие долги? Все-таки племянник он мне. Да и ты – не чужая. А вдруг со Славкой моей что-нибудь случится? Кто мне тогда, кроме тебя, поможет?

– Я его с каким-нибудь поручением к тебе отправлю после того, как он последний экзамен сдаст. А ты уже постарайся всё разузнать. Я хочу знать, где он бывает и с кем встречается.

– Я понаблюдаю. Только вот, что тебе скажу: рано вы его от себя отпустили, рано самостоятельность ему предоставили. Надо было, чтоб у нас он пожил. А вы квартиру ему сначала сняли, а потом собственную на восемнадцать лет подарили. Он у вас мальчик домашний, к городу не приспособленный.

– Светочка, да ты только представь, что ему полтора часа от вас до института добираться пришлось бы. А он поспать у нас любит. Да и тебя стеснять не хотела.

– Ядвига, ну, как ты понять не можешь, что благими намерениями родителей иногда мостится дорога в ад для ребенка.

– Только не надо меня лечить, отправлять! Он у нас с четырнадцати лет один живет. Сначала на Севере в соседней квартире жил, теперь в столице. Горький же прошел свои университеты, и многого добился и в литературе, и в жизни.

– Так, то – Горький, а это твой сын. Я со Славки своей глаз не спускаю, переживаю. Сколько маньяков по городу ходит. А сколько желающих соблазнить молодую да красивую девушку. Им-то что: поиграли, побаловались, а девчонке всю жизнь потом маяться. Хорошо, если не забеременеет. Все боюсь, как бы

девчонку мне не испортили. Всех подружек ее знаю. А такого, как твой Лёпсик, какая-нибудь девица легкого поведения с удовольствием к рукам приберет и будет веревочки из него вить.

– Да ты, что такое говоришь? Он у нас теперь только об учебе думает! Правда, друг у него – редкая сволочь, – неодобрительным тоном сказала маменька. – В постоянном поиске спутницы жизни. Чувства и ощущения ему подавай.

– К сожалению, такова почти вся современная молодежь, – печально поддакнула тетушка.

– Но мы-то с тобой, Света, такими не были. И дети у нас не такие, как у других. Сами-то мы, Светочка, всю жизнь корячились, недоедали на Севере, не досыпали. Пусть хоть дети поживут в свое удовольствие, пока у нас с тобой силы есть.

– Время сейчас, Ядвига, другое. И это не Север. Это же город, Ядвига, город с миллионным населением. Здесь соблазнов много: и бары, и казино, и дискотеки, и видео различное, и клубы ночные. Детям не столько деньги нужны, сколько глаз да глаз за ними нужен. Иначе сладу с ними никакого не будет, из-под контроля выскользнут, и такого нагородят, что всем расхлёбывать придется.. Славка у меня серьезная. Она чётко знает, какой ей мужчина нужен: чтоб и квартира, и машина, и зарплата приличная у него была.

– И не говори, соблазнов-то много. Правильно ты Славку свою воспитываешь. Как можно прожить в городе на полторы тысячи в месяц? Вон у нас, в деревне, девочка соседская у тети в городе живет. Раз в неделю в деревню к родителям своим едет. Оттуда везет мясо, молоко, картошку, овощи на неделю. А потом всю неделю копейки считает, чтобы кофточку себе новую на вьетнамском рынке купить. Так и привыкает постепенно

к полунищенской жизни. Даже если и выучится, так и будет копейки считать.

— У нее родители, Ядвига, счастливые. Да и она тоже: все воскресенье с ними общается и помогает, с родственниками связь держат. А нас вот жизнь то на Север работать, то на юг отдыхать кидает. И деньги вроде есть, а со счастьем проблема. Дочки наши сами по себе живут. Мы им только и нужны, чтобы с внуками по воскресеньям посидеть.

— Молоды они, ещё как молоды! — принялась защищать племянниц и своих детей, и выгораживать себя Ядвига. — Понимают, что всё нами для них делается. Такие возможности, такую перспективу им даем. Живи — не хочу, потому как всё для них и за них делаем. Одного только требуем: в институте учись, в жизни учись, у людей учись.

— Женить бы вам Лёпса поскорее, глядишь, и остепенился бы сразу. Жена ведь мужа делает, под себя подгоняет.

— Верно, ты, Света, заметила. Мужик без бабы пуше малых деток сирота. Тем более в городе, где «прошмандовок» всяких полно. Только и знают, как у мужиков деньги выманывать. Вот в соседней деревне Галиулины сыну жену купили. Откуда-то из дальней деревни привезли. Хорошая девочка, молчаливая. Всё по дому делает, работающая и неприхотливая очень. Правда, сына дурака родила. Наследственность-то у нее отягощенная. Зато покладистая, и со своими соображениями ни к кому не лезет, знает свой шесток. Не невестка, а находка.

— А как же ребеночек-то? Как с дураком-то в одном доме жить? А если ещё дети будут?

— Деньги у них есть: ребенок мешать будет — так в специнтернат оформят. А невестке сразу после

родов Гузель пенсию по инвалидности у психиатра выхлопотала и попросила по медицинским показаниям простерилизовать.

5

Лёпс лежал, не шевелясь, на пахнувшей свежескошенной травой кровати, и прислушивался к ночным звукам. За тонкой дощатой перегородкой тихонько посвистывала носом тетушка. В соседней комнате умиротворённые, успокоенные баней спали на полу Милослава и ее подруга Маринка. Где-то на окраине дач слышалась застольная песня, кто-то сильно пьяный громко подпевал, выбиваясь из общего хора. Было тепло и немного душно. Не спалось Лёпсу. Мешала огромная сказочная луна. Всё светила и светила она, заглядывала в приотворённое окошко, затянутое москитной сеткой. Словно пушистым половичком, застилала она пол своим серебристым светом.

Не удержался Лёпс – потрогал рукой дощатый пол, вздохнул огорчённо. Не мягкий, и не теплый. Сплошная иллюзия, обман. Заворочалась за стеной тетушка, всхлипнула во сне. Задумался Лёпс о тетушке. Сколько лет была в браке! После Славкиного рождения дома сидела. Не дом был, а полная чаша. Всегда приезду папеньки с маменькой и Лёпсом тетушка радовалась, суежилась, все лучшее на стол подавала. И икра у тетушки всегда была, и фрукты свежие. Мужа редко ее Лёпс видел, тот всё на заводе пропадал. Любила его тетушка до беспамятства, с какой-то собачьей преданностью к нему относилась, чуть ли не боготворила, пылинки сдувала. Ревновала ко всяким бухгалтершам да секретаршам, но как-то тайно. Прав своих на него не заявляла, никогда о них не заикалась. И

вот пришлось ей в пятьдесят лет начинать зарабатывать себе на жизнь и на пенсию. Ушёл от неё ее любимый и ненаглядный Славочка, к молодой ушел. Только дача да трехкомнатная квартира у неё остались. Совсем близко, на соседней даче, включили проигрыватель, приглушили отдаленное пьяное пение. Оборвались все мысли у Лёпса, переключился он на музыку. Хорошо поют, душевно. Слушал, слушал Лёпс обычный субботний концерт со старыми песнями, да и уснул незаметно. Разбудили его громкие голоса на застеклённой веранде.

– Ну, расшумелись, разгалделись, раскудахтались. Кудах-кудах, кудах-кудах, – передразнивая женщин. Лёпс прошёлся петушиной походкой по залитой розоватым, солнечным светом веранде.

– Даже в воскресенье от вас покоя нет: поспать не даёте.

Поцеловал на ходу подставленную теткой выхоленную щёчку. Тётка ласково потрепала по макушке:

– Ну, повернись, повернись. А то с вечера в темноте тебя, как следует, не рассмотрели. Хорош парень. Худоват, правда... Но высок-то, высок. Весь в бабушкину породу. Под два метра вымахал уже?

– Да чуток побольше будет: два метра и ещё пять сантиметров, – произнес с застенчивой улыбкой Лёпс.

Тетушка охнула:

– Высок!

– Привет, брателло, привет, – улыбнувшись, помахала рукой Славка и тут же погнала его в лесок. – Давай, Лёпс, хватай ведро и быстро на родник по воду, а то чая не дождемся. Вон Маринку возьми с собой. А мы

пока с маменькой тут порядок наведем, да блинчиков с деревенским творогом напечем. Есть-то, поди, хочешь?

– Хочет, хочет, – ответила за Лёпса тетушка, впихивая ему в руки огромное пластиковое ведро с крышкой. – Студенты всегда есть хотят. А нашему студенту ещё и двойной паёк по росту положен.

Лёпс чертыхнулся про себя, но ведро послушно взял.

– Ну что, пойдем, – он внимательно посмотрел на бледное в утреннем свете лицо девушки.

Тонкие прядки словно светились, пронизанные солнечным светом, вились вокруг лица. Скользнул взглядом по ее фигурке. Голубые джинсы откровенно обтягивали нижнюю часть тела. Малиновая разлетайка без рукавов с глубоким декольте, из-под которого бесстыже выглядывал красный атласный бюстгальтер. Лёпс облизнул губы. Марина, нахмурилась, поймав его любопытный взгляд, рефлексивно подтянула декольте вверх. Лёпс опустил глаза, покраснел. Слегка вильнув бедрами, Марина пошла к калитке, Лёпс поспешил за ней.

До родника было недалеко, минут десять ходу, по тропинке через лес, а потом по отвесным металлическим ступенькам. Лёпс помнил их с пятилетнего возраста: крутые, добротные, сделанные на совесть и на радость людям, с удобными перилами они заканчивались зеленой лужайкой, ограниченной с одной стороны каменистой стеной, в которую была вбита железная труба. Словно белая пузырчатая пена шампанского из этого металлического горла вырывался искрящийся на солнце поток ручья, и, падая, разбивался о широкое металлическое дно глубокого желоба, и струился, струился, струился нескончаемым широким потоком к чистому и прозрачному озерку.

Лёпс аккуратно набрал полное ведро воды, поставил его на траву, наклонился над жёлобом, сделал пару глотков. Ледяная вода перехватывала дыхание, знобила зубы.

Марина присела рядом, поднесла к своим губам сложенные корабликом ладошки. Лёпс внимательно следил за выражением ее полуприкрытых голубых, словно прозрачных глаз. С какой-то нежностью и затаённым дыханием она сделала несколько маленьких глотков. Лёпс набрал полный рот студеной воды и сильно брызнул в ее сторону. Взвизгнув от неожиданности, Марина плеснула на него водой из желоба. Минут пять они весело плескались водой друг в друга.

– Хватит, – ее глаза улыбались. Она стояла перед Лёпсом разгоряченная, с капельками воды на лбу, верхней губе, глубокой ложбинке на груди. Глаза ее тоже казались разгоряченными.

– Вымочила всего меня, – Лёпс тряхнул головой, оттянул спереди свои штаны и с деланным любопытством глянул вниз.

– Так уж и всего? – тихо засмеявшись, вдруг полушепотом спросила Марина, подходя к нему поближе.

Лёпс резко откачнул голову, рассердившись вдруг на себя, на нее. Он не ожидал такого. Он ожидал, что смутит ее. Она отступит, отведет глаза так, чтобы немного видеть его и уберечься от волнения или неловкости. Но Марина уже осторожно и в тоже время сильно тянула его за резинку спортивных брюк. Их взгляды встретились, и неожиданно для себя Лёпс притянул ее к себе за плечи, радостным порывистым шепотом опалил ей ухо. Он схватил ее голову, запрокинул и стал целовать в губы, глаза, щеки, шею.

Марина принимала его поцелуи, но сама не отвечала. Только потом, когда они присели на лужайку, покрытую шелковистой гусиной травкой, она обвила его шею и со стоном впилась ему в губы...

Оторвавшись от Лёпса, она заглянула ему в глаза, нежно улыбаясь, спросила:

– Теперь ты доволен?

– А ты ничего, опытная... – выдохнул он и хотел снова поцеловать ее.

Она отстранилась от него:

– Вообще-то мне с мужиками неинтересно.

– Так я ещё не мужик, а парнишка молодой и неженатый, – он опять было рванулся к ней, но Марина прикрикнула:

– Хватит, не лезь. Разве ты не видишь, что мне мужики неинтересны. Я любопытство своё удовлетворила. Рост-то у тебя немаленький, вот я и подумала о твоей дубинке. Ну, что ты остоленел? Застегни мне ...

Кипя от негодования и сгорая от стыда, Лёпс быстро натянул на себя одежду, посмотрел на Марину:

– А Милослава? Она, что...?

– Что, что, – язвительно перебила его Марина, закуривая сигарету: – Партнёрша она моя, вот что...

– Точно, мир сошёл с ума. Знала бы моя тетушка, что ее дочь – лесбиянка... – помрачнев, глухо сказал Лёпс.

Что-то тупое, угловатое, раскалённое перекатывалось в его душе.

– И не знает, и не узнает. Если, конечно, ты ей не пожалуешься, – просто и внятно произнесла Марина.

– Давай будем считать, что это была шутка.

– А ты – великая шутница, Марина. Талантливая. Хорошо все разыграла, – Лёпс медленно поднялся с травы.

Глаза его были сухи, словно их высушила злость. Он сверху смотрел на Марину, упрямо, словно чего-то ожидал:

– А теперь поговорим серьезно. Смотри на меня.

Она недоуменно покачала головой, села поудобнее, обхватила колени руками, внимательно оглядела ссутулившегося в миг под ее взглядом, поникшего Лёпса:

– Ты не хочешь признавать очевидного, Лёпс. Для меня мужики не более, чем пыль.

У Лёпса противно закружилась голова. Он почувствовал вдруг, что сердце его забилось чаще. Он почувствовал, как в нём, в сердце, родилось, запульсировало не то возмущение, не то раздражение, мгновенно осознанное отрывочными фразами: «Баба командует. Снова командует мной. Зачем так. Я не позволю этого. Не позволю. Никогда не буду тряпкой перед бабами. Этого я никогда не сделаю. Не могу сделать. Их сразу надо ставить на место». Обида и гнев удушливо подступили к горлу. Лёпс напрягся. Но в тот же миг горячее кружение в голове потянуло его куда-то вниз. Закрыв глаза и расслабившись всем телом, он окунулся в блаженный покой моментально нахлынувшей темноты.

...Когда Лёпсу исполнилось двенадцать лет, Ежевика взяла его в оздоровительный лагерь на берегу Черного моря. Он был высоким мальчиком, и его зачислили в отряд к самым старшим. Лёпс пользовался привилегированным положением и как младший по возрасту, и как брат отрядной вожатой. Дежурный

вожатый спал в комнате вместе с ребятами в углу, рядом с Лёпсом. Иногда по ночам до Лёпса долетали какие-то странные звуки, какая-то возня, чье-то учащенное дыхание. Он лежал в темноте и пытался напрячь свой слух и зрение, но кровь прилиwała к голове от какого-то непонятного волнения. Он осторожно задерживал дыхание, и всё происходящее виделось ему в туманных очертаниях.

Недосказанные обмолвки, сальные анекдоты, двусмысленные жесты и улыбки будоражили и волновали Лёпса.

В последний лагерный вечер все ушли на берег реки зажигать прощальный лагерный костер. В корпусе остались только Лёпс и вожатая Лерочка. Она пришла из душевой, обмотанная полотенцем, и сидела напротив широко распахнутых дверей в вожатском уголке. Увидев Лёпса, вышедшего из комнаты мальчиков, она удивилась:

— Я думала, что совсем одна в корпусе. Сижут тут в полотенце, ногти на ногах крашу.

— А что, без полотенца ты разве лучше выглядишь? — Лёпс выговорил эти слова неестественно громким голосом.

Лерочка с интересом посмотрела на него.

— А ну-ка, иди сюда, — командным тоном произнесла она.

Пугливо озираясь, он приблизился к ней. Лерочка встала, прикрыла дверь на веранду и распахнула полотенце. Лёпс замер. Лерочка в одних трусиках медленно приблизилась к нему, обняла и поцеловала в губы. Он попытался тихо вырваться, шептал неясные слова. Но Лерочка не слушала его, а продолжала целовать лицо, шею, грудь и ниже, и ниже... Лёпс трепетал, замирал и злился. Он готов был

оттолкнуть ее и в то же время замирал от мысли, что будет, если Лерочка сейчас прекратит свои поцелуи...

Наконец Лерочка перевела дух, посмотрела снизу на его лицо, поднялась, подтянула ему до талии спущенные шорты. Щеки Лёпса горели. Наступили те ужасные секунды невыносимого положения, когда он понял свершившееся, но продолжал делать вид, что ничего не произошло. Его растерянный вид заставил её громко рассмеяться.

Не понимая, что он делает, Лёпс хлопнул дверью и обежал весь лагерь. С видом невинного мальчика через час он вернулся в корпус. Как ни в чем не бывало сел возле сестры. Лерочка всё оставшееся до конца отъезда время бросала на него снисходительно-насмешливые взгляды. Лёпс старался не смотреть в ее сторону, но когда взгляды их встречались, его охватывало чувство раскаяния и стыда.

Маменька и сестра вряд ли понимали, что происходит с Лёпсом после возвращения из лагеря. На все вопросы они получали более или менее удовлетворительные ответы. Отец вот только стал мягче относиться к Лёпсу, стал чаще брать с собой на рыбалку и вскоре, договорившись в жилконторе, определил его в пустующую квартиру на одной лестничной клетке с их жилищем.

Очнулся Лёпс от упавшей сверху холодной прохлады. Над ним на коленях стояла Марина. Не замечая его полураскрытых глаз, она еще раз сильно брызнула ему в лицо, набрала снова полный рот воды из ведра.

– Хватит, – тихонько сказал Лёпс.

Марина принялась носовым платком утирать его лицо, шею, прочесала зачем-то пальцами волосы, улыбаясь и, словно жуя, сказала:

— Беденький. Ты оказывается такой чувствительный, с такой ранимой душой. Беспомощный, как ребёнок.

Она взяла его за обе руки, осторожно и вместе с тем, сильно потянула, помогая ему сесть.

Лёпс глянул в ее глаза, Марина смотрела нежно и ласково. У него снова стала противно кружиться голова, и, преодолевая свое желание лечь на землю, он слабым голосом попросил:

— Пойдем потихоньку, а то тетушка волноваться будет. Воду ей принесем и чая попьем. Пару кружечек с молоком выпьем за наше счастливое будущее.

Настенные часы показывали восемь утра, когда они появились на веранде. На огромном круглом столе, накрытом яркой с фруктовым рисунком клеенке, всё уже было готово к чаепитию. Огромная стопка тонких кружевных блинчиков, прозрачные вазочки с вишневым, смородиновым, малиновым вареньем, баночки с варёной и обыкновенной сгущёнкой, свежая сметана и кувшин с молоком. Тетушка суетилась, расставляя кружки и блюдца. Вслух она высказывала негромко свои давно обдуманные мысли, и поэтому не нуждалась ни в чьих поддакиваниях или возражениях.

Маринка, вымыв руки, шлёпнулась на диван возле Славки, обняла ее за плечи. Лёпс покосился на Славку. Никакой тени смущения. Обида и злость заклокотали в нем так, что даже голова заболела от прихлынувшей крови. Он сел рядом с Мариной. Его пальцы непроизвольно скользнули по её ноге, на мгновение задержались на коленке. Девушка никак не отреагировала. Сидела, чуть улыбаясь тетушке и Славке, которая стала неторопливо разливать в кружки ароматный чай с травками. За едой Лёпс больше молчал, чем говорил. С трудом одолевая легкую

сонливость и разморенность, он поглядывал то на тётушку, то на Милославу, то на Маринку. После первой кружки тётушка пустилась в долгий и обстоятельный рассказ о жизни в городе и нравах его обитателей. Нужно только было следить за её ходом мыслей, делать большие глаза, и, в зависимости от обстоятельств охать, ахать и поддакивать. Одним словом, Лёпсу только приходилось делать вид, что он мягко и деликатно поддерживает беседу. Правда, на избитые вопросы он отвечал легко и бойко.

Тетушка временами, как ей казалось, иронично и добродушно посмеивалась над Лёпсом и девочками, временами противоречила сама себе:

– Да не называй ты меня тетушкой. Какая я тетушка? Я себя еще молодой и полной сил чувствую, зови меня по имени, так все подружки дочек моих меня зовут. Нечего меня прежде времени в старухи записывать. Видишь, из Славки какого человечка сделала? Да и Тамарку в люди вывела, замуж удачно пристроила. Всё сама, сама... Так что: ты можешь со мной говорить обо всем, что тебя волнует и беспокоит. Слава Богу, я уже давно живу на свете и много чего знаю.

Лёпс растерянно улыбался, расслабленно жмурился от сытных блинчиков, от яркого солнышка, от нежного запаха разморенных женских тел: тётушки, Славки и Маринки. И после весьма продолжительной беседы тетушка убедила себя в том, что Лёпсик – всеми покинутый, невинный, брошенный, одиноким в огромном городе двухметровый ребенок.

– Ты ведь – приличный мальчик, из приличной семьи, и я уже вижу, что ты многого в жизни добьешься. Родителей только слушаться надо. У матери твоей сердце кровью обливается, ведь, сколько ночей

она недосыпала на Севере, недоедала, всё что могла — сделала. В институт приличный устроила. Коммерческая-то основа — недёшево выходит вам. Дороже твоего факультета только нефтяной институт. Ты, Лёпсик, должен...

— Тётя Света, ну, почему мы всем и всё время что-то должны? — с искренним недоумением перебил тетушку Лёпс. — В садике были должны, в школе должны, в институте должны, родителям должны. Послушать, так мы в долгах, как в шелках. Чем мы, по-вашему, расплачиваться-то с вами должны?

— Почему сразу расплачиваться? — нахмурила брови тетушка. — Просто жить так, чтобы нам краснеть за вас не пришлось. И вообще, я же просила, не называть меня тётей.

— Мама, — вмешалась Милослава, — это не жизнь, а стресс получается.

— У меня тоже не жизнь, а сплошной стресс. Ты на пять минут позже пришла, задержалась где-то, а я уже нервничать начинаю. И в окошко, и в дверь выглядываю. И в подъезде ко всем звукам прислушиваюсь. Так себя иной раз накручу, что потом всю ночь от головной боли уснуть не могу.

— Ну, и кому это надо, Света? — отлично зная ответ, спросила Марина.

Тётушка растерянным взглядом обвела лица девушек и Лёпса:

— Я же ее мать, и я должна о ней беспокоиться, заботиться, чтобы питалась правильно, одевалась прилично. Друзья чтобы у нее нормальные были.

— Вот-вот, — улыбнулся Лёпс, внимательно следя за реакцией тетушки, — Милослава у нас с детства не ест... Она питается... Это полезно... Это не полезно... Но главное, чтобы три раза в день. Так ведь врачи

рекомендуют. Её уже от овсяной каши тошнит. Но есть надо, ведь зубы, волосы и ногти от каши красивые будут. Вместо юбки она в джинсах ходит, ведь так удобнее и, главное, безопаснее. А практично-то как!

Лёпс встретился глазами с кузиной, широко улыбнулся:

– И у меня, Славка, те же проблемы раньше были. Так что не парься!

Милослава, молча, показала ему кулак.

– Ну, ты тут прямо тирана какого-то или рабовладельца из меня и из своей матери сделал, – невесело усмехнулась тетушка.

– А разве не так? Все вы – взрослые, одним миром мазаны, – со значением произнесла Марина. – И мои родаки всегда требуют, чтобы я жила не так, как хочется мне. Требуют, чтобы я жила так, как они считают для меня правильным. Но я ведь не просила их меня рожать. И по какому праву я тоже всем должна, должна, должна. И иногда только обязана. Но это тоже, как в пословице «Хрен редьки не слаще». Их воспитание мне мешает жить нормально, потому что в итоге я не разговариваю с людьми так, как мне этого хотелось бы. И не веду себя так, как хочу.

Тётушка посмотрела на Марину в упор:

– Но со мной-то ты можешь говорить обо всем, что тебя волнует и беспокоит. Слава Богу, я человек – понимающий. Да и мне ты ничего не должна.

Маринка многозначительно улыбнулась тетушке:

– Всё-таки вы признаете чувство долга детей перед родителями?

В тетушкиных глазах полыхнула искра фанатичной убежденности:

– И не только детей, но и родителей перед детьми. На этом вся жизнь людская строится. Родители дают, дети берут, чтоб потом отдавать полученное своим детям и родителям.

– Интересный дебет с кредитом выходит, – Марина выбила короткий марш пальцами по столу. – Только, Света, жизнь – коротка. И надо хоть немного пожить для себя. Пока детей нет, и пока вы старыми не стали. Пожить так, как нам хочется. А не вам. Самим выбрать где, с кем, как и сколько жить.

Тетушка набрала в грудь побольше воздуха, раздраженно проговорила:

– Ну, так кто вам мешает? Живите сами – и дайте жить другим. А то я в подъезд выхожу и сразу вижу тех, которые живут для себя. Живут так, как им хочется. Все стены исписаны, углы загажены, окурки наплеваны. С виду – хорошо одетые мальчики и девочки, а по сути – щенки. Еще и хамят, когда замечания делать начинаешь. Ни стыда, ни совести...

– А что родители сами сделали для того, чтобы этих прилично одетых мальчиков и девочек домой тянуло больше, чем в подъезды? – подала голос Славка.

Тётушка резко ответила:

– Их родителям точно никакого дела до них нет. Они их воспитанием не занимались никогда и заниматься не будут. У этих «родителей» одна отговорка: «Общество виновато». А вот ваши родители направляют вас в правильное русло. Открыли вам неограниченный кредит: заботятся о вас, деньгами снабжают. Своими знаниями, опытом жизненным делятся, подсказывают, как пробиться в жизни, чтобы другие не затоптали.

– Я тоже в «Жигули» двадцать литров бензина заливаю и еду куда хочу. И при этом не спрашиваю,

хочет машина этого или нет. Заливаю и еду, потому что машина должна ездить туда, куда хозяину надо. Так и мы, Света... Не живем, а играем навязанную нам родителями роль. Едем в своё светлое будущее по рельсам, предками для нас проложенными. Только время у нас другое, и опыт свой, собственный, должен быть, потому как вы при одних порядках жили, а мы при других, – заметила Марина.

– И ты тоже, Лёпсик, с ними против меня дружишь? – тётушка выразительно посмотрела на племянника.

– Да как сказать, – многозначительно заметил Лёпс. – Если будет хорошо мне, то будет хорошо и моим родителям.

Лёпсик глядел на тётушку душевно, доверительно, наблюдая при этом, как до неё доходит смысл его слов:

– Я же человек – свободный, северный. С четырнадцати лет живу без родителей. Так что это они мне должны, а не я им. Я так же, как и Марина, своих родителей не просил, чтоб они меня рожали. И молодость у меня одна, другой ведь не дадут. Поэтому я живу и веселюсь, а родители пусть мои удовольствия оплачивают, и соломкой путь устилают, чтобы я не больно ударялся. Если что со мной или Ежевикой случится нехорошее, то кто же будет за их могилкой ухаживать?

Щеки тетушки от избытка чувств заливал густой румянец:

– Какие вы все-таки эгоисты, только о себе думаете. Всё о себе и всё себе. Всю жизнь только берете у родителей, у общества, у друзей, у учителей заботу, внимание, ласку, деньги, знания. И не понимаете, что долг платежом красен.

Лёпс ответил чуть резче, чем следовало:

– А может, долг платежом опасен, поэтому и стены исписаны, и углы загажены, и окурки наплёваны. Может быть, это просто крик о помощи, попытка отделаться от чувства вины, злости и обиды, которую детишки испытывают от общения со своими родителями?

Поняв, что Лёпс настроен решительно, тётушка изменила план своих действий:

– Я смотрю, вас не переспоришь, умные больно все стали. Нет, чтобы со мной сразу согласиться, что есть нормальные родители, которые о своих детях беспокоятся, и есть ненормальные, которые позволяют своим детям делать все, что угодно. А вы развели тут всякую антимонию, всё настроение мне испортили. Пойду я к соседке схожу. А вы тут сидите, разговаривайте, чаек с блинчиками пейте, косточки своим родителям перебивайте, себя выбеливайте.

Глава 2

1

Лёпс хорошо отдохнул за лето в деревне.

Малиновка – уютная деревушка в полукилометре от основной трассы, пролегающей между двумя поселками городского типа. Две прямые, как стрела, улицы, редко заставленные двухэтажными и одноэтажными кирпичными домиками. Восемнадцать домов насчитал Лёпс, и в каждом дворе виднелись улы. В доме родителей вставали по деревенским понятиям поздно: в девять-десять утра, ложились в десять-одиннадцать вечера. Маменька целыми днями пропадала на огороде, то полола траву, то поливала рясно цветущие огурцы, то собирала в ведро

колорадских жуков. Наскоро приготовив обед и ужин, она неизменно отправлялась часок-другой поспать днем. «Спишь – меньше грешишь», – обычно приговаривала она в таких случаях. Домашние, угождая, старались ни стукнуть, ни скрипнуть дверями, ни брякнуть.

Батя, приехав с вахты, первое время сидел в подвале, в своей мастерской, готовил новые рамки, натягивал вошину, готовил нехитрый инвентарь для предстоящей качки меда. Дома было скучно: сестра целыми днями сидела за учебниками, либо пропадала в столице: сдавала экзамены и зачеты в институте.

Племянница с деверем занимались своими делами. Деверь дочке бездельничать не давал, дворик и крылечко подметать заставлял, поленья в поленицу рядом укладывать. Через огороды в верхний лесок по грибы, по ягоды с ней ходил, приучал травки-цветочки-корешки различать, к курам, гусям, индюкам не подпускал – вдруг поклюют. Зато вечером, Анечка, лежа в одной постели с бабушкой, с замиранием сердца слушала ее нравоучительные советы и душещипательные истории о жизни.

К Лёпсу с вопросами не лезли, а ему хватало общения с домашними за обедом или ужином.

Лёпс брал вишневую батину «девятку» и ехал на речку или на озера, купался, наслаждался общением с окрестными девушками и знакомыми парнями, посиживал с удочками или бесцельно бродил по окрестностям. В полях медово пахло земляничными листьями и душицей, прозываемой в народе «матрёшкой». Ни единого облачка вторую неделю не было в знойном бездонном небе. Полыхали на лужайках розовые и белые огоньки клевера, струилась терпкая горечь полыни, без усталости повторяли свои солнечные

гаммы золотые летние лучи на лепестках ромашек, зверобоя и донника. Ласкало кожу Лёпса теплое солнышко, нежило тело, мутило голову. Медленно слипались веки.

Просыпался всегда он под вечер, довольный освежающим сном на природе. Сгущалась настоящая на травах теплая, июльская ночь. Сизым дымком, тонко и нежно звеня, вилась над головой Лёпса мошкара. Доволен был Лёпс надвигающейся ночью, спешил домой.

Во дворе уже дымится баня. Крепкая баня, слаженная, с умом сделанная, с двумя входами, с тремя помещениями. Черный ход с улицы ведет в хозяйственную часть: поленница там, подволока с вениками и травами, и печь, по заказу сваренная: сразу бак для воды в нее вставлен. Второй вход с огорода, от глаз людских спрятанный. Крылечко удобное ведет в предбанник с полатами, столиком и самоваром. Холодильник в углу пристроен, а между предбанником и хозяйственной частью – парная. Прихватив заботливо приготовленную матерью корзинку с бельем и пивом, спешит Лёпс к батю и брату матери, дяде Мише. Одурающе пахнет в парной распаренным веником, смородиновым листом и медом.

Подвыпивший дядя Миша «костерит» своего начальника, возмущается тем, что начальник применяет свою власть, плюет на людей, рассказывает истории о том, как покупаются места в местной администрации. С примесью любопытства и восхищения слушает Лёпс откровения дядьки.

Наконец разговор доходит и до него.

– Жениться тебе, Лёпс, надо! Жениться!

– А зачем?

– Уход за тобой нужен! Что ты там один, без женской руки, в своей квартире нахозяиничаешь?

– Да взрослый он, – вмешивается в беседу батя. – Сам за собой ухаживать может. Я дважды в месяц его проводываю, на контроле уборку держу. Чисто, и с девками не балует! Серьезный он у нас с матерью.

– Нет, Петрович. Мужик без бабы никто. Глаз женский всегда за ним нужен. Как без бабы-то одному жить? Ни постирать, ни сварить, ни полы помыть некому... Вот, Ядвига у тебя, баба работающая, с утра до вечера в огороде возится, и все у тебя есть: и огурчики, и перчики, и помидорчики, и баклажаны. А моя – то только и знает, что за луком к твоей бабе бегать. Мол, не уродился. А кто б его ей посадил?

– Ну, это, ты, Миша загнул. Твоя Ася всем взяла, и умом, и статью, вон яблоки какие рясные...

– Что, яблоки-то. Сунула ветку в землю, она и выросла. А за всем остальным ухаживать надо, а ей бы только по рынкам бегать, да с соседками лясы точить.

Петрович плеснул из огромного ковшика медовым квасом на каменку. Зашипели камни, пыхнули густым горячим запашистым паром, перехватило дух. Лёпс выскочил в предбанник, сидел, в одиночестве потягивая пиво, прислушивался к бухтению бати за дверью, к шипению каменки. Вскоре покрасневшиеся, обливающиеся потом мужики, обмотавшись простынками, сидели на крылечке и дружно перекуривали.

– Жениться тебе, Лёпс надо, жениться, – дядька выпускает густой клуб дыма изо рта.

– Что ты пристал к нему, как репей? – начинает сердиться батя. – Уймись, Миха! Он еще в армии не был – жизни не знает, портянок после строевой не нюхал, в казарме не спал, сапогами по плацу не стучал.

Крепко выругавшись, дядька цепляется к отцу:

– О чем ты сейчас говоришь? Какая армия? Какой ты отец, если сына в армию отправить хочешь? Разве Ядвига его для армии рожала? Она же его для жизни... короче, чтоб старость ваша спокойной была. Армия-то всё... тью-тью...ничему теперь не учит... Армия – это мясо, пушечное мясо.

Дядька поднимает палец к небу, многозначительно трясет им, убеждая себя и Петровича:

– Да, да, Петрович, армия, – это пушечное мясо. Батя мой так в бытность свою говаривал,. Представляешь, твой Лёпс – и мя-со ...

– Служить-то все равно надо, все служат, – обреченно вздыхает Петрович.

– Нет, Родион, не все... Я парней своих сразу после школы в теплое местечко определил, так Ванятка два раза в Чечне был, с полковником на машине ездил, теперь сам в подполковниках ходит, а Павлушка в паспортном отделе сидит, Ваське я белый билет купил. Язва у него.

– Да зачем Лёпсу белый билет?

Батя смотрит на сосредоточенное лицо Лёпса и убежденно говорит:

– Он лейтенантом после института немного послужит, и пойдет работать по дипломатической линии.

– Ну, мечтай-мечтай. Ты думаешь, у дипломатов своих сынков нет, или дочек с зятьками? Там, – дядька поднял указательный палец к звездам, – места давно уже все распределены или куплены. Так что ищи себе ты, Лёпс, жену с хорошей родословной.

– А я думал, что только у собак или кошек есть родословная, – не вытерпев, съязвил Лёпс.

– Так баба... Ну, я это про настоящую бабу говорю. Она, ведь, как собака должна быть мужу преданная. И чтоб, как кошка трахаться могла.

Дядька притушил сигарету, бросив окурочек в баночку, добавил, заходя в предбанник:

– И чтоб живучая была, если ненароком под руку попадется...

– Ты, Лёпс, дядьку-то поменьше слушай, болтает много, – оглянувшись назад, зачастил Петрович.

И тут же размеренно, тяжеломерно, чеканя слова, стал советовать:

– При выборе жены, что важно помнить для мужчины. Не пустышка. Не цаца. Не дура, а верный помощник. Она – берегиня. Семью, мужа, детей бережет. Всё для мужа, всё для детей, чтоб домашняя была, а не из этих уличных оторв, которые без родителей в городах образование получают. Экономная, бережливая, бескорыстная, чтоб все для мужа. Отзывчивая, и чтоб характер, и чтоб ум, и чтоб хватка в жизни, как у бульдога была, чтобы жизнь знала, все по хозяйству умела и себе цену знала.

– И где же я такую найду?

Лёпс на минуту прикрывает глаза, вспоминает Дину.

– А ты найди из детдомовских и дрессируй, сколько вздумается и как тебе хочется, – с этими словами дядька, выходя из предбанника, протягивает каждому по бутылочке пива, делает глоток из горла и продолжает. – Она тебе, Лёпс, по гроб благодарна будет за то, что пригрел и заботу о ней на себя взял. Опять же проблем не будет с родственниками. Ты у нее и за папу, и за маму, и за государство. И уйти ей от тебя некуда будет. Вон, Ваня-то мой, как сыр в масле катается. Только на Польшку посмотрит, она уже все на стол

поставила, и стоит сама рядышком, то хлеб подаст, то масло, то салфетку, то котлетку подложит на тарелку. Тенью по дому шмыгает, не видать, не слышать. И куры во дворе, и цветочки, ни травинки, ни пылинки. Все чистенько, опрятно. Ваня сказал – Полька сделала. Вот это жизнь. Одно плохо – пустоцвет. Не будет ни внушек, ни внуков у меня от Ванятки. Не импотент, а детей иметь не может. Вот так-то...

Петрович, выпив пиво, набивает трубку табаком, многозначительно подмигивает Михаилу:

– Что ж ты с родословной-то своей намутил?

– Да не я намутил, а первая жена – покойница. Царство ей небесное, – морща в гримасе лицо, тихо говорит дядька.

Лёпс сидит тихо, слушает внимательно с примесью восхищения и любопытства. Маменька дядьку всегда в пример ставила. Дядька тоже закуривает, немного помявшись, говорит:

– Я ж её порченной взял. Я по тем-то временам не знал всех этих генетик, да законов скрещивания. Это потом мне кинолог объяснил, что сук впервые надо с породистым кобелем скрещивать, тогда все её пометы будут отборными.

Он, скривив губы в иронической усмешке, не без злорадства говорит:

– А уж если первый помет принесла от беспородистого кобеля, то лучше эту суку сразу пристрелить, потому как все ее пометы будут бесперспективны.

– То-то раньше-то право первой ночи существовало, – ухмыльнулся в усы батя, – оказывается, графья да бары умными были, они породу крестьянскую улучшали.

Лёпс хихикнул. Дядька кивнул головой и согласился:

– Что-то типа того, что матка всю информацию о первом мужике помнит и на генном уровне будущим детям передает. И они с его наследственностью рождаются.

– Точно-точно, дядя Миша, – подхватил разговор Лёпс, – я по телику видел, как студентка одна с негром трахалась, а потом замуж за русского вышла и через три года негритоса родила.

– Прямо, как в анекдоте, – хохотнул Петрович: – Врач у такого папаши спрашивает: Ген, а Ген, а ты свой мутатор мыл перед трахом?

И поднимаясь с крылечка, посмеиваясь, проговорил:

– Хватит болтать, пошли лучше попаримся, заодно и мутаторы помоем, чтобы у нас таких негрят в роду не было.

2

Солнце скатилось к горизонту, когда Лёпс и Петрович вернулись к пологой зеленой с разводами палатке, стоявшей в кустах возле синей «буханки». Откинув с лица сетчатый накомарник, Петрович стал на старом пепелище разводить костер. Лёпс достал из машины съемное сиденье и бросил на землю, растянувшись во весь свой рост, лёг на спину.

От синего неба со стайкой белых облаков и слепящего солнца Лёпс чувствовал себя необыкновенно хорошо. Он стал бесцельно глядеть вверх. Теплые солнечные лучи ласкали кожу, легкий ветерок приятно щекотал кожу и ерошил волосы. Остро пахло полынью и ещё чем-то терпким и острым. Лёпс перевернулся на

бок, равнодушно посмотрел по сторонам. Петрович священнодействовал с шампурами, усаженными кусками пятнистой щуки.. По мелким камешкам вдоль берега озера носилась, одуревшая от сидения на цепи, Багира. Лёпс улыбнулся, наблюдая за ней. Собака играла, словно щенок, с парой разноцветных бабочек, порхающих в воздухе. Смешно клацая зубами, Багира гонялась за ними, пыталась их схватить. А хитрые бабочки то порхали перед ее носом, то садились прямо перед ней на камешки, то словно танцуя, поднимались высоко вверх над берегом. Вскоре, поняв, что нахалки не собираются попадать ей в пасть, Багира звонко и отрывисто залаяла на них, припадая на передние лапы и отскакивая в сторону. Наконец, и это ей надоело, она со всего разбегу бросилась в воду и поплыла. Тени от деревьев пятнами лежали на траве. Неугомонно трещали кузнечики. Лёпс перевернулся на живот. На глаза ему попалась темно-коричневая улитка. Она пыталась переползти с нагретой травы в тени. Словно прислушиваясь к чему-то своими забавными шевелящимися рожками, она медленно высовывала рогатую головку из кофейного с белыми разводами домика и быстро прятала назад, когда Лёпс осторожно травинкой касался ее.

Стеклянной рябью струился воздух над костром, одуряюще пахло запекающейся на шампурах рыбой. Сверкали и переливались в воздухе брызги, поднятые Багирой, скользили по ее блестящей черной шерсти. Выскочив из воды и отряхнувшись, собака залаяла от счастья.

– Вот, дурилка, – прикрикнул на Багиру Лёпс. Ему просто надоело молчать, хотелось поговорить.

Обежав поляну по кругу, Багира шлепнулась возле Лёпса, высунув язык, прерывисто, часто

задышала. Чёрные глаза внимательно смотрели на то Лёпса, то на Петровича.

– Ишь, разлеглась, зараза. Что, места другого нет? Пошла отсюда! Обрызгала всего, – разозлился Лёпс.

Но Багира даже не тронулась с места, не взглянула на Лёпса. Легко поколачивала своим длинным хвостом по траве, в ее глазах было только проникновенное внимание к Петровичу и немое одобрение всех его слов и поступков. Петрович привез ее из февральской заездки на Север. После того, как мужики съели ее щенков, Багира озлобилась и бросалась на всех, кто попадался ей на глаза. Ее хотели пристрелить, но Петрович пожалел, напоил из горла бутылки водкой и в беспамятстве провез в ящике, спеленутую в одеяло, словно ребенка. С той поры Багира была предана новому хозяину и терпеть не могла запах водки.

– Сам-то что разлежся, ну-ка готовь дастархан, – басовито пробурчал Петрович.

Лёпс принёс из машины пластиковую плетёнку, стал выкладывать на чистую мешковину нарезанный ломтиками хлеб, вареные яйца, свежие огурчики и помидоры, пакетики кетчупа, рядом поставил пару бутылок пива. Батя покосился недовольно, снял с огня шампуры со щукой, осторожно уложил на плоское блюдо, сказал со вздохом:

– Это что, всё пиво?

– Да нет, ещё есть, потом достану, пусть пока оно в холодке полежит.

Молча, неторопливо перекусывали, запивая пивом. Невнятно плеснулась невдалеке вода.

– Щука играет, – вопросительно посмотрел на батю Лёпс.

— Ага, — согласился батя, — Здоровая, килограмма на полтора.

Косолапя, Петрович подошел к воде, потянул за шнур. Частая плетённая тальниковая мордушка вынырнула из воды и медленно закружилась на месте. Петрович осторожно приподнял ее, легонько встряхнул, вытащил на берег, вынул из горловины затычку из травы. Лёпс поставил котелок. Посыпались в котелок карасики, красноперки, плотвички.

— Будет вечером уха, — удовлетворенно хмыкнул батя, — пойду, полежу, а ты рыбу почисти.

Застолбилась, подобно дымку, возле воды мошкара. Вечер был теплый и тихий. Фиолетовый дымок тонкой полоской тянулся в сторону озера. Его оранжевая от заката гладь смутно отражала деревья, искажая их, превращая то в неправдоподобные узкие длинные тени, то в темные расплывчатые пятна. Вода приплескивая у бережка, тихо струилась по разноцветным камешкам. И камешки светились желтоватым, оранжевым, розовым. Лёпс разделся и подрагивая, поспешил к воде. Через десять минут он уже сидел у костра и чистил картошку.

— Сладко едим, вволю пьем. Хороша жизнь, а могла быть и еще лучше, — глядя на озеро, сказал Петрович.

— А чем тебе, батя, эта жизнь не нравится? — не без умысла спросил Лёпс.

— Да всё оно вроде то, но как посмотришь на других, кто вместе со мной начинал, так хоть волком вой, до того тягостно становится. И чем это я хуже них?

Лёпс пожал плечами:

— Тебе, батя, виднее, хуже ты их или лучше.

— Вот Потапыч, механик со второй линии, из партии его выгнали, любовницу свою с секретарем

ячейки не поделил и рожу тому начистил по пьянке. Так он сейчас в местные депутаты подался, ни хрена ни стыдится, а, наоборот, выставляется: мол, диссидентом был, со строем не соглашался... Попробуй, докажи, что врет. Тебе дороже будет, как липку обдерет, скажет, что клеветешь, – презрительно фыркнул Петрович.

Заметив, что вода в котелке закипает, он оторвался от своих непривычных размышлений, забросил в котелок перец горошком, луковицу, щепотку соли и лаврушку.

Лёпс расслабленно потянулся за сигаретой, прикурил от костра. Петрович молча извлек из нагрудного кармана сделанную из вишневого корневища трубку и стал набивать из жестяной коробочки пахнущий черносливом табак, с недовольным видом пыхнул трубкой:

– А Семеныч, что на грейдере работал, жил тихо до дефолта. Все рублики на доллары обменивал, недоедал, недопивал. В одной рубашке целый год, что на вахте, что на материке ходил. А год назад на пенсию вышел, плечи расправил, сынку в нефтяной компании место учредителя купил. Благородным стал, в ресторанах только кушает и по археологическим музеям ходит. Тьфу, блин мумия египетская! На днях в газете про него прописали, что коренной зуб мамонта музею подарил, нет, чтобы японцам продать, они бы быстро по ДНК клон создали... Хотя с него, поди не убыло, он на своем грейдере чего только не понаковыривал из мерзлоты нашей.

Перекурив, Петрович закинул в котелок вычищенную Лёпсом рыбу, добавил крупно нарезанные картофелины и морковь, задумавшись, медленно помешал ложкой варево:

– Я, сынок, видел, как кладбище мамонтов грейдером скovyрнули. Вот там резцов много было и бивней тьма-тьмушая. Да и передних зубов тоже. Ровные зубы, как у человека, огромные, что твой ботинок. И еще нога задняя была. Так вот кость там на ноге набалдашником заканчивалась размером с футбольный мяч. Только, когда воздуха эти кости хapнули, то на глазах чернеть стали. Трупaком несло до блевотины... Обалденная вонища стояла до тех пор, пока начальник участка не приказал опять все в землю зарыть.

В котелке забурлило, одуряющее запахло рыбной похлебкой. Лёпс снял котелок с тагана, поставил возле мешковины на траву, прикрыл крышкой. Петрович разлил водку в металлические чарочки и первую поднес Лёпсу.

Прежде, чем принять чарку, Лёпс немного покуражился:

– Батя, да мне вроде ни к чему. Да уж ладно, выпью с тобой за компанию, а то в одиночку только алкоголики пьют.

И тут же зачем-то добавил:

– Ну, давай, батя, за лучшую жизнь.

Батя, выпив, прикусил губу, поморщился:

– Я-то, сынок, тогда этого всего не понимал. Не надо оно мне было. Сейчас бы, да при тех обстоятельствах, вот бы я развернулся.

Лёпс решил больше не приставать к бате с расспросами. Но после четвертой чарки батя сам не вытерпел и стал делиться воспоминаниями:

– Ты представляешь, я золота мог сколько намыть, если б не дурость моя. Пошел как-то на рыбалку, на речку Правую. Бройлер-геолог за мной увязался, всю неделю ныл, возьми да возьми. Я взять-то

взял, да пожалел об этом скоро, он всю рыбу, погань такая, мне распугал. Залез, блин, в воду по колено с ящичком и давай плескаться. И плещется, и плещется, и плещется. Смотрел я на него, смотрел и спрашиваю: «И чего ты, мил друг, там ищешь?» А он мне так радостно отвечает: «Уже нашел. Значок. Золотой. И не один, а сразу целых три». Я как ошпаренный подскочил, в жар даже бросило. Я-то думал, значок – это по человеческим понятиям, на грудь пристегнул и пошел, а он мне, зараза, песчинки какие-то показывает, на солнышке блестят ярко, маслянисто. Плюнул я и домой пошел, пообещал Бройлеру, что никому про его дурость не скажу, а теперь Бройлер вроде как ювелирную мастерскую на жену открыл, классные цацки она своими ручонками делает. Вон маменьке я на пятидесятилетие сережки с изумрудами подарил, ее работа. Только ведь один раз мать и надела их в тот день. Потом спрятала и сказала, что внучке сбережет, на совершеннолетие подарит. Вот ведь, зараза какая. А я так ей угодить хотел.

Лёпс с удивлением посмотрел на отца, поставил на мешковину полную чарку водки:

– Деньги, батя, не пахнут. Либо ты с ними, либо без них.

Петрович раздраженно махнул рукой:

– Рассуждаешь ты, сынок, хорошо, правильно. Только на одни заработки мы бы на Севере с вами не выжили. Когда есть-пить хочется, любой заработок лишним не будет. А мне вас надо было кормить. Маменька-то наша редким гостем в продовольственных магазинах была. Она все в кубышку складывала, да на ваши развлечения летом тратилась. Ты что, думаешь, осетров и оленину я трудом правильным и праведным в хату приносил? Нет, сынок, – батя подбросил пару

веток в костер, сел к костру боком, вытянул затекшие ноги.

— Я первач в свободной комнате гнал, а потом на него у рыбаков и ненцев провиант выменивал. И песцов, что маменьке и сестрице твоей, Ежевике, на шубу собирал, тоже на чистейший самогон в стойбище выменял. Только ненцы плохо шкуры выделывают, звенят они на ходу. А так бы можно было бы и на материк возить, и втридорога продавать. Бражку я на голубике и морошке настаивал, потом на материке инженерам и другим интеллигентам предлагал. Диковинка для них. Опять же польза есть для организма: витамины и минералы. А сколько майн пешней выдолбил. А ледок-то сам помнишь, двухметровый, вопреешь весь, пока три уступчика в майне выдолбишь.

— Зато, рыбка-то, батя, отборнейшая была, — с сожалением заметил Лёпс, — не то, что эти плотвички с красноперками. Только для навару и годятся.

— Ну, да. Чир, пелядь, сиг, нельма, щука, муксун, — мечтательно проговорил батя, — так бы сейчас ее и съел. Помнишь, Лёпс, пелядь-то... Прямо жиром вся истекает, толстоспинная... Вот поеду в заездку: навялю, накопчу, и пивка с нею мы с тобой вжарим.

Петрович звучно прихлопнул комара на шее и с хрустом потянулся. Огромный, в старой тельняшке, плавно обрисовывающей его тугой живот, он возвышался над палаткой:

— Ну, всё, Лёпс, пора на боковую. От разговоров денег в наших карманах всё равно не прибавится, а вот утреннюю зорьку проспять можем. Клёв, судя по небу, должен быть отменным.

Слабо струился воздух над догорающим костром. Светила полная, отливающая голубизной,

луна. Наплывали на неё легкие клочковатые облачка. Сияли в небесах сочные переливчатые звезды, дрожащими огоньками отражались в озерной воде. Старая ветла, навевала дрему, легонько покачивала ветвями, ласково убаюкивала лёгким шелестом своих листьев. Батя устроился в палатке, Багира вытянулась возле костра, а Лёпс в спальнике возле «буханки». Расслаблялось тело, засыпали мысли, становилось всё вокруг каким-то расплывчатым и нереальным...

Багровая полумгла рассвета понемногу окрашивала пепельно-серую стеклянную воду в красный цвет. Небо словно распахнулось и постепенно наливалось голубизной, озеро тоже незаметно светлело, избавляясь от красноты, и вот, наконец, засинело. Упругими жирными боками сверкали рыбины, выпрыгивали из воды, кувыркались.

Лёпс неспешно выбрался из спальника и потрусил по обильной росе к озеру.

3

Город встретил Лёпса дождливой сыпью и мерзкой слякотью. Погода вполне подходила к неприветливым серым улицам с рассеянными кляксами тусклых огней. Мелкий холодный дождь противно частил каплями, выцвечивал яркие краски лета и опустошал душу.

В ближайший воскресный вечер Лёпс направился к Фомичу. Там было весело и оживленно. Стоял дикий гвалт. Через две недели во многих университетах намечалось посвящение в первокурсники, ребята предлагали свои версии. Лёпс сначала внимательно слушал всех, потом заметил в углу на диване молодую девушку, казалось, что ее

совершенно не интересовало все происходящее вокруг. Она рассеянно листала какой-то толстый красочный журнал. Черное облегающее платье, бледное лицо, обрамленное черными, аккуратно подстриженными волосами, яркие красные губы и огромные темные глаза, обведенные черными резкими стрелками. Ее лицо показалось Лёпсу маской, то ли равнодушной, какой-то отстраненной, то ли грустной и задумчивой...

Он поинтересовался у Виталика:

– Это что за птичка?

– Это Анна, странная дамочка. Интересная, но фригидная, для нее компьютер – самый лучший собеседник. Так что, время зря на нее не трать. Пойдем на кухню и посмотрим лучше на ту куколку, что с Тимурием пришла. Ее Леночкой зовут.

Лёпс скользнул взглядом по хрупкой фигурке в черном облегающем свитерке и черных джинсах со множеством вертикальных замочков на талии. Типичная голубоглазая блондинка, только почему-то в черном. Он повернулся к Виталику и стал рассказывать очередной анекдот про блондинок, но Леночка никак не отреагировала на это, она продолжала о чем-то беседовать с Фомичом и Тимуром. Тогда Лёпс сел прямо на пол, оперся спиной на стену и стал внимательно слушать.

– Человек, который чувствует себя проклятым, разрушителен для всех окружающих. Опустошенность и безразличие к окружающим – вот что он чувствует. Ему чужды интересы общества, он заиклен на самом себе. Им движет страх, – Леночка перевела взгляд с Тимура на Фомича.

Тимур тут же стал развивать встречную мысль:

– Зачастую эта карма, один нагреб на себя и всех своих близких кучу дерьма и тащит всю жизнь. А

другой слишком мнителен и начинает во всем искать знаки своего «проклятия». Подобное тянется к подобному, – естественно, что на него обрушивается целая лавина неприятностей. А он своей мнительностью только подпитывает свою убежденность.

Леночка покачала головой в знак несогласия:

– На самом деле это подарок, который больные душой родители передали своему ребенку по наследству. Благодаря маме с папой в раннем детстве несчастный ребенок приобрел внутреннюю уверенность, что он не в силах что-то изменить и все в его жизни зависит от какого-то нелепого стечения обстоятельств. А он – всего лишь пешка, живущая в страхе.

– Предопределенность тут только в том, – наконец, подал голос Фомич, – что человек сам для себя так решил. Сам выбрал этот путь самоуничтожения для себя и своих потомков, и ничего не хочет знать о других путях. Он уже ограничил себя и свой выбор. Главное, ему не мешать. Пусть идет своей дорогой. Ему суждено либо вытерпеть все до конца и выжить, либо претерпеть и погибнуть, потому что сам отвечает за свою жизнь.

Леночка удивленно вскинула брови, а Тимур помолчал и грустно добавил:

– Удобно, живешь Фомич. «Главное – не мешать»

– Просто живу, ничего не усложняя. Главное, не мешать человеку идти своей дорогой. Пусть сам делает выводы. Если умный, то будет учиться на чужих ошибках, а если дурак, то на своих.

Фомич испытующе посмотрел на Тимура, вздохнул и неторопливо добавил:

– Знаешь, Тимка, всё с человеком происходит только однажды и никогда больше не повторяется.

Каждый хочет стать человеком, каждый стремится к себе, каждый пытается быть самим собой, только одни стремятся к этому осознанно, а другие бессознательно.

Фомич обвел печальным взглядом собравшуюся тусовку:

– И кто-то станет человеком, а кто-то так и останется непроявленным до момента своей смерти.

– Интересно, от чего это зависит? – тихо спросила Леночка, ни к кому конкретно не обращаясь.

Тимур резким движением потянул волосы вверх и отрывисто сказал:

– «Человек думает, что сам творит свою жизнь, что им руководит собственная воля, а на деле сокровенные силы в нём заложенные, неудержимо ведут его навстречу судьбе». Сдается, прав был все-таки Гете, что-то иное руководит нашими поступками, потому что я иной раз не понимаю, почему поступил так, а не этак, словно что-то внутри меня сработало, как пусковой механизм.

Фомич внимательно посмотрел на Леночку, на Тимура и, улыбнувшись, спокойно заметил:

– Каждый из нас несёт в себе наследие своих предков, того, что его род накопил за всю историю своего существования, несёт что-то глубинное, инстинктивное, несёт какое-то первобытное стремление к самому себе. Несет до самой своей смерти. Разница только в том, что одни это осознают и пытаются хоть как-то изменить происходящее с ними. А другие продолжают следовать запущенному предками механизму, пока ружье не выстрелит. Поэтому, живи, как хочешь. Но свой путь ты должна выбрать сама и ответственность за это взять на себя, а не перекладывать ее на своих потомков.

– В любом случае, человек должен делать выбор между добром и злом, – продолжала насаждать на Фомича Леночка. – Ведь, если он от хорошего к плохому идет, он сломается. Не разрушая себя можно идти только от плохого к хорошему.

– Для этого он должен точно знать, где добро, где зло. И что плохо и хорошо конкретно для него. И жить своей жизнью. А люди привыкли к ссылкам на авторитеты,

Фомич покусал губы, и, посмотрев в упор на Леночку, сказал:

– Быть в духовном рабстве легче. Когда тебе диктуют, указывают, ты не несешь ответственности за то, что делаешь. Ты только притворяешься, что послушен, свыкаешься с общественными нормами, просто пытаешься ужиться в обществе, сначала закрываешь глаза на все плохое, грубое, губительное вокруг тебя, потом перестаешь замечать неправильное, изменять его и влиять на него, затем перестаешь действовать, потому что смиряешься. Постепенно теряешь себя, приспособляясь к добру или злу.

– Интересно, Фомич, ты о чем-нибудь другом думать умеешь или мечтаешь, – влез в разговор Лёпс.

– И думать и мечтать умею. О разном, – пристально глядя на Лёпса, Фомич продолжал все так же размеренно, не торопясь. – И есть у меня, Лёпс, сокровенная мечта: прожить все то, о чем я рассуждаю. Ценно только то, что сам пережил. Почему бы не стать для самого себя подопытным кроликом? Учиться жить и создавать жизнь своими руками.

– А я думал, что ты хочешь быть образцом для подражания или стремишься стать божком в своей квартире, – продолжал подначивать Фомича Лёпс.

– Этот путь не для меня.

Немного подумав, Фомич добавил:

– Не хочу возвращаться назад к идеалам толпы, не хочу быть чьим-то божком или кумиром. Я мечтаю прожить свою жизнь целиком, без остатка, найти самого себя, не солгать себе, не пощадить себя, не пожалеть, не обидеться, не поверить, что мое знание обо мне и мире окончательно.

– Зачем тебе одиночество? – вдруг спросила Леночка. – Оно такое мучительное. Разве ты не хочешь, чтобы рядом с тобой был любящий тебя человек, были собственные дети?

Фомич ничего не ответил, молча, подошел к Леночке, и, поцеловав ее в лоб, вышел из комнаты. Споры Фомич любил не потому, что в них рождалась истина, а потому, что верил в свое умение утвердить ему известную истину в умах собеседников.

– Один человек в мир приходит и в одиночестве умирает. Это только кажется, что он среди людей живет, но по сути своей он один, никто со стороны не может ему помочь. – почему-то медленно, не поднимая ни на кого глаз, произнес Тимур.

Разговаривать больше ни о чем не хотелось. Толпа в комнате постепенно рассосалась, осталась только Анна, продолжавшая в углу на диване в одиночестве листать свой журнал. Фомич попрощался. Тимур, Леночка, Лёпс и Анна вышли из подъезда.

4

Дождь прекратился. Ярko горели фонари, мокла в лужах опавшая листва. Печальная, нежная, зовущая в неизведанное, играла в чьих-то окнах музыка. Ребята решили пройти пешком до «Панорамы». Это было любимое кафе Тимура, уютное, тихое, с живой

музыкой. Оно находилось на последнем этаже пятнадцатизэтажного дома. Тимур снова оживился, стал расспрашивать Леночку и Анну об их увлечениях, интересах, рассказывал о превратностях судьбы. Лёпс шел молча, поочередно рассматривая то Анну, то Леночку. Высокая, стройная, с умным и строгим лицом Анна одновременно пленяла и раздражала Лёпса. Холодная мимолетность взгляда неулыбчивой Анны втайне уязвила его. Лёпсу показалось, что в глубине своей души она его презирает. И он внутренне напрягся, чтобы защититься от нахлынувших на него детских воспоминаний. Лёпсу захотелось узнать ее поближе, доказать, что он не тот человек, на которого можно смотреть с пренебрежением и презрением. Леночка тоже волновала его воображение. Лёпса завораживали ее фигура, походка, тихий мелодичный голос, необычайно мягкая проникновенная улыбка. Улыбающаяся Леночка казалась ему светящейся изнутри от собственной радости.

Лёпсу захотелось понять обеих: невозмутимо-строгую Анну и трепетную Леночку, проникнуть в их мысли, узнать, что их привлекает в жизни, чего они боятся, в чем тайна и слабость этих так внешне непохожих девушек.

В кафе он сел между Анной и Леночкой. Вежливая строгая холодность Анны не смутила Лёпса, он первым начал разговор. Ее темные зеленые настороженные глаза оценивающе-высокомерно скользнули по лицу Лёпса. Он хотел отстоять себя перед этим взглядом любым способом, любыми средствами. Пришли во множестве воспоминания. Одно время он играл в поселковой рок-группе со смешным названием «Оба-на». Лёпс любил гитару, но гитаристов было много, и его взяли ударником. Тогда он и подсел

на тяжелый рок. И теперь он с увлечением рассказывал о Брендоне Ли, перечислял все достоинства и недостатки нашумевшего в свое время альбома Лакримозы «Инферно». Тимура перекосило от отвращения:

– Я один раз только у приятеля слышал. Такое ощущение, что все живое, насыщенное эмоциями, радостью и энергией им чуждо и неприятно. И они все хотят уничтожить. Психически здоровые люди такое слушать не могут.

– Зря ты так. Это просто показное презрение к миру, – снисходительно улыбнувшись, произнес Лёпс. – Когда плевать на смысл и все становится нипочем, жизнь делается наиболее осмысленной.

– О чем ты, Лёпс, вообще, говоришь? – возмущаясь, скороговоркой честила Леночка. – Их музыка – убийственна, разрушительна. А их пресловутое показное презрение к миру приводит к непоказному презрению человеческой жизни. Их фанаты идут на убийство. Разве это осмысленный поступок: сначала убить, а потом съесть свою маленькую сестру? Это какой-то современный изощренный каннибализм.

Лёпс удивленно приподнял брови, оказывается эта цыпочка и про такие события из их творчества знает.

– «И накормлю их плотью сыновей и плотью дочерей их, и будет каждый есть плоть своего ближнего, находясь в осаде и тесноте, когда стеснят их враги и ищущие души их», – с пафосом процитировал он: – Между прочим, Третья Книга Моисея. «Съесть печень своего убитого ребенка или любимой девушки, или в худшем случае врага».

От этой мысли Лёпс поморщился. К подобному поступку он еще был не готов. Но, тем не менее, мысль эта плохой ему давно не казалась, и он мог думать об этом без содрогания. Существует же в Китае ресторанчик под названием «какое-то там ребрышко», и ходят туда не только из праздного любопытства.

– Лёпс, ты с каждым разом меня все больше поражаешь, – сделал ему комплимент Тимур. – Внутри себя я ношу всё то, что значимо для меня.

Высокопарность собственных слов изумила его. А Леночку, Анну и Тимура, заставила посмотреть на него с интересом.

Слова сами срывались с его языка, теперь его мучила потребность высказаться, перевести свои ощущения на язык слов:

– Почти все люди живут в разладе с самим собой, в темноте, в отрыве от реальности и в непонимании того, для чего вообще они живут и чего хотят от жизни. Словно автоматы, бездумные, бездушные. Пустые человеческие оболочки. Страшно. А музыка «Лакримозы» дает ощущение того, что ты живешь совершенно иначе. Появляется чувство, что ты один в мире, что можешь сегодня или завтра умереть. И тогда из тебя лезет все то, что ты собой представляешь на самом деле. Как у парня, что сестру замочил. А до остального мира тебе совершенно нет никакого дела, потому что ты один. Ты чувствуешь себя. Это в тебе сейчас бушуют страх, радость, ярость, ненависть, гнев. И это чувство не просто живет. Оно пробуждается, оно растет в глубине разорванной души, и душа бушует, бунтует, требует выплеска адреналина. Убийство и агрессия никак не связаны с каким-то реальным объектом. Он случайно подвернулся под руку.

– Тебе бы в адвокаты податься, любого маньяка оправдаешь, – иронично заметила Леночка. – А как же мораль, как нормы этики? Ты ведь среди людей живешь, а не среди леса.

– Мораль разная бывает, – пришел на помощь Лёпсу Тимур. – Есть, которая от сердца идет, а есть, которая от ума. А еще есть идейная, ее-то общество и хочет сделать «совестью» своих граждан. Такой своеобразный путь к всеобщему раю, для всех вместе и каждого по отдельности. Посмотрите, что по телевизору насаждается.

– Обществу без морали нельзя, – снова заговорила Анна: – Мораль хранит его устои, служит его цельности. А «Лакримоза» – это бессовестная, бесстыжая, безнравственная, разрушительная мораль. Это просто смесь тупости, упрямства и демонстративности в правоте первобытных моральных догм. Как мораль фашизма. Человеком движет страх. Страх жгучий, губительный. И он, испытывая ненависть к себе, преследуемый своими чувствами, готов уничтожить весь мир, взорвать его ядерными бомбами, чтобы все пропало, рассыпалось пеплом... И в первую очередь, чтоб закончились его мучения. Поэтому, Лёпс прав, объект случаен. Не подвернись объект, пострадает субъект. Но парадоксально то, что обществом подобное не осуждается. Потому что общество проповедует мораль, а не нравственность. Любить и сострадать, испытывать нежность, благоговение мало кто может в современном мире, потому что это не мораль, а нравственность. А нравственности в школе не учат, ей учат в семье.

Лёпса взволновали ее слова, он с любопытством посмотрел на Анну. Она сидела прямо. Ее лицо при ярком свете казалось спокойным и умным,

настороженные зеленые глаза в упор смотрели на Тимура. Что-то Лёпса в ней манило, завораживало, притягивало, а что-то казалось неправильным, отталкивающим.

Он услышал мягкий голос Леночки:

– У меня в голове промелькнула такая картинка: эмоции в облике гаденышей пробивают яичную скорлупу. Они долго бились, чтобы ее взломать, ведь яйцо было душой, которую им надо разрушить, а разрушив ее, оглядываются: куда они поползут дальше, кого будут жалить и кого плодить и разрушать.

Анна с пониманием смотрела на нее, ее глаза заблестели:

– А мне больше всего нравится «Апокалиптика», особенно, контрабасное соло «Мастер кукол». Там ритм, жизнь, движение, борьба, смерть и новое рождение. То чувствуешь себя первобытной дикаркой, убегаящей от стаи голодных волков, то языческой жрицей, повелевающей духами огня, то поселянкой, защищающей своих детей от захватчика-варвара, вокруг тебя горящие селенья и связанные скорбящие пленники. То вдруг оказываешься в средневековом английском замке с его серенадами, менестрелями, пажами и утонченными дамами. И тут же видишь себя в центре все сметающего на своем пути татаро-монгольского полчища. Вокруг лошадиные морды в пене, слышатся гортанные крики кочевников, и, кажется, что тебя, маленькую, беззащитную девочку, вот-вот затопчут бешено мчащиеся кони. То ты становишься на время ветром, а потом оказываешься в огромном кишашем людьми и машинами мегаполисе, где никому нет до тебя никакого дела.

Лёпс с интересом смотрел на Анну. В этой неприступной, гордой, холодной и какой-то

самоуверенной, на первый взгляд, девушке, горели и желание, и страсть, бушевали эмоции. Детская, странно красивая улыбка, преобразила ее прежде равнодушное, похожее на маску, лицо.

Он вдруг поймал себя на мысли, интересно, как выглядит она, когда целуется и занимается сексом. Лёпс перехватил взгляд Леночки и посмотрел туда же, куда и она – вниз.

По обеим сторонам ярко освещенной улицы спешили люди. Словно муравьи, они меняли свое направление, разбегались в разные стороны. Машины торопливо, чуть ли не цепляя друг друга за бока, скользили по переполненной трассе. Сверху из «Панорамы» казалось, что многоэтажка стоит. А вокруг нее медленно вращается город: улицы, дома, дороги, машины, люди. Даже казалось, что звездное небо тоже вращается медленно над головой, вращается вокруг «Панорамы».

Неожиданно для себя Лёпс сказал задумчиво:

– Человек – это как бы точка пересечения во времени и пространстве разных явлений мира, разных мнений, разных людей. Такой уникальный и бесценный эксперимент природы. Каждый ищет свой путь. Каждый идет своей дорогой.

– Всё целесообразно и гармонично, – подхватила разговор Анна.

Но Леночка неожиданно возразила:

– Разве может гармония состоять в том, что сильные пожирают слабого? Как могут быть целесообразными войны, унижение, убийства, всякое насилие?

– Ты, прямо, как школьница рассуждаешь, – бросил беглый взгляд на Леночку Лёпс. – Обычные законы природы. В человеческом обществе, как и в

животном мире, происходит естественный отбор. Выживает сильнейший.

– Чаще – подлейший, – заметил Тимур. – Просто, Леночка, в мире сейчас царит гармония низшего порядка. Она не такая совершенная и не такая прекрасная, какой была задумана первоначально. Всё испортило грехопадение человека. Если Бога нет в душе, то всё дозволено. Отсюда и вывод: каждый идет своим путем, и каждый ищет свой путь к себе.

– Только если пользы он приносит много, а сам при этом лучше не становится, то грош цена его жизни и его талантам, и ему самому, – ни на кого не глядя, словно обращаясь к самой себе, сказала Леночка.

Вскоре Леночка с Тимуром ушли. Лёпсу не хотелось уходить из кафе, он заранее знал, что ночь будет мучительно долгой, бессонной, безнадёжной. Он боялся сегодня, как никогда, своего одиночества. К тому же его сильно волновала Анна. Слабый аромат ее волос, ее манера сидеть, ее движения, красивые плечи, длинные тонкие пальцы, вспыхивающие огоньки в ее настороженных глазах и тонкая пульсирующая жилка на ее нежной шее занимали его воображение.

Ранимая, впечатлительная, немного капризная Анна была старше Лёпса на пять лет, она окончила математический факультет, училась на программиста. Лёпс тоже хорошо знал компьютер. Он даже после школы поступил в педагогический на отделение информационных технологий, да вмешалась маменька.

Лёпс судорожно сглотнул, вспоминая момент зачисления на математический факультет. Почему он тогда послушал сестру и маменьку?

Воспитывавшийся маменькой и сестрой, Лёпс был убежден в своей талантливости и гениальности. В семь лет папенька на каратэ привел, да только скоро нос

там Лёпсу расквасили. И маменька в секцию больше не пускала: «кровь у нас дорогая, нечего ее задаром другим показывать». Он и на гитаре играл, и стихи писал, и в баскетбольной команде лучшим нападающим был, пока лодыжку не сломал. В 13 лет первое место по шахматам в районе занял среди школьников. Ни один школьный вечер не обходился без Лёпса, ни один концерт. А когда в четырнадцать лет руку сломал, и она долго срасталась, маменька его к физику и пристроила. За год компьютер освоил, как свои пять пальцев, и все системы операционные и языки программирования.

Физик тогда сказал «Все! Можешь больше не ходить ко мне, все что знал – тебе показал и всему научил. В жизни тебе это все пригодится, вспомнишь еще не раз меня добрым словом».

Лёпс вспомнил себя в том возрасте и усмехнулся. Прав был физик, многого тогда Лёпс не понимал. Учил его физик, а Лёпс думал тогда «когда же я играть начну в компьютерные игры. Димон-то на своем «Денди» уже шестой уровень осваивает, а я какие-то окошечки да файлики туда-сюда переставляю, да разномастные рисунки в программах делаю». В десятом классе Лёпс сам программу по литературе написал. Из областного центра приезжали, предлагали на программиста в Москве учиться. Только маменька с Ежевикой возмущаться стали, доказывать всем, что он по природе своей гуманитарий. Какой из него программист, если у нас в роду все гуманитарии. И что это за профессия такая – программист. Ему, мол, не за компьютером с железными внутренностями сидеть надо, а с живыми людьми общаться. Разве без людей чего-то в жизни добьешься? Вон, Ежевика машиностроительный техникум закончила, а пять лет по специальности устроиться не могла. Хорошо хоть

вакансии новые в школе открылись, и маменька ее в педагогический институт пристроила вовремя, и, пользуясь своим положением, ставку приличную и зарплату достойную для нее выбила. И Лёпсу тоже надо что-то достойное, пусть с людьми работает. Люди заметят его усердие, в начальники выдвинут. А лучше сразу после института в начальники идти. И зачем в Москву, когда в Башкирии институтов и родственников полно?

Лёпс подал документы сразу в два института, но маменька убедила всех, что филиал Московского института, да еще и профессия, связанная с международными отношениями – это круто, это значимо. И что они с папенькой могут позволить себе оплатить самое лучшее, самое престижное образование для своего единственного сыночка – своей надежды и опоры...

Документы из педагогического ему пришлось забрать, хотя его уже там зачислили на бюджет. Лёпс думал про себя, рассказывал о себе. Слушал внимательно Анну, просто и уверенно глядя ей в лицо, вовремя улыбался, вовремя кивал, вовремя задавал вопросы, вовремя высказывал свои замечания. Он поймал себя на мысли, что Анна по сути своей такая же одинокая, как он. Так же как и он, она боится своего одиночества и ощущает себя чужой и в этом огромном городе. И также как и ему, Анне хочется казаться искушенной в жизни. И Анна казалась ему очень красивой. Лёпс растерянно взял ее за руку, поиграл с ее дрожащими пальцами. Вспомнил Виталика с его безапелляционным суждением о ней, и неожиданно для нее и для себя сказал:

– Поехали ко мне.

В такси он рывком прижал к себе Анну и обдал ее внезапным огнем поцелуев.

5

Утром, наливая Анне крепкий кофе в свою любимую кружку, Лёпс сказал:

– Ты – странная девушка, тебе действительно безразлично, что будет с нами?

– Хочешь, я расскажу тебе о своем сегодняшнем сне? – неторопливо помешивая ложечкой сахар, не поднимая на него глаз, сказала Анна.

Лёпс, кивнув головой, выжидающе уставился на нее. Она настороженно посмотрела ему в глаза и стала медленно читать свои стихи:

*Во сне был звон...
Пространство разделилось на две части,
Две половины.
Или на два мира, или на двух меня?
Одна – все то, что можно назвать любовью,
Светом, радостью и счастьем.
Другая – тьма, тягучая и злобная,
Засасывала цветом, пустотой.
И в понимании моём казалась черною дырой,
Воронкой липкой и стремительной.
В ней, на дне – вся мерзость бытия.
А я – пылинка между двух миров,
Как между молотом и наковальней,
Не телом, а душой. Не разумом, а чувствами.
Душа в горниле между двух стихий металась,
В испуге судорожно сжалась в какой-то точке
В облике Вселенной
И чувствовала всю боль страданий и разлуки,*

*И нежность, и любовь, и оцепенелость скуки.
Ее пытались вобрать в себя и свет, и тьма,
То растворяя в себе, объять, то поглотить.
Душа сопротивлялась:
уплотнялась, как скатный жемчуг
или растекаясь, дробилась, словно капля ртути,
И вновь слипалась, превращаясь в паутину
Или рыбачью сеть,
Чтоб пропустить пространство сквозь себя...
Но тьма и свет не смешивались меж собою...
Воронка чувств, сменяющих друг друга,
Мятый ворох забытых ощущений.
Где я? Что я? Кто я?
Два мира сжались, выплюнув меня.
И я проснулась...
И снова тайна Бытия...*

Лёпс не знал, что и сказать, Он ожидал чего угодно, какого угодно ответа на свой вопрос, а вместо этого получил откровение. Сейчас его правда заключалась в том, что ему нравится Анна. И умом, и внешностью, и интеллигентностью, и, главное, тем, что одна-одинешенька она на свете, в роддоме брошенная, в детдоме воспитанная. «А характер, а характер, – улыбнулся он про себя, – и поменять ей можно, если вдруг не сойдемся». Но Анна через неделю уехала в Самару, там ждала ее работа. И Лёпс снова остался один.

Он в очередной раз изменил свой имидж, в его гардеробе появились черные рубашки, водолазки и футболки, он стал увлекаться теологией, мистикой, с упоением читал Шарля Бодлера, Гаутмана, Шопенгауэра, Ницше, Гурджиева. Стал меньше ходить

вечерами в кафе и пивнушки, сидел либо у Фомича, либо дома, читал книги и слушал музыку.

Ежедневно он получал по электронной почте длинные письма от Ани, перечитывал их по несколько раз. Анна делилась своими переживаниями, писала длинные стихи о том, что чувствует, рассказывала о своих снах. Лёпс завел записную книжку, куда записывал стихи Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, Анины стихи и свои. Жизнь полна была ожиданий и надежд. Он начинал задумываться о смысле жизни, о своем месте в этой жизни, пытался определить свои способности, разобраться в себе.

Глава 3

1

В кабинете у двоюродного брата была огромная коллекция бабочек и гусениц, он их начал собирать еще в детстве. Лёпс с интересом рассматривал ее, когда Иван неслышно подошёл и, легонько стукнув его по плечу, сказал:

– Не прав был Горький, когда говорил «Рожденный ползать – летать не может». Еще как может красиво летать. Возьми гусеницу, ползает, ползает по самому низу, ест траву, цветы, листики, зимой в коконе перезимовала и полетела махаоном по свету. Ну, на худой конец, капустницей или шелкопрядом.

– Так он же змею и сокола в виду имел, – решил блеснуть эрудицией Лёпс. – Сожрет сокол гусеницу и все, канты.

– Может и съест, а может и не заметит, а может и его охотник из ружья подстрелит. Хотя гусеницы тоже твари небезобидные, эта вот, например, ядом

стрекается. А эта вот за неделю с напарницами от тайги только стволы оставит, и будут деревья много лет скелеты напоминать.

Лёпс некоторое время смотрел на черную с сине-голубыми полосками мохнатую гусеничку, потом тихо сказал:

— Уж лучше, Михалыч, я буду ползать по земле змеей ядовитой, а в сердце коршуном оставаться.

— Будь проще, Лёпс, глядишь, и люди к тебе потянутся, — двоюродный брат достал из бара приземистую зеленоватую фляжку с франконианским боксбойтером, привычным движением плеснул в суживающийся кверху бокал немного вина, внимательно посмотрел на свет, поболтал, понюхал, отпил глоток, и только после этого налил в бокал Лёпсу.

— Прошу, — он показал рукой на мягкие кожаные кресла.

— Ловко, — покачал головой Лёпс, когда Иван достал следом из бара тарелочку с шариками сушеного казахского сыра, фруктами и орехами.

Удобно устроившись в кресле, брат продолжил свой разговор:

— Люди, Лёпс, в большинстве своем — животные. Стадо безмозглых, тупых, ничего не видящих, морально не вменяемых баранов. Серая, шевелящаяся масса. Им бы только день прожить, нет времени ни на что другое, кроме добычи хлеба насущного. Они сидят и ждут будущих благ: лишь бы уколотся, напиться, нажраться и забыться. Слепленные жадностью и эгоизмом, собственной трусостью они ждут, что кто-то придет и сделает все за них. Их легко купить деньгами или обещаниями. Абсолютно все в мире, Лепс, можно купить и продать. У всего есть своя цена. И только некоторые могут

выражать интересы этой толпы. И только эти некоторые – венец природы. И именно они правят миром. Именно за ними идет человеческое стадо. Именно у них власть. Власть дает полную и истинную свободу.

Лёпс улыбаясь, посмотрел на двоюродного брата:

– Да понял я, Михалыч, за время учебы в институте, что власть – движущая сила человечества.

– Понять-то, может быть, и понял, – не мигая, Иван прямо смотрел на Лёпса. Черты его лица внезапно заострились, в них проскальзывало что-то хищническое. – Да только не всё. Настоящая власть не берется силой, она тихо завоевывается. С умом. Вот коммунисты кричали, что только в кровавой борьбе можно получить власть. И что?

Иван многозначительно посмотрел на Лёпса. Тот осторожно болтал бокалом по кругу, внимательно слушая. Дождавшись, пока Лёпс сделает короткий поверхностный вдох и отопьет глоток, Иван продолжил с небольшими паузами:

– Отдали власть сами. Даже удерживать не стали, так чуть-чуть позащищались для приличия... А настоящая власть, Лёпс, не показывается на людях. Все что ты видишь по телевизору – это декорации... Правителей выставляют напоказ, их либо уважают, либо ругают... У них есть авторитет, но решения принимают не они, а те, кто их покупает... Власть служит людям, а людишки служат власти... Власть дает порядок, целесообразность, закон, авторитет. Вот поэтому у людишек есть права, а у власти – законы.

– Прав тот, у кого больше прав, – Лёпс снова всплеснул вином в бокале.

Иван, слегка подавшись к нему, покачал головой, вроде бы улыбнулся, и тут же серьезно заметил:

– На самом деле в мире есть только одно право – право силы. Закон джунглей. Выживает сильнейший. И этот сильнейший живет в тени и принимает решения. Ты же умный парень, Лёпс, с историей знаком.

– Знаком, понаслышке, – не утерпел Лёпс от легко давшейся иронии.

Двоюродный брат слегка крикнул от неожиданности, и, словно попрекнув отечески, добавил:

– Мы Лёпс с тобой одной крови, у меня есть сила и деньги, а у тебя – ум и молодость. Мы выживем... Людишки служат власти, а власть служит людям.

– Не пойму я тебя, Михалыч, что ты кругами все ходишь и ходишь, скажи прямо, что тебе надо.

– Все скажу в свое время. А пока твоя задача проста. Слушай, молчи и повинуйся. И все у тебя, мой мальчик, будет в шоколаде. Главное, институт закончить, больно уж отделение у тебя хорошее. Перспективное, я бы сказал.

– Сам знаю.

Иван снова плеснул немного соломенно-янтарного вина в фужеры:

– Используй человеческую глупость, используй человеческую вражду. Верь только себе. Учись всему, что тебе встречается. Все пригодится.

– И для чего? – Лёпс взял осторожно бокал за ножку, и, наклонив его так, чтобы не заслонять вино рукой, рассматривал несколько секунд то ли цвет вина, то ли лицо Ивана через стенки фужера.

Иван, наклонив голову вперед, прокрутил языком глоток любимого вина во рту, с наслаждением проглотил:

— В жизни, как в уравнении, Лёпс, есть одно неизвестное, но оно является корнем для всей системы уравнений. Так и общество — это целая система. Главное, заставить ее служить себе, как сторожевого пса. Вчера было одно государство, а сегодня другое. Пришли новые люди, принесли новую колоду карт, и играют дальше в политику. А карты у всех крапленые, у кого криминалом, у кого жаждой наживы, у кого жаждой власти. Глупо им всем верить. Хотя среди них иногда и встречаются мученики и праведники. Нет идеальной системы, нет идеального государства. Все идет по определенным законам.

— Законам джунглей?

Но Иван не обращая внимания на иронию Лёпса, сказал, ставя фужер на журнальный столик:

— Таким, как мы, правила общества не важны. Не бойся одиночества. Не задумывайся над тем, что правильно, что неправильно. Все это определяется стадом. А мы с тобой выше их. Можно залить весь мир кровью, и получить власть. Собственно это и сделали в свое время и Гитлер, и Сталин, и коммунисты в семнадцатом. Они начали борьбу с обществом, а общество их уничтожило, потому что они влезли в борьбу с системой, а сами плясали под ее дудку. Они были ставленниками системы. И система их уничтожила. Потому, что это тянется тысячелетиями.

— Только раньше, Ваня, было проще, — вино ударило в голову Лёпса и его тоже потянуло на рассуждения. — Помнится, языческие боги требовали крови младенцев или детей постарше. Цезари тоже этого требовали.

Иван согласно кивнул головой:

– Правильно, Лёпс, рассуждаешь, правильно. Власть стоит на вере, а вера на кровавой жертве. Хотя факты – это не главное. Важно, как ты приходишь к власти и чего ты хочешь от нее.

– Я-то много хочу, только правила общества не позволяют.

– Мальчик мой, правила общества не важны, но ты должен их знать и внешне соблюдать. А общество не допускает и не допустит ничего нового, ведь милосердие и справедливость совсем не человеческие чувства! Пускай мученики с праведниками на это и работают, борются за светлое будущее. Страх, вот что движет человеком! Учись управлять человеческим страхом, Лёпс.

2

Накануне Лёпсова дня рождения Анна приехала в город. Она подарила ему томик Шарля Бодлера. Наверное, человек меняется не постепенно, а сразу. Уезжала одна Анна – приехала совсем другая. Был один Лёпс – стал другой. Хотя внешне ничего вроде не изменилось. Анна неслышно ходила по квартире, точно чего-то опасаясь, она растерянно рассматривала расставленную по разумно определенным местам безликую мебель, осторожно садилась на краешек мягкого глубокого кресла и, обмирая сердцем, слушала, как Лёпс с удовольствием, умудрено-задумчивым тихим голосом читает ей вслух Бодлера.

Анне хотелось утешить Лёпса, но утешать она не умела, поэтому она просто сидела, слушала и молчала. Когда просто, слушая, молчишь, на душе становится легко. Всё кажется простым и ясным. Всё

понятно и доступно. Пропадает желания отличать своё от чужого, анализировать, делать выводы, подбирать точные слова. Собственные чувства, переживания, воспоминания и рассказы других переплетаются между собой. И теперь Анна сидела и ждала, когда ее жалобную внутреннюю тоску и вселенскую печаль растворит бархатистый голос Лёпса. Но ничего не происходило. Глуховато шуршали стрелки настенных часов, отмеряя минуты. Минуты тягуче растворялись в сумеречном пространстве комнаты, и уже не думалось, а скорее ощущалось что-то неясное, невидимое, неусыпно наблюдающее за ней. Все тише и таинственнее звучал голос Лёпса. Анна зябко свела плечи, внутри нее как-то мгновенно всё опустело и заглохло. Анна вспомнила Самару, и ей стало жалко себя и Лёпса.

Она осторожно положила Лёпсу голову на грудь, словно хотела услышать ответ его сердца, тихую, успокаивающую подсказку, затаила дыхание. Но сердце Лёпса билось громко, часто и неровно, словно чему-то возмущаясь. Его поцелуи были короткими и требовательными, а губы влажными и холодными. И чувств на Лёпса у неё почему-то не хватало.

Лёпс зажжёт свечу. В ее мерцающем красном свете комната принимала все более таинственный вид. Анне показалось, что стены испускают какой-то обреченно-печальный и тусклый свет. Она помотала головой, чтобы рассеять наваждение, чувствуя, как в ней что-то нехорошо мутится, точно перед потерей сознания. Лёпс вышел в ванну, долго плескался под упругими струями воды, вернулся мокрый с головы до ног, завернутый в махровое полотенце. Склонился над Анной, ожег ее лицо прерывистым дыханием,

поцеловал долго и требовательно. Она легонько оттолкнула его от себя и потянулась к сумочке.

Догорела свеча, взметнув на прощанье тонкую белесую струйку дыма и утопив в теплой восковой лужице обуглившийся фитилек.

Лёпс включил свет, достал из шкафа чистые джинсы и рубашку, одеваясь неспешно, тихо спросил у Анны:

– Ты разве со мной не пойдешь?

Анна рассеянно улыбнулась и взяла в руки косметичку. Не успела Анна закончить свой макияж, как с пронзительной трелью звонка ввалилась в квартиру сестра Лёпса, Ежевика, мгновенно заполнив комнату сладким запахом своих новых духов. Полненькая, шумная, любопытная она всем своим видом старалась внушить уважение к себе, этому ее всегда учила маменька. Царственно поворачивая голову с аккуратной, словно только из парикмахерской прической, Лика простовато поглядывала на Лёпса, откровенно рассматривала Анну. Чрезмерно смелое, экстравагантного покроя платье Анны ей очень не нравилось. Лика предпочитала блеклые джинсы, неяркие футболки и куртку. Удобно, монументально и в облипочку.

Следом за ней пришли Леночка с Тимуром поздравить именинника. Почувствовав себя неуютно, Анна вышла на кухню, судорожно затянулась сигаретным дымом. Лёпс прикрыл за ней дверь и остался в комнате с друзьями и сестрой. Через полчаса подъехал Виталик и отвез всех в ближайший ресторанчик.

Ресторанный зал был полупуст и оформлен с явным смещением стилей: грубая каменная кладка стен, сплетенные из гибких ивовых веток удобные стулья и

накрахмаленные скатерти на массивных прямоугольных столах, обилие выющихся цветов в вазонах, имитирующих деревянные бочки и плетеные корзины.. Зато кухня здесь была отменная. Сидеть в ожидании заказа Анне и Леночке показалось скучно, и они пошли танцевать. Критически посмотрев на тоненькую, невесомую фигурку Анны, словно растворяющуюся в звуках музыки, Ежевика заметила, ни к кому не обращаясь:

– Я четыре года изучаю людскую натуру и с лету всё про человека расскажу, с лету определю все комплексы. Взять хотя бы Анну.

Она окинула еще раз критическим взглядом худенькую фигурку девушки, игру линий платья, подчеркивающих стройность ее тела, и с усмешкой произнесла:

– Явно из девушки демонстративный синдром прёт. Взять хотя бы ее наряд...

– А по-моему, хорошее чувство вкуса у девушки и прекрасная художественная фантазия модельера, – заметил Тимур. – А ты, Ежевика просто ей завидуешь.

– Было бы чему, – пренебрежительно махнула рукой Лика. Лучше быть толстой и доброй, чем худой и злобной.

– Вот-вот, твои комплексы и полезли, – усмехнувшись, Тимур отошел к танцующим девушкам.

Чинный ресторанный ужин за столиком напротив Ежевики навевал на Анну тоскливое настроение, во время очередного танца ей захотелось уйти. Она оглянулась.

За столиком спиной к залу сидели Виталик и Лёпс. Анна неслышно подошла сзади. До нее донеслись слова Виталика:

– Ну, так как, Лёпс? С ней можно трахаться или только дела иметь?

В висках зашумело, Анна не услышала ответа Лёпса, хотя видела, как шевелятся его губы. Скользя рукой по плечам Лёпса она, села напротив него. Словно очнувшись от полусна-полуяви, Анна внезапно осознала, как чужд и неудобен ей Лёпс, его сестра и друзья. Она посмотрела на Лёпса. Он смотрел поверх ее взгляда и улыбался. Он понял, что она слышала его последние слова. Виталик торопливо встал из-за стола и направился к Ежевике. Пузырилось в бокале полусладкое шампанское, ждал своей очереди фруктовый десерт. Собравшись с духом, Анна твердо произнесла:

– Лёпс, давай поговорим серьезно. Мне кажется, что мы с тобой разные люди. И продолжать дальше наше общение равносильно обману. У меня в Самаре есть парень, и, если честно, я приехала сюда только для того, чтобы все было по-честному: глаза в глаза, без претензий.

Лёпс, чувствуя раздражение и не имея терпения продолжать дальше эту неумную игру, сказал резко, стараясь поймать ее взгляд:

– Меня не бросают, только я решаю, когда разорвать отношения. А ты – шлюха, в первый же вечер под меня легла.

Анна отпрянула, как от удара, резко вскочила, в ее глазах появился острый блеск, губы приоткрылись, казалось, что от них исходит сухой жар:

– Ты – подлец. Я слышала все, что ты говорил Виталику. Я думала, что вы шутите, разыгрываете сцену, такие иногда бывают в пошлых фильмах.

Лёпс резко встал, толкнул столик, на стол полетели тарелки и вилки. Охранник охнув, поспешил к ним.

– Я привел тебя сюда, фарфоровая мордашка, не для того, чтобы ты оскорбляла меня и моих друзей.

Анна внезапно успокоилась:

– Конечно, конечно. Ты привел меня для того, чтобы они меня оскорбляли.

Она вытащила из сумочки и швырнула на стол две пятисотки:

– Надеюсь, что я больше тебе ничего не должна.

Огромный зеркальный шар, медленно крутился посреди зала, и его блики мелькали по лицу Анны, делая его то светлым, то хмурым. Она прошла мимо барной стойки прямая, с чуть вскинутой головой, сдвинутыми бровями. Лёпс с ненавистью смотрел ей вслед.

3

Все Лёпса раздражало, какая-то болезненная слабость мучила его по утрам. Он забросил учебу в университете, работу на радио. Днем спал, вечерами выходил гулять на улицу, ночью просиживал в компьютерном клубе, после игры шел с парнями пить пиво или водку в ближайшую пивнушку. По утрам, рассматривая очередную подружку, долго вспоминал ее имя, и при каких обстоятельствах они познакомились. Вскоре и это перестало его интересовать. В этом угаре прошло сорок дней. Утром забежал Русланчик, сказал, что Лёпса просили зайти в деканат. Лёпсу грозило исключение. Недолго думая, Лёпс позвонил маменьке, не вдаваясь в подробности, сразу же надавил на маменькино самолюбие:

– У меня проблемы. Не дашь денег – меня исключат. Ты ведь не хочешь, чтобы сына заслуженного соросовского учителя и внука директора школы за неуспеваемость исключили из университета.

В обед тетушка привезла деньги, переданные маменькой.

В этот же вечер Леночка вместе с Софкой зашли в «Панораму», им хотелось послушать флейту. Мягкий полумрак создавал романтическое настроение, необъяснимое, невыразимо волнующее.

В кафе было малочисленно, посетители сидели парочками. На каждом столике стояла маленькая стеклянная, круглая вазочка, заполненная водой с лепестками красных роз, среди которых плавала небольшая горящая свечка. Казалось, что сегодня здесь царит совсем другая атмосфера, другая жизнь, другие интересы, другой кругозор. Все увлечено отдавались музыке, даже официант неслышно скользил в такт с ней.

Молодой музыкант был очень талантлив, иногда предлагал слушателям удивительно смелые и тонкие нюансы. Казалось, что он играет не только силой звука, но и теплотой. Флейта вздыхала, стонала, жаловалась, то вдруг замирала безмолвно, то порывисто заливаясь, дразнила лукавыми трелями. Мелодия струилась чистым, плавным ручьем, уносила в мир грез. Отзвучали последние такты. Музыка продолжала безраздельно владеть общими мыслями. В дверях показались Виталик и Лёпс. Неожиданно флейта заплакала со стонами, всхлипываниями. Заметив Леночку, Виталик сразу устремился к их столу.

– И чем вы тут занимаетесь? – вместо приветствия произнес он.

– Слушаем, – не изменяя выражения лица, тихо ответила Софка.

– Флейту? – поинтересовался, присаживаясь на свободный стул, Виталик.

– Менуэт Боккерини, – спокойно ответила Леночка.

– То-то я слышу, музыка знакомая, – неожиданно вырвалось у Лёпса.

Он тоже присел рядом с девушками:

– А парней своих, где потеряли?

– А мы теперь девушки гордые. Одинокими ходим, – промурлыкала Софка и стала неторопливо пить через трубочку кислородный коктейль.

Мелодия тягучая, неуловимая и вместе с тем понятная волновала, странно притягивала, манила за собой. Разговор не клеился.

Ботик с многообещающим видом уставился на Софку. Лёпс прислушался, флейта снова плакала со стонами, всхлипываниями. Впервые услышав звуки флейты, он искренне наслаждался музыкой и с интересом рассматривал девушек.

Софья была спортивной, с замечательной фигурой и чувством юмора, привлекательной. Все ее существо было наполнено какой-то бьющей через край энергией, казалось, что девушка не может не только долго сидеть на месте, но и ходить медленно. Она любила обтягивающие свитерки и широкие брюки, с завязками на талии.

Слегка оттопыренные розовые ушки с серебряными сережками, подернутая легким пушком губа... Ее темные волосы часто были стянуты на затылке в конский хвост, а челка никогда не отрастала выше сантиметра над бровями. Она носила линзы, но по привычке часто щурилась. Софья редко была

задумчива, улыбка всегда освещала ее лицо, то легкая, слегка застенчивая, затаённая в уголках губ, то обворожительно-кокетливая, то широкая, распахнутая, ослепительная.

Леночка была полной противоположностью подруги. Хрупкая, светловолосая, больше похожая на сказочную принцессу, чем на человека из плоти и крови, спокойная и рассудительная она давно привлекала внимание Лёпса своим неординарным мышлением.

Лёпс только сейчас обратил внимание на тонкие, длинные пальцы и изящные изгибы кисти у Леночки. Такие руки могут быть только у пианисток. Этот случайный момент в кафе стал переломным в его жизни.

Леночка... Он мысленно покатал у себя на языке это имя. Маленькая, серьезная, кроткая, доверчивая и наивная девочка. И внезапно минутной грустью, нежным возвышенным чувством наполнилось сердце Лёпса. И он, включив все свое природное обаяние, заговорил о классической музыке.

Леночка оживилась, тема была ей близка, она окончила лицей искусств, ее жизнь до медицинского института вращалась вокруг театра и музыки.

Лёпс пригласил ее в кино. Фильм был скучным и неинтересным, мягкие кресла приятно расслабляли и навевали романтическое настроение. Лёпс повернул голову к Леночке, внимательно посмотрел на ее профиль. «А она ничего, очень хорошенькая» и неожиданно для себя поцеловал ее в губы и внезапно отпрянул, пораженный ее реакцией. Буквально вслед за этим щека ощутила резкий удар ее маленькой ладошки, и он увидел ее взбешенные глаза... Бурный порыв страсти захлестнул Лёпса... Серость, никчемность его

однообразных дней и бессонных ночей теперь скрашивалась мыслями о Леночке. Мечты волновали. В душе пробуждалось что-то светлое, чистое, высокое, честное... Внезапно нахлынувшие чувства захватили Лёпса, с воодушевлением он высказывал свои надежды, стремления, с увлечением рассказывал об идеалах, надеждах, планах.

Леночка верила всему, что он говорил. Он перестал анализировать их отношения. Леночка относилась к нему искренне, ее чувства были глубокими и сильными.

Лёпса все в ней умиляло, какое-то нежное желание томило его душу... Он отсканировал с компьютера все возможные варианты ее имени. С боязливой осторожностью Лёпс прикасался к Леночке, обнимал ее, брал за руку и нашептывал нежно, ласково, горячо, страстно ее имя Лена, Леночка, Ленок, Ленусик...

Леночка таяла, смотрела на Лёпса влюбленными, обожающими глазами. Нет ничего приятнее для человека звуков его имени. Счастливо, доверчиво улыбалась она Лёпсу, ей не хотелось ни с кем делиться своим счастьем, своим временем, не хотелось никаких оценочных суждений в адрес Лёпса от бабушки, от двоюродной сестры Оксанки, от Софы. Ей впервые за два года жизни в столице было спокойно.

4

Через неделю, прогуливаясь с Леночкой мимо ЗАГСа, Лёпс предложил ей стать его женой:

– Выходи за меня прямо сейчас. Я устрою так, что нас распишут прямо сегодня.

Немного помолчав, Леночка тихо сказала:

– Все не так просто, как тебе кажется. Сначала надо закончить институт.

– Закончим одновременно, но жить будем в одной квартире с завтрашнего дня.

Леночка отказалась, сказав:

– Торопиться, Лёпс, не следует: человека надо узнать со всех сторон. И вообще, бабушка всегда говорит, «Кто в мае женится – тот всю жизнь мается». Давай подождем до осени, получше друг друга узнаем.

Он стоял возле лавочки, смотрел Леночке вслед до тех пор, пока она не скрылась в подъезде огромного краснокирпичного дома, легко простучав каблучками по высоким ступенькам. Радостно полыхали возле подъезда разноцветные тюльпаны и большегубые нарциссы, щедро омытые первым весенним дождем. Лёпс понимал, что, находясь рядом с Леночкой и придерживая ее руку в своей, он, расточающий любовь и нежность, ласковые взгляды и прикосновения выглядит нелепо, привлекая внимание людей к себе двухметровому и хрупкой маленькой Леночке.

Его чувства не находили отклика в окружающих парнях, глохли... Лёпс тщательно скрывал свои отношения от своих дружков, он гулял с Леночкой в парках и в скверах, сбрасывал многократные любовные послания на ее сотовый, периодически звонил.

Его не покидало ощущение того, что он изнутри просветлился, проникся любовью к Леночке. Все, чем он жил до этого показалось ему тесным, мизерным. Вот она – настоящая жизнь настоящего мужчины. И вот она – женщина, которая должна принадлежать только ему.

Лёпсу нравилось наблюдать, как сперва слегка покраснели Леночкины уши, как она стыдливо опускала глаза, как яркий румянец заливал ей щеки. Смущаясь,

она все ниже и ниже опускала свою голову и ладонями охватывала лицо, словно пыталась его охладить. А Лёпс смотрел на нее, упиваясь ее смущением. Он торжествовал внутри оттого, что поверг ее в рассеянный вид. И в тоже время он чувствовал какую-то гадость на душе от того, что вызвал краску смущения и стыда на ее лице.

Он настаивал, объяснял ей, что он достаточно хорошо знает жизнь, и хорошо разбирается в своих чувствах и поступках, что он – зрелый мужчина и ему тяжело сдерживать свои сексуальные порывы.

Но Леночка не соглашалась, не спешила торопить события. Лёпс насильно впихнул ей в сумочку ключи от своей квартиры, убеждал в том, что с его остановки ехать в ее институт в два раза быстрее, и что если она действительно его любит, то согласится жить в ближайшее время с ним под одной крышей, но Леночка никак не решалась.

– Ты такой добрый, хороший, – говорила ему Леночка после очередной вечерней прогулки по городу:

– Я не такой хороший, как ты думаешь.

И Лёпс начинал рассказывать о своих злоключениях в детстве. Леночке казалось, что Лёпса не любили в детстве, не оказывали должной любви и заботы. Ведь в своих рассказах он выглядел таким несчастным, обиженным, скучающим по женской ласке, уюту, заботе. Она невольно сравнивала его с кактусом. Снаружи колючки, а внутри сочная нежная мякоть, и цветет он при должном уходе красиво, правда редко. Поэтому все, что нужно: это просто окружить Лёпса любовью и пониманием, подарить ему море нежности и заботы. Она тихонько говорила, будто бы сама себе, в себя, прислушиваясь то ли к своему голосу, то ли к

душе, и ее большие голубые глаза были наполнены любовью к Лёпсу до краёв.

Лёпс ласково улыбался, нежно целовал Леночку. Она оправдывала его надежды, он позволит ей позаботиться о нем. Лёпс провожал Леночку, шел домой, перед ним рисовались заманчивые перспективы. Лёпс мечтал о том, что будет с ним и такой заботливой Леночкой.

Он быстро понял, что Леночка – послушное, заботливое существо. Ему нравилось мечтать о том, что скоро у него в квартире будет уютно. Все будет сделано Леночкиными руками. В его воображении рисовалось, как Леночка в домашнем китайском пеньюаре с наманикюренными коготками, с легким макияжем подает ему кофе и тосты в постель по утрам, как он открывает шкаф, а там стройный ряд отутюженных костюмов, крахмаленные рубашки, отпаренные джинсы, а в прихожей стоят тщательно вычищенные ботинки и кроссовки. Ему больше не придется бегать из прихожки в комнату в поисках шарфа, шапки или перчаток. Для этого у него будет Леночка. Она всегда знает, где что лежит...

Ему представлялось: вечер. Он приходит с работы, А Леночка в обтягивающем фигурку свитерке и джинсах уже накрыла скатертью стол. Салатики, мясо по-французски, бокал хорошего красного вина, минералочка. Леночка на седьмом небе от счастья, сидит рядышком и смотрит, как он неторопливо ест. Он ведет Леночку в кино, покупает билеты на VIP-места, а Леночка – ослепительная, красивая, прижавшись к нему плечиком, благоухает духами... Милая, славная девочка, она будет счастлива с ним, он все сделает для того, чтобы она была рядом с ним. Лежа в постели, почесывая усталые, гудящие от ходьбы ноги, Лёпс

мечтал о том, как Леночка будет ему делать массаж. Он решил еще раз предложить ей выйти за него замуж.

5

В простеньком клетчатом, голубом сарафанчике, расцвеченным красными и синими сердечками Леночка выглядела как-то особенно домашнему уютно. Нежный розовый оттенок лица, на шее тонкие, едва заметные голубые жилки, светлые волосы, заплетенные в косу, и уложенные венком на затылке.

Лёпс окинул ее облегающие сарафаном правильные формы, шумно потянул носом и, быстро выставив перед собой букет алых роз, выдохнул:

– Это тебе!

Леночка вспыхнула, посмотрела на Лёпса нежно, влюблено, улыбнулась широко, искренне:

– Ой, спасибо...

И тут только Лёпс заметил, что из-за ее плеча выглядывает бабушка:

– Здравствуйте! А я вот за Леночкой зашел, – он улыбнулся как можно шире. – Пустите ее погулять? Хочу в ЗАГС ее пригласить, а она отказывается.

Леночка, смущенная, убежала ставить розы в хрустальную вазу.

Бабушка чуть-чуть побаивалась незнакомых парней, она считала их типичными представителями мужского пола, охотившимися за хорошенькими домашними девочками.

Низенького роста, кругленькая, по лицу типичная еврейка, по характеру боевая хохлушка, по паспорту русская. Все свое детство и юность бабушка прожила в небольшом адыгейском селе в Абастумании

у подножия Кизил-горы, потом училась в Харькове, много лет преподавала на Дальнем Востоке. Благородство происхождения бабушка считала необходимым качеством порядочного человека, гордилась своей принадлежностью к древнему русскому роду, твердо соблюдала традиции и рассказывала о них своим внукам и невесткам. Однако ей понравились Лёпсовы манеры, безукоризненный костюм, бархатистый голос... Но тем не менее, она вечером строго-настрого наказала Леночке, чтобы та не торопилась замуж:

– Надо узнать человека со всех сторон, а то окажется фальшивкой или подлецом. Откуда у него деньги на такой огромный букет роз, если он – студент?

Леночка потупила глаза и сказала, что Лёпс вечерами работает в салоне сотовой связи, а там зарплата больше, чем у профессора в институте.

Лёпс трижды делал ей предложение: сначала руки и сердца, потом сердца и печени, а затем всего себя. Лёпс привык к тому, что его любое желание выполняется, и когда Леночка отказалась в очередной раз, сославшись на то, что ей надо еще три года в институте учиться, а не о замужестве думать, Лёпс вскипел:

– Да ты посмотри на меня! Другие в очередь стоят за таким подарком судьбы, как я. И квартира в центре города... И одежка из приличного бутика, между прочим костюмчик от Кардена, а не ширпотреб с какого-то блошиного вьетнамского рынка... И учусь в наикрутейшем институте, диплом получу – за границей работать смогу или в солидную нефтяную компанию устроюсь... И денег у меня сейчас в портмоне больше, чем у всех твоих сокурсников вместе взятых!

Грубость и неделикатность Лёпса кольнули Леночку в самое сердце:

– Разве в деньгах счастье, Лёпс? Не думай, что ты мне из-за денег нравишься, мне нравится просто быть с тобой рядом, слышать твой голос, видеть твое лицо.

– Я все сделаю для твоего счастья. Будем жить вместе сейчас, я не хочу с тобой расставаться. Ты поговоришь с родителями, если это так для тебя важно. Лучше, конечно, сразу оформить официальный брак. У нас будут детишки, девочка и мальчик, как в пословице: сначала нянька, потом лялька. Дом в пригороде. Розы, пионы, клематисы на газонах... Машина... Престижная работа... И большие возможности после окончания института. Я поеду во Францию, там буду работать, я ведь будущий дипломат. Мы даже вместе сможем жить и работать за границей, если конечно, захотим.

6

Лёпсу не хватало Леночки, одиночество тяготило его. Часто накатывали беспричинные приступы тоски, тоска сменялась едкой жалостью к себе. Исчезли спокойствие, бодрость. Снова вернулась болезненная слабость по утрам, ночь поменялась местами с днем. Ржавчина уныния разъедала душу. Вечерами он сидел дома, слушал «Апокалиптику» или шел с парнями купаться на Набережную. На душе было мрачно, безотрадно, ничто не радовало Лёпса. Пить пиво не хотелось.

Виталик, заскочив к нему с очередной красавицей, цинично заметил:

– Тёлка, она и есть тёлка. Чем переживать, найди другую. Я так думаю, у тебя уже спермотоксикоз начался. Хочешь, я тебе сейчас свою кралю уступлю?

Лёпс сильно ударил его кулаком в плечо и ушел из квартиры. Почему-то ему совестно было признаться Виталику, что он думает о Леночке.

Ему хотелось владеть ей так, как нумизмат хочет владеть редкой монетой или библиофил мечтает о старинном фолианте... Всю ночь Лёпс просидел на Набережной, смотрел грустно и задумчиво на воду. Ему было страшно представить, что Леночка не вернется, расскажет все о нем и их отношениях родителям, те вмешаются в ее судьбу и переведут в какой-нибудь Дальневосточный мединститут. И он больше никогда не почувствует ее запаха, пряди её светлых волос не будут щекотать ему лицо, и кто-то другой будет целовать и ласкать Леночку. Лёпса при этой мысли захлестнула волна ненависти. Страх, мнительный животный страх охватил всё его существо: «А вдруг она не вернется? Что тогда со мной будет?». Он со всей силы ударил кулаком о гранитный барельеф, на котором сидел. Боль привела его в чувство. Над рекой вставало солнце. И Лёпс решил поехать в деревню к маменьке.

– Что с тобой, Лёпс? – остановил его у подъезда Виталик.

Вопрос привел Лёпса в бешенство.

– Ничего! Задолбало все! Мне плохо! И он набросился с кулаками на Виталика.

Прорвавшиеся из мутных тайников его души, годами копившиеся и скрывавшиеся, ненависть и злоба, наконец-то нашли выход...

– Дурак ты, Лёпс. Все равно, дурак, – прикладывая к подбитому глазу лёд, говорил ему, сидя на кухне, Виталик. – Ты, Лёпс, одно пойми. Мы же с

тобой – парни. И только между парнями может быть настоящая мужская дружба. Парень парня всегда поймет... А что бабы, что тёлки – они дуры. Всегда дурами были и дурами останутся... Что для парней, что для мужиков. Ты, пойми, друг, бабы, как родились дурами, так дурами и помрут. Особенно блондинки, те вообще тупые. Я до сих пор понять не могу: зачем они корни волос в черный цвет красят?

Он внимательно посмотрел на Лёпса и все тем же тоном продолжил:

– Бабам, Лёпс, только секс да деньги от мужиков нужны. Душу-то они нашу мужскую никогда понять не смогут, ума у них не хватит. Так изначально было задумано. Фомич тут на днях идею толкал, что Бог изначально человека, понимаешь, человека, сотворил.

Лёпс, молча, слушал Виталика, периодически ощупывая то пальцем, то языком опухшую губу. Виталик, не вставая со стула, достал из холодильника кассетник с кусочками льда, выложил пару кусочков на тарелку, снова пристроил кассетник к боковой стенке холодильника, завернул в носовой платок холодные кубики, протянул Лёпсу, тот послушно приложил к губе. Приятный холодок притупил боль...

А Виталик неторопливо продолжил:

– Слушай дальше. Адамом назвал. А сотворил его по образу и подобию Божьему, чувствуешь, каким он его сотворил? Вот... В раю поселил. И чтоб этому человеку, то есть, такому же, как мы, мужику, скучно не было, он из его ребра женщину сделал, Сечешь, не просто сделал, а из ребра. Потому баба и дура, что из ребра. Там ведь мозг-то костный...

Виталик посмотрел одним глазом на Лёпса и вкрадчивым голосом, отделяя одну фразу от другой небольшими паузами, сказал:

– Поэтому никакая тёлка нас, парней, тебе заменить не может. Мы с тобой – парни, и только у нас есть настоящая мужская дружба. Понял, Лёпс... Настоящая дружба только между нами парнями возможна. А любая баба только для нашего развлечения и удовольствия. Опять же для удобства. Вот как Бог всё за нас продумал. Потому, как сам-мужчина. И знает, что мужику надо. Баба – часть нас и все для нас делать должна. Помнить, что мужик для нее в раю ребра не пожалел.

– Ну-ну. Философ, ты наш, доморощенный, – Лёпс вытряхнул из носового платка подтаявшие кубики льда в раковину, повесил платок на батарею и глядя на Виталика в упор, добавил с гордостью:

– Тёлки и бабы на базаре или на улице. А моя девушка – домашняя. Не лохушка какая-нибудь. Еще и девочка. Ради такой и жениться можно. Она-то умная, такая же, как моя сестра. К тому же бабка у нее профессорша, а сейчас модно на профессорских внучках жениться. Бабку ее и ректор мой знает, она – продвинутая, у неё в инете свой сайт есть.

– Ну, тогда, пропал ты парень. Видел я твою дамочку. В «Юбилейном» на посвящении маленького принца играла, у Фомича пару раз тусовалась с Тимурем. Она?

Лепс, молча, кивнул.

– Ну, и биксу, ты себе подцепил! Класс! – оживился Виталик. – Эх, мне бы так! Тёлочку домашнюю, что мужика еще не видела. Я б её научил тому, что мне в сексе нравится...И, может даже, женился бы. Чтоб я ее первым и последним мужиком был, чтоб сравнивать меня ни с кем не могла. Я ей, прикинь, и Бог, и царь, и муж, и любовник.

И он тяжело вздохнул:

– Только где ж такую взять? В «Паутину» и «Волшебный шар» они не ходят. Видно, не судьба.

– Если ты это серьёзно говоришь, и даже жениться собрался на девочке, я тебе помогу.

– Серьёзно, что ли? – облизнул губы Виталик. – И в каком же таком заповеднике девственников ты, Лёпс, пасёшься?

– Да не в заповеднике, и даже не в рассаднике. Это кухня моя... Славка... У неё и хата двухкомнатная есть. Только с тещей жить придётся. С тёткой моей. Им мужика в доме не хватает. В хату новую въехали, а там отделка получерновая. От помощи не откажутся, да и от замужества тоже. Но смотри, Виталик, не накосячь. Славка-то – девственница и к тому же кухня моя. Если что, я тебя в бочку с цементом и на дно Белой.

– Заметано. Мы ж с тобой парни. Парень слово дал, а там видно будет, что делать.

Глава 4

1

Леночка прилетела только в середине сентября. Лёпс волновался, считал часы, минуты до ее приезда, переживал, как она воспримет его после двухмесячной разлуки.

Виталик вызвался поехать с ним на новенькой «Фронтере», всю дорогу иронично посматривал на Лёпса, но ничего не говорил. Когда объявили посадку, Лёпс сначала замер, а потом огромными шагами поспешил к стеклянной двери, где толпились встречающие. Стараясь не смешиваться с толпой, остановился чуть в стороне. Виталик встал рядом. Лёпс

перекладывал из одной руки в другую букет алых роз, глаза у него блуждали, как у безумного, ноги дрожали...

Леночка в выбеленных джинсах, белой футболке с голубым пальмовым листом, в легкой синей куртке из кожи кенгуру, в белых на тонких серебристых каблуках туфельках со светлыми распущенными волосами показалась ему ангелом.

Увидев Лёпса, Леночка вся засияла от радости, приподнялась на цыпочки, поцеловала его и смущенная, уткнулась носом в огромный букет.

– Ты похудела, сильно изменилась, – Лёпс откровенно любовался ее фигуркой, глазами, похудевшими, несколько заострившимися чертами лица.

– Просто перелет тяжелый был, транзитный. У меня, Лёпс, к тебе серьезный разговор есть, лучше, конечно, без свидетелей.

Леночка торопливо сунула Виталику талончик на получение багажа. Тот без слов отошел.

Лёпсу показалось, что сердце куда-то ухнуло в желудок, и стало стучать вдруг быстро-быстро, по спине потянуло каким-то холодком. Он весь напрягся:

– Ты хочешь сказать, что между нами все кончено?

– Об этом мы поговорим позже, без свидетелей и не в аэропорту. Что с тобой?

Леночка испугалась, увидев его помрачневшее и какое-то перекошенное лицо. Кровь прилила к горячей и без того голове Лёпса, он быстро заговорил:

– Что-что? Надо было мне предвидеть, что как только ты уедешь, так тут же найдешь себе другого. А сейчас ты только и думаешь, как бы потактивнее мне сказать, что я такой хороший и тебя не стою. «Ты,

Лёпсик, ошибся... Подумай хорошенько»... Что мне думать-то?

И Лёпс зло произнес, глядя Леночке в глаза:

– Ты не можешь любить меня, потому что я твоей любви не заслужил. Так? – он резко схватил Леночку за руку.

– Не так, – Леночка вырвала свою руку, стала растирать ярко-красные следы лёпсовых пальцев на запястье. – Ты мне чуть руку не сломал. Проблема в другом.

Она покраснела, и не глядя на него, добавила:

– Я беременна. Уже четырнадцать недель. Аборт делать не буду.

Не дожидаясь ответа Лёпса, она пошла к стоянке такси. Подошедший с чемоданами, Виталик с удивлением проводил ее взглядом. Лицо Лёпса было так жалко, что Виталик удержал себя от вопросов и, молча, прошел с багажом к машине, по пути подхватив Леночку за локоток:

– Машина подана, поедem с ветерком.

Леночка согласно кивнула головой, тревожно спросила:

– А Лёпс с нами поедет?

– Сейчас я всё уточню, только багаж утрамбую.

Галантно распахнув дверцу, он заботливо усадил Леночку на заднее сиденье, уложил чемоданы в багажник. Поглядывая на Леночку, занятую пудреницей, Виталик торопливо набрал номер сотового Лёпса, нарочито-пренебрежительно произнес:

– Мы тут тебя в машине ждем. Ты с нами или как?

– Сейчас подойду.

Ухмыльнувшись, Виталик подошел к переднему колесу «Фронтеры», пнул, словно проверяя,

хорошо ли оно накачано, и, мельком глянув на Леночку, сказал негромко:

– Пойду Лёпса поищу, а то, этот свинтус, на звонок не отвечает.

И скрылся за киосками.

Все с тем же жалким лицом Лёпс вышел из здания аэропорта и сел возле Леночки, осторожно взял ее за руку:

– Я не понимаю. Подумай хорошенько. Ты не ошиблась?

– Нет, Лёпс, я не ошиблась, – Леночка сердито выдернула свою руку из его рук. – Я тебя ни к чему не принуждаю. У меня просто будет ребенок от любимого мной человека.

– Я думал, что ты не можешь любить меня, – он попытался обнять ее за плечи. – За что, вообще, можно любить меня?

Леночка доверчиво посмотрела ему в глаза.

– Я тебя всего полюбила еще в мае, и так обрадовалась, когда узнала, что от тебя у меня будет ребенок. Желанный и любимый. Больше мне ничего от тебя не надо. Я сказала все, что хотела тебе сказать. Поступай, как хочешь и как знаешь.

– Как тебе не стыдно было думать про то, что я тебя брошу, – нахмурился Лёпс. Я тебя никуда от себя не отпущу, – он поцеловал ее щеку, потом нос, губы, уловил ее трепетное ответное движение, слегка отстранился, заглянул ей в доверчиво распахнутые глаза.

– И ты никогда не бросишь меня, потому что я этого не допущу, – добавил он, крепко прижимая к себе Леночку.

– Кто помешает нам пожениться? – он снова вопросительно посмотрел на Леночку. Леночка всё так же доверчиво смотрела на него.

– С батей я попозже поговорю, у него через три недели вахта начинается, он проездом тут будет. Пока поживешь у бабушки, – Лёпс снова поцеловал Леночку, тяжело вздохнул.

– У меня сестра остановилась, через несколько дней хвосты в институте сдаст и уедет на Север.

Когда Виталик подошел через пять минут с бутылочкой «Колы», он нашел их совершенно помирившимися.

Это был один из самых счастливых Леночкиных дней, она засыпала в бабушкиной квартире с именем Лёпса на губах. Ей снилась её свадьба. Конечно же, Лёпс её любит, ведь люди только по любви женятся. Они – хорошая пара, и у Лёпса такие добрые глаза, и весь он – такой добрый, такой порядочный. И жить вместе они будут долго и счастливо, ведь студенческие браки – самые крепкие. А совсем скоро у них родится маленький, которого она уже любит и ждет не дождется его появления.

2

Три недели пролетели незаметно, как-то вечером приехал батя.

Петрович был крупный под метр девяносто мужчина, с огромным животом, который он пытался спрятать под футболку или свитер, так как обычно от всякой рубашки с мясом отскакивали нижние пуговицы.

Все свои рабочие дни на вахте он просиживал за пультом: разомлевший от тепла, осоловевший от еды и непрерывного мигания зеленых и желтых огоньков в

полудремлющем состоянии с неизменной трубкой в руках. Он любил Ямал, он любил Северный.

У Петровича был ярко выражен местный патриотизм, ведь он строил своими собственными руками, собирал дома, электростанцию по бревнышкам, по камешкам.

На самом деле, Северный – громкое название городка для типового поселка энергетиков, который пятьдесят лет назад возник на карте. Природа тогда еще не была испорчена цивилизацией. Сказочной величины поймы рек и озера изобиловали рыбой, а окрестности дикоросами и оленями. Ягод бывало столько, что от них менялся оттенок тундры, если оранжевая, значит, морошка, если сизый, то голубика или шикша.

Зимой тундра была безмозглой и холодной, но, тем не менее, северное сияние оживляло однообразие белого бугристого бескрайнего пространства.

Петрович считал себя знатоком прибрежных районов. Он любил настоящую жизнь настоящего мужчины: охоту, рыбалку, с интересом присматривался к ненцам. Его не смущали грубость и простота нравов, практически первобытное житье местных жителей.

К любому можно было по-соседски зайти в Северном... И многие его жители во время долгой полярной зимы, во время активировок, чтобы не сойти с ума от тоски, периодически находились в состоянии запоя.

Петрович любил маленькие городки, считал, что там все всё друг про друга знают, словно и дома, и души от мороза стали прозрачными, и все друг друга хорошо понимают.

А в городе все подделка – сплошная сутолока и сосед соседа не знает, хоть и на одной лестничной

клетке живут, а порой и имен-то друг друга не знают, и здороваться – не приучены.

Прошедший полный курс выживания на Севере, зная не понаслышке голод и лишения, больше всего на свете он боялся нищенского существования своих детей. И всегда сердился, когда Лёпс начинал говорить о своих неприятностях или проблемах.

Весь вечер собирался Лёпс заговорить с отцом о женитьбе, но всякий раз от одной только мысли о предстоящем разговоре им овладевала такая робость, что его бросало в пот. Открыв рот, он сразу забывал все приготовленные слова. Он опасался, что, выслушав его, Петрович, будет долго брюзжать, а потом и думать запретит о женитьбе, пока он не окончит институт. Наконец, сидя за кухонным столом, наблюдая за третьей чаркой коньяка, исчезающей во рту Петровича, смущаясь и сгорая от стыда, он начал щекотливое объяснение.

– Что такое? – вздрогнув, переспросил Петрович.

– Жениться я, батя, собрался, – уставившись в тарелку с копченной курицей, решительно проговорил Лёпс.

– Жениться. Жених выискался. Институт еще не закончил. Я тебе сейчас так женилку обломаю, что волком взвоешь, – грохнув бутылкой по столу, вскипел Петрович. Бутылка разлетелась вдребезги.

– Поздно, батя, женилку обламывать, скоро дедом станешь, – спокойно ответил Лёпс.

– Что? – Петрович недоуменно уставился на посверкивающее острыми краями горлышко бутылки в своей руке. Из порезанного мизинца струилась кровь. Не чувствуя боли, он спросил:

– Кто она? Хоть из хорошей семьи?

– Это Леночка, – сказал, подавая отцу бинт, Лёпс.

Батя, надувая щеки, облегченно выдохнул:

– Ну, это хороший выбор.

Слизнув с пальца кровь, и туго перевязав его бинтом, заметил:

– На такой можно хоть завтра жениться. Только как жить-то будете?

– Свою жену и ребенка я как-нибудь сам прокормлю. Работать вечерами буду, у Леночки стипендия.

– Разве это жизнь? Разве хватит вам на двоих да еще на ребенка пяти тысяч деревянных, разве о работе ты, Лёпс, должен думать? Об учебе думать тебе надо! Учиться, учиться и еще раз учиться! – батя неспешно набивал трубку табаком.

– Вот я, батя, жизни и учусь, – потянулся за сигаретой Лёпс. Батя ничего не знал о материнской дотации, и Лёпс не собирался ставить его в известность.

– Да как на три тысячи вы ухитритесь прожить в городе! Диплом получишь – и работай, сколько душе угодно, – Петрович выпустил густой дым изо рта.

Лёпс недовольно отмахнулся:

– Ты что это, батя, хочешь, чтобы я от ребенка отказался, и он рос безотцовщиной и все вокруг ему тыкали, что его отец-подлец, заделал ребенка и мать беременную бросил?

– Да не про то я речь веду, – немного смягчившись, сказал Петрович. – Вот я училище закончил, дурак был, да и возможности не имел, кормить чем-то надо было мать с Ежевикой. А тебе мы все сразу дали – в институте вон уже отучился два года. Ты пойми, сынок, родители ведь для того и существуют, чтоб детям помогать на ноги встать. Мы Ежевику

выучили — и тебя выучим. Поможем с деньгами, прокормим как-нибудь, лишь бы меня с работы не турнули. Ты справочку возьми в институте, что студент и на иждивении у меня.

Лёпс удовлетворённо кивнул головой, именно этого он и ждал от бати.

Он поспешил встретиться с Леночкой в ближайшем кафе.

— Кто помешает нам пожениться? С батей я уже переговорил. Да и сестра не против тебя, она тебя одобрила. Маменьку батя с Ежевикой простроят, барагозить не будет. Только тетушка удивится, хотя навряд ли. Виталик ей уже все рассказал про нас. А твои родители только обрадуются тому, что их внук или внучка имеют настоящего папу, и о тебе кто-то здесь заботится. Прямо сейчас пойдем, заявление в ЗАГС отнесем, а через месяц поженимся. Видишь, Леночка, от судьбы не уйдешь, надо было еще в мае это сделать.

Леночка молчала, лицо ее светилось от счастья, радость переполняла душу. А Лёпс продолжал:

— Чтоб все по-людски было, батя завтра приедет и к бабушке сватать тебя пойдет, надо ведь нашим с твоей родней познакомиться! Так что, бабушку предупреди, чтоб гостей встречала хлебом-солью. Свадьба будет скромная. Распишемся, родней посидим, может, родители твои смогут приехать.

— Папа с мамой обязательно приедут! И понравятся тебе, они у меня самые хорошие.

— Мы с тобой проживем отдельно от них всех: от родителей, от бабушки, от тетушек. Только я, ты и твой ребенок.

С каким-то трепетным волнением, неясным страхом стояла Леночка на пороге ЗАГСа:

– Лёпс, мне нравится моя фамилия, и менять на твою я её не хочу. У нас в роду старшая дочь фамилию не меняет.

– Пока и не меняй, а ребенок родится, будем все мою фамилию носить...

Леночка бросила на Лёпса любящий, полный нежной грусти взгляд, и протянула ему шариковую ручку:

– Напиши сам ту фамилию, которая у меня останется после регистрации.

Лёпс, искоса поглядывая на нее, медленно выводил ее девичью фамилию. Онемевшая от радости, притихшая, словно боясь спугнуть свое счастье, Леночка выходила с Лёпсом под руку из ЗАГСа.

3

Вечером Лёпс с отцом направились с цветами и конфетами к Леночкиной бабушке.

Квартира Петровичу не понравилась. Планировка хорошая, комнаты и кухня просторные. А вот обстановка слишком скромная для профессорши. Красивая полированная стенка с обилием тисненных золотом и серебром переплетов. «Куда их столько? Вон полки уже прогибаются под ними!» – недовольно подумал он. Большой письменный стол с компьютером и принтером тоже его не впечатлил. «И зачем он старухе сдался?» Правда, мягкая мебель, забранная в темно-синие велюровые чехлы, ему показалась удобной и качественной. Петрович с удовольствием вытянул ноги и стал рассматривать разнообразные картины на стенах, заметив его интерес, Леночка, сказала:

– Это бабушкины работы, она так после сессии расслабляется!

– Ну что ж, неплохие работы! А то другие всякие квадратики да цветные круги рисуют, тут хоть сразу видно, что море, солнце, песок, тетки полуголые.

Тем временем бабушка вышла из ванной комнаты, в байковом халате и полотенцем на голове:

– А Лёпс пришел, да не один, а со своим отцом, Родионом Петровичем! Ну, здравствуйте, гости дорогие!

Петрович приосанился, попытался втянуть живот: бабушка выглядела моложе его жены. Ей можно было дать от силы лет пятьдесят пять:

– Ну, здравствуйте, здравствуйте, Фаина Федоровна! Честно признаюсь, я вас другой представлял.

Бабушка улыбнулась:

– Ну, вы тут без меня еще минут пять поскучайте, я хоть в подобающий ситуации вид облечусь.

Через десять минут все уже сидели за кухонным столом. Прямо при гостях на стол резались всевозможные деликатесы, хлеб, сыр, колбаса, выставлялись разнообразные салатики, из микроволновки доставались поочередно то фаршированная курица, то румяные котлетки, то тушеная картошечка с мясом.

Петрович с удовольствием завершил сервировку стола запотевшей бутылочкой «Смирновской»:

– Ну, Фаина Федоровна, Ваша кухня существенно отличается от нашей! Такое разносолье! Аж, глаза разбегаются – с чего б начать!

Бабушка кокетливо улыбнулась и, поправляя воротничок темно-синей шифоновой блузки, просто сказала:

– А Вы начните с самого главного, с какой целью пришли, ведь чувствую, что не праздный интерес вас к нам сегодня привел!

Петрович откупорил бутылку, разлил по чарочкам, выждал паузу, глядя в глаза Фаине Федоровне, сказал:

– Не буду я kota за хвост тянуть. Прямо скажу, свататься пришли. Вот наш жених, а вот ваша невеста, – и Петрович, кашлянув в кулак, заметил:– Они всё уже без нас решили. Молодые, да прыткие. Так что мой приход – это не более, чем формальность. Так что, стовор у нас сегодня. Давай, хозяйка, выпьем...

Петрович снова кашлянул в кулак:

– Как говорится «Девку пропить треба, чтоб счастлива была».

– Конечно, конечно, нехорошо без знакомства и благословения, – тяжело вздохнув, заметила бабушка. – Что ж поделаешь, время сейчас такое. Молодежь ныне и вправду, шустрая. Всему сама учится.

Она приподняла стопку, посмотрела на Петровича, потом на Лёпса с Леночкой, и, погрузнев, заметила:

– Давайте лучше выпьем за то, чтобы в жизни было меньше формальностей, но было больше любви.

Она неспешно выпила свою чарочку, закусила кусочком буженины, подкинула и себе, и Петровичу по румяной котлетке, густо сдобренной зеленью и обстоятельно начала расспрашивать его о различных семейных делах. Одобрительно покашливая, Петрович неторопливо откусывает кусочек-другой. После второй рюмочки и сытной закуски разливается в его теле приятное горячение, хочется поговорить о сокровенном. Неторопливо, степенно заводит он беседу:

– Я всю жизнь, Фаина Федоровна, мечтаю, чтобы внуков у меня много было, чтобы они под ногами у меня копошились, чтобы род наш процветал на земле... Вот у Васи, брата моего, две девки родились, а у девок тоже девки. Фамилию некому передать, и сеструха тоже двух девок родила. Один я остался, дочка моя, замуж вышла, как положено под мужниной фамилией ходит. А Лёпс у нас – единственная веточка, ему и флаг в руку, пусть, как сказано в Библии, «плодится и размножается», чтобы внуков у меня было много. Я вот полжизни на Севере прожил, да ничего так и не нажил. Коттедж только в деревне четырехкомнатный купил да семьдесят пять соток земли к нему. Скоро выйду на пенсию, пчелами всерьез займусь. Пока только пасеку делаю, тридцать семей уже есть. Только мед помаленьку качаем, балуемся, учимся потихоньку. Вот так человек и живет. Для себя живет, для детей, для внуков, а обществу что...

Но бабушка была противоположного мнения. Она завела речь о том, что сокровище надо собирать не на земле, где их может уничтожить моль и ржавчина, а собирать там, где воры не достанут, у себя в душе. Каждому человеку при рождении дается по способностям, и в конце жизненного пути спрашивается соответственно. Счастлив тот, кто приумножает свои способности.

– Нашей Леночке многое дано, она лицей театральный закончила, внештатным корреспондентом в городской молодежной газете была, компьютер знает хорошо. Сын ноутбук дочке своей старшей купил, а мне ее прежний достался. Все говорят, что он хороший. Я-то в компьютерах не разбираюсь, мне он сильно громоздким кажется по сравнению с ноутбуком, но

слава Богу, все нужные программы есть, даже на «рыбу» мне статьи из Москвы и Питера скидывают.

Петрович в красках рассказывал о снегах, выглаженных штормовыми ветрами и от этого плотных, как лед, о застывшем хаосе громадных зеленоватых торосов по берегам рек, о «медальонной» тундре, о ненцах, о пятидесятиметровых обрывах, пронизанных светлыми широкими столбами ископаемого льда, о мутном, размазанном недельной пургой небе, о беспощадном и враждебном человеку Севере, который невозможно завоевать без техники. Вздыхал, поясняя, что там, где техника, там меняется дикий пейзаж. Появляются буровые вышки, трубопроводы, электролинии, кратеры карьеров, здания, трассы дорог, исчезает девственная красота тундры.

Бабушка с удовольствием читала стихи Риммы Казаковой: «Не поеду я в Сочи, где желтый песок, а поеду я в сопки на Дальний Восток», цитировала Петра Комарова, Всеволода Сысоева, показывала фотографии с видами дальневосточной природы.

Петрович понимающе вторил:

— Север привязывает, сильно привязывает человека к себе. Хотя жизнь там нелегкая и текучая, но стойкости и крепости человеку прибавляет. Волю дает и доброту. Ты там сам себе хозяин, людей мало, не колготятся под ногами и перед глазами. А те кто есть, все добрые и простые.

— Только добрые да простые северяне до конца никогда и никому открытыми не бывают. Другое дело — дальневосточники: и открытые, и дружелюбные, и разговорчивые. Иначе и не выжить.

А Лёпс с Леночкой сидели рядышком, посматривали друг на друга, любуясь друг другом и не было им никакого дела до споров и разговоров за

столом. Лёпс осторожно перевел разговор на Леночку, какая она – замечательная девушка.

Бабушка с готовностью подхватила разговор:

– Леночка у нас любит, чтоб в квартире чисто было, готовить любит. Вкусно, быстро у нее получается. Вот Ксю ленивая – спит до последнего, потом сидит, глаза красит целый час. Леночка уже завтрак себе горячий сделала, поела и в институт побежала, а Ксю глоточек чая сделает и вдогонку бежит. Я девчонок по утрам не бужу, к самостоятельности, ответственности приучаю. Родители их ко мне два года назад отправили, чтобы я их в институте выучила. А еще Леночка так доступно все объяснять умеет, вот она меня научила компьютером пользоваться, я и Интернетом умею правильно пользоваться и письма по электронной почте писать. Ксю тоже умеет, только объяснить толково не может. Ну, оно и понятно! У Леночки наследственность хорошая, как-никак четыре поколения учителей и педагогов в роду, сам князь Одоевский, тот который сказки дедушки Ираклия написал, ей прямым пра-пра-прадедушкой приходится. Всё же в генах запечатано: и облик, и болячки, и способности, и судьба. А вот Вы, Родион Петрович, что про свое генеалогическое дерево знаете?

Петрович поперхнулся, прокашлялся и сказал:

– Да мать вот моя рассказывала только, что прадед мой переселенцем был с Украины. Барин ихний выиграл в карты земли в Уфимской губернии, пашенные и сенокосные и всю деревушку сюда и перевез. Барин умен был, все законы знал, еще и лес под строительство выбил, и деньги царские, якобы, на каждого переселенца по какому-то указу получил. А вот прабабушку совсем маленькой родители сюда привезли, тоже всей деревней за лучшей долей поехали. Десять

дней то ли на барже, то ли на пароходе плыли, как селедки в бочке. Сестричка ее старшая Дашутка да братик годовалый пути не осилили, от дифтерии на пароходе умерли. Царь земли тут для переселенцев свои открыл, вот и отмежевали их семейству по 20 десятин на душу. Без нужды жить на новом месте стали: грибы, ягоды, зверья всякого, только лесом пользоваться нельзя было. Коль поймают – штрафами накажут, а то и до смерти забьют. У кого деньги есть – тому легче живется. Прадед за семью из 10 душ 500 рублей отдал за приемный договор. Уж очень хотел жить без нужды. Дом в деревне купил, пасеку завел, в один год хозяйство наладил и брата своего с семьей сюда перетянул. А брат лекарил хорошо, так ему чуваша позволили место самому выбрать для дома. Он и поселился на отшибе поближе к лесу... Потом прадед в Сибирь и Китай мед свой возить стал, а оттуда в деревню фарфор, меха да ткани узорчатые привозил. В уезде лавку свою мануфактурную открыл. А с революцией все потеряли, дед по этапу ушел в Сибирь, там кости его до сих пор и лежат.

– Хорошо, что вы родословную свою знаете, а то ведь многие от своих предков отказываются, не понимают, что благодаря им, мы на земле живем. Вот видите, как интересно получается, прадед ваш медом занимался и на Дальний Восток ездил, и вы на пенсии в пасечники собрались, а Лёпс невесту из Хабаровска себе приглядел... В жизни все предопределено. Не зря Лёпс с Крайнего Севера, а Леночка с Дальнего Востока в один год, в один город, в университеты поступили. Да и одна родина когда-то у наших предков была, вот сидим сейчас за одним столом и одну песню поем на украинском языке.

Лёпс слушал с улыбкой оживленную болтовню бабушки и бати. Помалкивал, словно стесняясь... А бабушка продолжала заливаться соловьем:

— Вот Леночка-молодец! Правильную профессию выбрала: чистенько, светло, всегда на людях. Спрос на лекарства всегда будет, значит, профессия востребованной будет. Фармацевты во всем мире богатыми людьми считаются. Лёпс, а ты ведь тоже по диплому работать будешь, кто ты у нас по профессии?

Бабушка сняла очки и потерла переносицу указательным пальцем, выжидающе поглядывая на Лёпса. Лёпс уклончиво назвал только свое отделение и факультет.

— Ой, сейчас столько всяких новых специальностей появилось, вот мы раньше только фармацевтов готовили и провизоров, теперь в аптеке кого только нет: и менеджеры, и дистрибьюторы, и логистики, и маркетологи, мерчендайзинги, и региональные представители. Одно только не пойму: слово «специалист» в моем понимании означает человека, имеющего опыт, умения, навыки и богатую практику. Разве это у тебя будет, когда ты институт закончишь?

— Диплом-то мне дадут, а там, как получится. Желательно бы сразу в министерство, или на таможенную службу, или в отдел административных расследований попасть.

Бабушка сделала вид, что не поняла вежливого намека Лёпса. Она стала рассказывать о том, как вместе с мужем и двумя детьми после окончания мединститута в Киеве поехала по комсомольской путевке на Дальний Восток, в глухую деревню. Как помимо работы обустроивала там нехитрый деревенский быт, топила печку, училась разводить куриц, поросят, солила и

мариновала на зиму овощи, коптила сало. Как училась вместе с мужем в аспирантуре, в Хабаровске, как защищалась в Москве у самой Марии.

– А жена моя в школе тридцать лет отработала, русскому языку и литературе учила. Даже звание сороковского учителя ей дали. Теперь вот в деревне за порядком следит.

– И я очень люблю, чтоб в доме чисто было, только времени не хватает, Устаю сильно, мои сверстницы уже давно пенсионерки. А я ведь все еще в институт езжу. Ладно бы лекции только читала, а то я и завкафедрой очень большого факультета, и наукой занимаюсь. Вон подруга моя Земфира наукой не занимается, только мертвый язык преподаёт, а мне статьи приходится писать и в периодику, и научные журналы. Кандидатов научных готовлю, в Москву и Самару защищать их вожу. А это столько сил, столько времени, столько энергии занимает. Хорошо хоть в последнее время аспиранты благодарные попадаются. Вон одна мне из министерства подарочную карточку на день рождения подарила, я немного своих денег добавила и новый холодильник купила. И по Интернету я с детьми своими могу общаться. Дети мои ведь далеко – на Дальнем Востоке, а сын младший с невесткой в Китае теперь. Видите, Родион Петрович, как хорошо сейчас жить стали, не то, что в годы нашей с вами юности.

Петрович вздыхал, поддакивал:

– Все у них лучше, чем у нас. Ну, так и понятно, что для счастья детей и внуков мы стараемся. Только многого я сейчас не понимаю. Жили бы да радовались, что ни войны, ни голода нет. А они вечно недовольство свое кажут, все им мало. Раньше семьей жили: народили детей и думали – как накормить, напоить, приодеть,

чтоб не хуже других были, повоспитывать, чтоб родителей не позорили. Раньше один начальник был, а теперь все в начальники метят. Вот жена моя, бывшая почти директриса, и сынок – будущий начальник деньги-то с меня почему-то требуют. И верчусь я, как карась на сковородке, чтоб и вашим, и нашим угодить, и всех деньгами обеспечить. И что получается: и компьютеры, и микроволновки, и какие-то фотокамеры в телефоне с видеокамерами вставлены, и кабельное или кобельное телевидение, что ни программа – то либо детектив, либо реклама, либо сцены любовные. Я тут на Север на вахту еду, а они мне на ночь баб голых кажут. Смотришь, смотришь и злость берет... Я вот в его возрасте мечтал, чтоб кандидатом в партию приняли, а он о машине да куче денег в придачу. Еще и ухмыляется, что так большинство людей сейчас живут. И куда мир катится? Раньше-то проще было, знали, что делать и как, зарплату вовремя платили и всем одинаковую. А теперь...

Неспешное застолье, душевные разговоры подошли к концу за полночь. На прощание бабушка попыталась всунуть им в руки огромный полосатый арбуз, Петрович отказался:

– Пошто нам ваши арбузы, нам дивчину подавай!

Выйдя из подъезда, Петрович сел на лавочку. Лёпс присел рядом. Долго курили молча. Лёпс ждал, что скажет батя. Петрович затушил окурок об асфальт, вздохнул тяжело:

– Знаешь, сынок, надо железо ковать, пока оно горячо! Пойдем назад, заберём Леночку, а то ведь ведьма старая нам точно гарбуза всучит по приезду родителей!

Маменька считала себя потомственной врачевательницей, травницей. Нижние полки в шкафу были заставлены всевозможными справочниками по лекарственным травам, заговорам, приворотам и целительствам.

Деревенские товарки старались с ней не ссориться. Через полгода жизни ее в деревне все считали ее колдовкой, может и мужа присушить и отсушить, и порчу навести и на птицу, и на корову, и на урожай.

– И собака у нее под стать хозяйке. Вся черная, огромная, как теленок, подойдет тихо, за подол зубами дернет тихонько, как взглянет своими глазищами, так к земле и припечатает. Стоишь, как онемевшая, шевельнуться не можешь, пока Ядвига из дома не выйдет, – рассказывала соседка Туся. – И откуда только в одночасье в поселке эта псина появилась?

Рожденная на Севере, спасенная Петровичем от праведного гнева вахтовиков, обозлившихся на взбесившуюся от потери щенков собаку, привезенная в фанерном ящике на самолете, шестидесяти килограммовая Багира ласки не терпела, спала на улице, подачек не требовала и ела только из миски. Петровича любила, а на маменьку посматривала снисходительно, мол, ради хозяина тебя слушаюсь... Увидев кого-то во дворе спокойно, по-хозяйски подходила, мудро-спокойно и проникновенно глядела в глаза вошедшему, словно пыталась увидеть там что-то такое, что никогда не видела. По поверьям северных народов, собака прежде, чем встать собакой, была человеком. А раз так то, и характер их как у человека, бывают среди них и подлые, и трусливые, и такие которых-то и собаками

трудно назвать, потому как хозяева носятся с ними больше, чем со своими детьми. Но есть преданные до последнего дыхания. Багира, в понимании Петровича, была настоящей преданной собакой, любящей свое потомство. Маменька Багиру кормила, поила, выгуливала, возила к ветеринару, но особой любви к ней не испытывала. При случае старалась спустить ее с поводка, а потом жаловалась Петровичу, что свободолюбивая собака опять с цепи сорвалась, чуть соседей всех не перекусила, никакого сладу с ней нет.

Батя ухмылялся тихо в усы и успокаивал Ядвигу:

– Ну, разошлась, закипела, только Багира поумней иного человека, просто так ни на кого не бросится. Так что не возводи, Ядвига, напраслину на собаку.

– Боюсь я, уедешь ты на вахту, а она кого-нибудь до смерти разорвет.

– Если кого и разорвет, так значит, тому на роду написано было от ее зубов подохнуть.

– Написано-то оно, может быть, и написано, да только замучаемся откупные пострадавшим отписывать!

Но Петрович махал рукой, чтобы Ядвига угомонилась.

– Не собака, а чистое сокровище, – любил говаривать Петрович друзьям и товарищам.

Увидев кого-нибудь сидящим на лавочке возле дома, Багира ложилась в метре, закрывала глаза, делая вид, что дремлет, при этом чутко поводила ушами, и из-под прикрытых век все видела, все слышала, за всем наблюдала. Любила рыбалку, любила охоту, умудрялась и водяную крысу поймать и на мелководе выхватить из

травы крупную щуку, промысляющую рыбной мелочью.

– Ты смотри, Ядвига, за Багирой, приглядывай, проверяй на всякий случай целостность цепных звеньев на разрыв, – приговаривал Петрович, уезжая в поселок или на вахту.

Увидев Леночку рядом с Лёпсом и хозяином, Багира, приветливо замахала хвостом, стала тыкаться носом в ее розовые ладошки, пару раз предупредительно лизнула своим шершавым языком.

– Ты, смотри, что с собакой делается, – приподняв брови, удивленно сказал Петрович. – Первый раз вижу, чтоб к кому-то, кроме меня, ластилась.

Леночка присела перед Багирой, почесала ее за ушами, Багира благодарно и всепонимающе уставилась на Леночку.

– Хватит бате собаку портить, – ворчливо заметил Лёпс и, приподняв Леночку над землей, понес в дом.

Стенка разделяла комнату на две неравные части. В большой стоял кремовый угловой с фигурной спинкой диван, рядом с ним точно такое же кресло, журнальный столик с аккуратной стопкой газет и журналов. За диваном в углу – высокая треугольная божничка со множеством икон, украшенных рушниками с ручной вышивкой. На полу огромный ковер в тон мебели. Белые с коричневыми цветами обои. Темно-зеленые шторы с ламбрекенами и тончайшие тюлевые занавески, сквозь которые виднелись керамические горшки с цветущей примулой и белой геранью, стоящие на подоконнике. Лёпс осторожно опустил Леночку в кресло:

– Вот мы и в деревенском доме, сейчас маменька придет, познакомьтесь с ней. Она баню топит.

Не удержавшись, он поцеловал ее в губы:

– Ты такая у меня красавица.

Зазвенели китайские колокольчики над входной дверью. Леночка привстала с кресла, машинально провела по волосам. Лёпс размашистым шагом поспешил к двери. Леночка увидела, как Лёпс обнял за плечи и поцеловал в лоб вошедшую женщину. Она внимательно вслушивалась в ее усталый невыразительный голос.

– Наконец-то сыночек, отец тебя в гости к нам привез.

– Да я не один, а с женой своей будущей.

Лёпс обернулся к Леночке, поманил ее рукой, Леночка сделала два шага навстречу.

– Сейчас, сейчас, только руки помою. И с девушкой твоей познакомлюсь. А то я яйца в сарае собирала. Вы уж, Леночка, извините меня, – и, не глядя на девушку, маменька торопливо скользнула в ванную комнату справа от входа. Леночка подошла к Лёпсу, и вопросительно приподняв брови, посмотрела на него. Лёпс пожал плечами и, нагнувшись, поцеловал ее в губы:

– Не переживай, все будет хорошо. Я тебя люблю. А всё остальное не имеет значения. Мы будем жить отдельно от них.

Выйдя из ванной, Ядвига Николаевна крепко обняла Леночку, поцеловала ее в лоб, слащаво произнесла:

– Рада, рада с Вами познакомиться. Не каждый день Лёпсик в гости девушек приводит. Он – мальчик у нас скромный, не избалован женским вниманием.

Ядвига снова поцеловала будущую невестку и, подталкивая ее к столу, громко позвала Лёпса и Петровича:

– Ну, мужчины, садимся, садимся скорее за стол, а то всё на нём стынет.

Стол для ужина был готов: аккуратно расставлены тарелки, разложены вилки, ложки, посередине в плетеной из ивняка хлебнице ровными треугольничками лежал хлеб. Леночка послушно уселась на угловой диванчик, рядом с ней с одного бока пристроился Лёпс, а с другого сел Петрович. Незаметно откуда на столе появилась запотевшая бутылочка деревенского первача, аккуратно порезанная колбаса, ветчина, сыр, голубая чашка с салатом из помидоров и огурцов, щедро заправленного майонезом. От микроволновки Ядвига уже несла стеклянную кастрюлю с кусками парящего мяса. Петрович быстро разбросал по тарелкам двузубой вилкой мясо, а Ядвига поварешкой налила горячий бульон с лапшой.

– Кушайте, кушайте, наше самое любимое блюдо. Главную еду моего детства.

На следующий день маменька предварительно выскоблила, вымыла всю баньку, разожгла печку, обложенную в парной с трех сторон округлыми, сглаженными временем и водой большими камнями. Играло внутри печи пламя, плясали его отсветы на ее лице. А она все подкладывала и подкладывала в подтопок полено за поленом, и вполголоса то ли нашептывала, то ли напевала старинную чувашскую песню. Потом, продолжая все так же напевать, сняла с подволоки березовый веник, поставила томиться его в деревянную кадку с кипятком, ошпарила кипящим отваром из зверобоя, можжевельной хвои, душицы и чабреца всю баньку. Неторопливо расстелила на полке чистую простынь. Зашла в дом: Леночка в одиночестве смотрела телевизор.

– Ты, бельишко свое собери, пойдем в баньку сходим, а то мужики еще долго на лавочке сидеть будут, а ты без нас в доме закиснешь.

...Торопливо раздевшись, Леночка вошла в парную. В нос сразу ударил странный запах, не противный, просто особенный, настоящий на жаре и травах.

– А ну, марш на полок! – поторопил ее бесцветный голос будущей свекрови.

Леночка послушно присела на простынь.

Ядвига плеснула травяным отваром в жарнике. Зашипели, растрескиваясь, камни, моментально заволоклась парная горячим паром.

Задохнувшись от горячего настоя трав, Леночка приподнялась и хотела выскочить в предбанник. Ноги задрожали, и внезапно ослабев, она села на нижнюю ступеньку лесенки... Голова непривычно кружилась, Леночка, словно погружалась в дремоту.

– Непривычная ты к жару, – услышала она надтреснутый, с хрипотцой голос будущей свекрови.

– Ну, ничего, сейчас посидишь, отдохнешь минут пять, расслабишься, и я тебя на полке омою, веничком попарю. Сразу легкой станешь, как перышко. Я пойду пока дров в печку подброшу, да полынный отвар принесу. Помогает.

И свекровь исчезла за тяжелой дверью.

В дверь предбанника заколотили, крючок слетел с петель. Тут же послышался встревоженный голос Лёпса:

– Леночка, ты здесь. Ты чего это надумала, зачем в баню пошла? Хорошо, батя заметил да мне сказал, что ты куда-то исчезла.

У Леночки не было сил ни подняться с лавки, ни сказать. Ее тихонько баюкала накатывающаяся

темнота, она только чувствовала холодные, дрожащие руки Лёпса, набрасывающие на нее прохладную простынь, поднимающие и куда-то несущие, что-то холодное, горьковатое, льющееся в рот.

Что-то мелькало перед глазами, что-то крутилось, какие-то перекошенные лица Лёпса, Петровича, будущей свекрови, какие-то пронзительные крики. Последнее, что она помнила: свое стремительное падение в какую-то черную крутящуюся воронку.

— Ну, вот, очнулась, наконец-то.

Скрипучий голос свекрови действовал Леночке на нервы:

— Видишь, сыночек, ничего страшного не произошло. Нервы у нее слабые, а организм крепкий. Что ж вы мне не сказали, что Леночка у нас тяжелая. Если бы я знала, разве повела бы ее в баньку париться? Чуть такой грех на душу не взяла.

Леночка приоткрыла глаза, она лежала в комнате на диване, укутанная в махровую простынь, свет был включен, рядом с ней сидел на краешке дивана Лёпс. В изголовье стояла свекровь в переднике и с головой, покрытой платком.

— Ты уж меня старую прости, не со зла, а не по недоразумению в баньку-то повела, хотела как лучше, — увидев, что Леночка открыла глаза, принялась уверять ее с горячностью Ядвиги Николаевны.

— А получилось, как всегда, — автоматически ответила Леночка, поплотнее заворачиваясь в простынь, ребенок обеспокоенно толкался внутри.

Свекровь недовольно поджала губы и вышла из комнаты. Лёпс прилег рядом с Леночкой, обнял ее и, отколупывая прилипший к ее шее, невесть откуда взявшийся, березовый листок, сказал:

– Ты всерьез маменьку не принимай, она тут в деревне расслабилась умом-то.

Леночка вскоре уснула. Лёпс вышел на улицу, присел на лавочку и с наслаждением закурил. Ночь растекалась над Малиновкой, луна висела прямо над домом. и заливала округу призрачным светом, от освещенного окна тянулась светлая дорожка к будке Багиры. Думать ни о чем не хотелось.

5

Не успел он докурить сигарету, как на ступеньках появилась мать, настороженно ощупала его взглядом, села рядом:

– Сынок, я ведь как лучше хотела, – перемежая свою извинительную речь отрывочными замечаниями о том, что сердиться на нее не стоит, Ядвига уселась рядом с сыном, закурила.

Лёпс молчал, его раздражала мать. После пары судорожных затяжек Ядвига Николаевна вдруг сказала:

– Не о себе думаю. Я уже свою жизнь прожила. Я, Лёпсик, за тебя беспокоюсь. Да ты сам подумай, какой ты муж? Какой из тебя отец? Сам еще на шее родителей сидишь, теперь вот еще и жену с ребенком посадить нам на шею хочешь?

Лёпс, задыхаясь от возмущения, багровел. Наконец, не выдержал, сплюнул смачно и, швырнув тлеющую сигарету в ведро, вытолкнул из себя:

– Не волнуйся, мать! Свою жену и ребенка я прокормлю как-нибудь сам.

Сильно хлопнув дверью, он заскочил в пристройку.

– Как же! Дождешься! – шла за ним по пятам с сигаретой в руках Ядвига Николаевна. – Как ты это себе представляешь?

Он прошел на кухню, налил из-под крана воды в стакан, выпил залпом. А Ядвига, нахмурившись, продолжала:

– Сказано тебе было, что на четвертом курсе жениться выгоднее всего. Только из нищеты вылезли, так ты опять нас туда тянешь. Только тебя в люди выводить стали, как ты на работу пойти надумал. Нечего сказать, вырастили умника на свою голову. Столько денег мы с отцом за два курса обучения отдали. А ты теперь всё коту под хвост: институт бросить собрался, на работу пойти надумал.

– Мать, остынь.

Лёпс хрустнул пальцами, и неожиданно для маменьки спокойно сказал:

– Завтра утром мы уедем в город. Я женюсь на ней, чего бы это мне не стоило. Я ее люблю, и она меня любит.

– Ты, Лёпсик, думаешь, что твоя невеста тобой интересуется? Да ей квартира в центре города приглянулась, – назидательно заметила Ядвига Николаевна. Выругавшись, она швырнула в мойку сигарету, обжегшую ей пальцы.

– Если ты против моей женитьбы, то знай, – Лёпс впервые за весь вечер посмотрел ей в лицо, в голосе его зазвучали металлические нотки, – чтобы ты не говорила, я на Леночке все равно женюсь. Батя нам поможет.

Лёпс зашел в свою комнату и закрыл дверь за собой на ключ. По опыту прежних лет он знал, что мать иногда много лишнего говорит, но, в общем-то, часто бывает права. Оно и понятно, ведь опыта-то жизненного

у неё побольше, чем у него, Лёпса, и сестрицы его, вместе взятых. Только в вопросе женитьбы Лёпс уступать маменьке не собирался. И маменька это тоже поняла. С первым автобусом она отправилась в посёлок навестить свою свекровь, а заодно и побеседовать со Светланой, приехавшей проведать мать. Тетушка всем посторонним приписывала практические взгляды на брак. Наливая подруге в большую кружку с изображением мадонны и младенца чай, тетушка не преминула заметить:

– О чем, вообще, эта Леночка думает, мечтая выйти замуж за Лёпсика? Конечно же, только то, что он – молодой и с квартирой в центре города и что в престижном институте учиться! Ты сама, Ядвига, не первый год на свете живешь, понимать должна, что эта бедная студенточка, польстилась на деньги, на квартиру в центре города, возле остановки. Сама подумай, что ей бабушка шестидесятипятилетняя дать может? – Светлана многозначительно посмотрела на Ядвигу.

Та второпях проглотила кусочек сырокопченой колбасы и согласно кивнула головой:

– Еще и с сестрой двоюродной комнатенку делит.

И тут же, сооружая себе многослойный бутерброд, Ядвига заметила:

– У меня от этих мыслей такой аппетит разыгрался, боюсь, что колбасы и сыра не хватит.

Тётушка поставила разогревать в микроволновку солянку:

– Нет, Ядвига, тут вся ее любовь белыми нитками шита. Вскружила голову нашему Лёпсику, приехала тут из какой-то Тьмутаракании под названием Хабаровск, небось, родители рады-радешеньки, что выпихнули ее из квартиры к бабушке, там еще двое

подрастают. Таким наглядкам ничего в жизни не страшно. Конечно, Леночка – пустышка. Кроме хрупкой внешности да крашенных волос ничего нет. Скоро Лёпсу она надоест, он ее бросит.

– Да пока он разберется в том, что она собой представляет, я либо с ума сойду, либо от старости умру. Обидно мне, Света, ой, как обидно за себя, – перехватив сочувствующий взгляд подруги, маменька скороговоркой зачастила, – да и за Лёпса, ой, как обидно, Света. Вот как представляю, что он будет возле этой крашенной блондинки вроде комнатной зверушки, так сердце кровью обливаться начинает, так бы ее...

Ядвига пристукнула по столу кулаком, подняла печальные глаза на подругу:

– Лёпсик-то на нас вторые сутки бирюком смотрит, в свою комнату не пускает, мои ключи от городской квартиры для своей Леночки забрал. А что дальше будет, и так понятно. Отобьет она его от нас. И все свое время, и все деньги будет он ей отдавать. Никакой жизни ни нам, ни ему. Будет, как проклятый, на нее работать и на ее детей. И как нам в старости с Родионом куковать? Помощников-то других нет. У Лики своя семья, своя жизнь.

Тетушка молча поставила на стол тарелки с аппетитной солянкой, выложила ложки, села напротив и, понимаясь вздохнув, посмотрела на Ядвигу. Та продолжила свои сетования:

– Да и не сам он в ЗАГС-то бежит, это ты верно, Светочка, заметила. Торопит она его, и причина уже в животе ее растет. Вчера сама в этом убедилась. Открытым текстом и сыночек, и муженек мой бестолковый про это объяснили. И что мне делать – ума не приложу, как быть, как от этой напасти избавиться?

Некоторое время на кухне слышалось только тихое звяканье ложек и тяжелые вздохи. И только сложив тарелки в раковину, тетушка успокаивающе махнула рукой:

– Ты уж, Ядвига, на рожон-то не лезь. Тем более, что ребенка она от Лёпса носит. Отнесись ко всему философски. Не Леночка, так какая-нибудь другая все равно его рано или поздно охомукает. Тут хоть ее родственники вмешиваться не будут. Квартира на тебя приватизирована, деньгами всеми ты управляешь. Тебе и рулить ситуацией. Время-то всё по своим местам расставит. Родит ребенка, будешь с ним нянчиться, будет тебе, чем в деревне заниматься, Лёпс в гости чаще приезжать будет. А невестка... – тетушка опять махнула рукой, и пристально посмотрев на Ядвигу, неторопливо добавила, – какая тебе разница, эта будет или какая другая. Главное, чтобы за Лёпсом присматривала.

Ни тетушка, ни маменька и мысли не могли допустить, что Леночка не руководствовалась в своих поступках корыстной целью, а решилась поискать вместе с Лёпсом обыкновенного человеческого счастья и любви. Очевидно, эти материи были не совсем им понятны. Долго еще они судачили о том, как тяжело воспитывать своих детей, и сколько в мире наглых и недостойных людей, норовящих на чужом горбу в рай въехать.

Вечером, смирившаяся перед обстоятельствами, Ядвига заметила на кухне Лёпсу:

– Хорошо, что у тебя есть любящая и все понимающая мать. Да и отец здоровье на Севере не жалеет, все копеечки в дом тянет. Не тревожься, Лёпсик, проживем как-нибудь. Все-таки, люди мы порядочные. Нечего нашей кровиночке при матери-

одиночке расти. Проживем как-нибудь. Слава Богу, хозяйство большое. Да и пчелки медок славно носят. А его всегда в деньги обратить можно или в качестве презента нужным людям преподнести. Проживем, не тревожся, Лёпсик, родители у тебя любящие, заботливые. А как ребеночек родится – мы его к себе в деревню возьмем, будете с Леночкой жить в свое удовольствие, институт спокойно закончите. А там еще парочку родите, нянька-то уже к тому времени подрастет, уже полегче и вам, и нам будет.

Лёпс удивленно поднял брови, но ничего не ответил. Прощаясь с невесткой, Ядвига заметила:

– Мой Лёпсик так Вас любит. Характер свой проявил. По-мужски поступил: сказал, как отрезал, что только на Вас женится, сколько я его не убеждала, подождать хотя бы до весны. Вот и Вы должны, Леночка, его так же любить, как он Вас. Матери ведь только добра и счастья своим детям желают. Вот и я хочу, чтобы Лёпсик в браке счастлив был. Деньгами поможем, а вы уж только живите, да счастьем наслаждайтесь.

Взгляд Леночки скользнул и задержался на маленькой акварели, висевшей возле выхода. На ней не было ничего, кроме высокой белоствольной березки с тонкими ветками, стоящей на высоком пригорке. На небе клубились темные дождевые тучи, и березка под порывами ветра клонила к земле...

6

Неторопливо потягивая пиво, Лёпс одиноко сидел в спортивном баре «Волшебного шара», вспоминая былую жизнь. Ни хорошего, ни плохого за последние две недели с ним не происходило. Леночка

жила у него. День свадьбы был назначен. Родственники поставлены в известность. Костюм куплен, платье тесть привезет, кафе заказано, деньги папенька даст, но эти формальности почему-то действовали на него угнетающе. В глубине души Лёпс не очень-то верил в успех свадебной затеи.

Кто-то знакомо хлопнул его по плечу. Обернувшись, Лёпс с радостью увидел располагающее к себе, расплывчатое лицо с небольшими глазками и носом-картошкой с синеватым отливом. Широкий, белый, льняной костюм, широкополая шляпа и тяжелый «Роликс» на правом запястье были неизменными атрибутами Ивана в «Волшебном шаре»...

Лёпс вкратце рассказал о том, что произошло. Кузен сочувственно слушал, подпирал рукой подбородок и благодушно поглядывал на Лёпса.

– Ты что чувствуешь себя виноватым? Не парься. Лучше подумай, чем жену с ребенком кормить будешь. Тут дело такое, – и кузен стал обстоятельно пересказывать свою новую идею.

На улице было пасмурно, моросил редкий противный холодный дождь. Народу в «Волшебном шаре» прибавилось.

– Слышал, что ты жениться собрался? – спросил у Лёпса Ван Гог.

– А по-твоему, не стоит? – едко парировал Лёпс.

– Ну, и скоро свадьба ваша? – продолжал на своей волне Ван Гог.

– Да неделя осталась. А что? – непонятно почему раздражаясь, ответил Лёпс.

– Что за парень ты, Лёпс? Только гулять начали, жизнь понимать, а ты жениться собрался. Предатель ты, Лёпс, – произнес вдруг Костя-Костет.

– И кого же это я предал? – возмутился Лёпс.

– Да нас, парней всех. Мы к тебе, так сказать, и душой, и печенью, и желудком. А ты нас на бабу променял. Слабак... Вот так попал ты. Залетел. На фига она тебе сдалась? – не унимался Костет.

– Да не я залетел, а она. И как порядочный человек, а не какой-то там отморозок, я на ней женюсь. Чтоб у ребенка папа был. Понял, Костет? – тщательно проговаривая каждое слово, ответил Лёпс.

– Не стоит. Все бабы – дуры, сам знаешь, что им только одно от мужика надо – деньги, – подхватил разговор Эска.

– Моя-то – умная. У нее бабка-профессорша, в медицинском работает. А родня вся на Дальнем Востоке. Деньги ей не нужны, ей я нужен.

– Ну-ну, философ, ты наш доморощенный. Зачем ты ей и ребенку без денег? Деньги всем нужны, – продолжал гнуть свою линию Эска.

Тимура поразили слова Лёпса, он растерянно, недоумевающе просмотрел на Лёпса:

– Я не совсем понял. Ты что на Леночке жениться собрался? Она согласилась?

– А на ком же еще, по-твоему, я жениться должен! – амбициозно ответил Лёпс.

Парни разом замолчали, каждый по-своему переваривая это неожиданное известие. Лёпс и Леночка – это что-то неординарное.

Тимур резким движением потянул свои волосы вверх, он всегда делал так в моменты сильного волнения:

– Но такого быть не может! Когда вы успели сговориться, она же только недавно из Хабаровска вернулась.

– Ну, любя многое можно! – Лёпс скрестил руки на груди.

– Ты... ты... ты... – почему-то начал заикаться Тимур, – ты разве способен кого-то любить? Ты ведь не можешь поступить с ней, как с другими своими подружками. Это будет подло, это будет гадко.

– Да, знаю без тебя, что она – домашняя девочка. Поэтому и женюсь!

Ван Гог хохотнул:

– И почему это профессорскую внучку на Лёпса потянуло? Всё, Лёпс, кончилась твоя свобода. Теперь жизнь твоя станет сплошной обязанностью. ДДД: деньги, дети, дом.

– Ты трижды дурак, Лёпс, себя погубишь и Леночку. Она не для тебя, – вдруг тихо произнёс Фомич.

– Да пошли вы со своими советами подальше, – и Лёпс громко хлопнул дверью.

На следующий день по совету Ивана Лёпс устроился в соседний институт библиотекарем, хотя на самом деле его взяли туда для работы программистом. Он сразу поставил условие «штаны даром просиживать не буду, работать буду по скользящему графику, если какие-то неполадки, то пусть вызывают по сотовому». Лёпс очень хотел попробовать жить по-новому, ему хотелось иметь престижную и высокооплачиваемую работу, но для этого надо было иметь стаж. К тому же Виталик предложил Лёпсу стать спасателем-общественником, им помогут устроиться на курсы МЧС, а там, куда кривая вывезет, может лет через пять в министерство МЧС работу получают. Лёпс с радостью ухватился за предложение Виталика. Теперь ему предстояло два раза в неделю ездить на курсы, изучать медицину и психологию.

Тимур подошел к Леночке между лекциями:

– Ты выглядишь счастливой. Я бы хотел чем-нибудь помочь, ведь эта предсвадебная морока не обходится без суеты и спешки. Сходить, похлопотать о чём-нибудь, договориться.

– Спасибо, только все уже делается. Папа приехал, они все со свекром решают.

– А как мама?

– Она не приехала, второй месяц болеет, – погрустнела Леночка, – температура не падает и кровь очень плохая, сейчас только преднизолон пьёт. Папа масло местное нерафинированное растительное для нее взял, мама собирается его с водкой пить.

– Не знаю, что и сказать, – Тимур растерянно посмотрел на Леночку.

– Просто пожелай мне счастья.

– От всего сердца и от всей души хочу, чтобы ты была счастлива! – воскликнул Тимур.

Посмотрев ей в глаза, добавил:

– А что еще тебе надо?

– Не знаю, я правда, не знаю, что еще мне надо... Лёпс практически не советуется со мной, – она подперла ладонью правую щеку, озорно посмотрела на Тимура. – Ты на девичник пойти не хочешь? Я всю группу пригласила вместе с Алмазом.

– Нет. Меня Лёпс на мальчишнике ждет.

Глава 5

1

«Полигон» располагался в ста метрах от дома Лёпса. Лёпс давно там был завсегдатаем, проводил каждый вечер с друзьями. У дружбы свои законы,

настоящие, выверенные годами и событиями. Дружбе изменять нельзя. Дружбе верят, ее берегут. «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», – любила приговаривать на уроках маменька. Достаточно быть с ними в беде или радости. А завтра у Лёпса намечалась свадьба.

Немного попетляв среди однообразных серых пятиэтажек, Лёпс подошел к неприметной обычной железной двери без вывески и звонка. Возле этого входа было обычное столпотворение. Парни курили. Поздоровавшись со всеми, Лёпс тоже закурил, окинул всех взглядом: Виталик, Фомич, Шершень, Костет, Тимур, Русланчик. Не хватало еще нескольких одноклассников и Ван Гога с Эской.

Первое время после знакомства с ними Лёпс приходил в бешенство, слушая их крикливые, беспорядочные и пустые разглагольствования, даже сам пытался с пеной у рта доказать свою правоту. Ему не нравились манеры многих из них разговаривать с апломбом и высокомерием высшего существа, протягивая слова во рту, словно жевательную резинку, сопровождая любую сказанную фразу многозначительными недомолвками. Одно время Лёпсу казалось, что за душой у многих друзей-одноклассников ничего нет, кроме презрительного скептицизма и полускрытого стяжательства. Его раздражала их привычка, устраивать бурные дебаты по случайным вопросам, переходящие в жаркие споры и ссоры. Потом Лёпс понял, что становится похожим на них, и его это начало только сердить. Но вскоре он с этим смирился и частенько забавлялся, глядя на то, как разгоряченные парой-тройкой бутылок пива, парни яростно насакивают друг на друга, доказывая свою точку зрения, которая через пять минут у любого из них могла стать совершенно другой, отличной от

первоначальной. Иногда он и сам специально подливал масла в огонь. Порой Лёпс зарекался больше не общаться с ними, но по вечерам все так же его тянуло то в одну, то в другую компанию. Боялся Лёпс остаться наедине с собой. Боялся надолго оставаться с Леночкой. Не хотелось ему ни в чем ущемлять себя, хотелось постоянно быть на людях.

На мальчишник собрались все. Сначала посидели в «Полигоне», потом переместились в соседнюю пивнушку и удобно расположились там вокруг четырех сдвинутых столиков. После третьей бутылки пива Лёпс стал разглагольствовать:

– Я ж парни, человек – порядочный, а не какая-то там шалупень, женюсь, потому как это мой ребенок. И я его сам воспитывать буду. Я ж скоро, парни, батей стану. Прикиньте, парни. Батей!

Парни одобрительно загудели, звякнули бутылками с пивом.

Лёпс сидел с Тимуром возле окна в небольшой нише.

– Тебе совсем не такая жена нужна. Леночка – натура тонкая и чувствительная, погубишь ты ее, – пытался вразумить его в очередной раз Тимур. – Как ты свою жизнь с ней представляешь? Что вообще ты о ней и ее родственниках знаешь?

Лёпс поспешил выразить свое несогласие:

– А зачем мне это знать? Родители ее далеко, значит, в жизнь нашу вмешиваться не будут. Будем жить в мире и довольствии. Как я скажу, так все оно и будет. Пусть привыкает к местным обычаям.

Тимур только улыбнулся в ответ:

– Она – девочка домашняя.

– Так это же вдвойне хорошо. Привыкла слушаться, значит, покладистой будет. К семье моей

быстрее привяжется. В доме порядок будет. Зачем ей институт? Пусть мужем и ребенком занимается.

– Ты, Лёпс, – собственник, для тебя важна не любовь, а осознание того, что Леночка – твоя. Всецело тебе принадлежит. Всецело тебе подчиняется. Но так долго продолжаться не может. Твой брак, Лёпс, основывается на страсти, на увлечении, а не на любви. Тебе не любовь, а власть над Леночкой нужна.

Лёпсу удалось подавить свое раздражение, сузив глаза, он сказал:

– Давай замнем эту тему, я понимаю, тебе неприятно, она была твоей девушкой, а завтра станет моей женой. Давай останемся друзьями, ведь существует же на свете настоящая мужская дружба.

Он протянул Тимуру бутылку пива, но Тимур качнул головой и, попрощавшись, ушел.

Сидевшие за столом парни тем временем разговаривали о женщине в постели, только без женитьбы.

– Я лично женюсь, когда смогу найти причину, которая позволить бабе ворчать на меня с утра до вечера, – заявил во всеуслышание Ван Гог. – Вы, парни, только подумайте, что скажет жена, узнав, что я по вечерам хожу пиво пить или в бильярд играть.

– Содрогаюсь при этой мысли, – вздохнул Эска. – Бабы с детьми, может быть и необходимы, только я не обязан материально поддерживать их существование. Больно уж они ненасытные.

– Если бы я мог удовлетворять все их материальные желания, так же как физические, я б о женитьбе вообще не думал, – ухмыльнулся Ван Гог.

– Давайте лучше за Лёпса выпьем, за его сексуальное здоровье, – горячо вмешался, поднимая

бутылку пива, Виталик, заметив помрачневшее лицо Лёпса.

– Погоди, Виталик! – послышался густой басок Костета. – Я, конечно, всегда готов выпить за чьё-то здоровье. Но сейчас прямо тебе скажу. Будь я на Лёпсовом месте, так от женитьбы и от ребёнка открестился бы. Мало ли от кого ребёнок может быть. Рано в неполных девятнадцать лет жениться, рано еще ребенка иметь. Еще не нагулялись, тёлка не всех перетрахали.

– Да заткнись ты, – зашипел на него Виталик, поглядывая на Лёпса. – Хочешь, чтобы тебе пятак начистили? Ты, видно, забыл, что Лёпс по любви на девочке женится?

– Да я же ничего такого не сказал, – пошёл на попятную Костет, который умел жить в мире со всеми и быть хорошим для всех. – От ребенка сейчас запросто избавиться можно, а от жены труднее. Зачем жизнь-то себе портить семейной жизнью, вечерами, как пердун старый, дома сидеть? А больше я ничего не говорил и ссориться ни с кем не хочу.

– Тупило ты, как я посмотрю, Костян, – скривив губы, произнёс Виталик. – Пословицу вспомни, дурило: «Если и круговая, то лучше дорога, если и кривая, то лучше девушка».

– Что вы с этой девственностью, как пингвин с яйцом носитесь? – возмущенно произнес Костет. – Уже давно операции по ее возвращению в клиниках делают. А ты, Ботик, Алиску помнишь? Она типа девственница, но по всему общежитию лучше нее никто миньет не делает.

– У нас в деревне один мужик пять жён поменял, – вдруг вступил в разговор, молчавший весь

вечер, Шершень. – И никаких алиментов, еще и за честь сочли ребенка от него иметь.

– А у нас мужик четырех жен от рака похоронил, – поспешил поменять тему разговора Русланчик. – Трех парней сам воспитывает. Он уже и справку где-то взял, что не является раковым носителем. Только замуж за него никто не идет, как от прокаженного, все бабы от него шарахаются и Синей бородой за глаза зовут.

Парни невольно переглянулись между собой.

– Что до меня, то Лёпс – правильный парень. Пример для нас всех, – громко сказал Виталик, которому пиво уже ударило в голову. Да так громко сказал, что все сидевшие в пивнушке, притихнув, посмотрели на них.

Виталик встал и, поднимая очередную бутылку с пивом, произнёс:

– Так давайте выпьем за настоящего порядочного парня, который может взять ответственность за свои поступки на себя, а не перекладывать их на других парней.

Вскоре ушел и молчавший весь вечер Фомич, а дегустация пива на мальчишнике затянулась. По мере иссякания содержимого бутылки, на стол ставилась еще пара.

Ван Гог какое-то время заплетающимся языком пытался хохмить, рассказывая про свои отношения и скаребные развлечения с женщинами, но его уже никто не принимал всерьез, потому что каждый говорил на своей волне о своем наболевшем, животрепещущем. Злоба, рождаясь в груди, душила Лёпса, он весь кипел от негодования, так как знал, что Тимур прав. Но он сидел, улыбаясь, поглядывал на парней, поднимал одну бутылку за другой.

И хотелось Лёпсу уже только одного: вырубиться. Что вскоре и произошло.

Растроганная Ядвига обняла сына, невестку. Всё как у людей.

Машина с обручальными кольцами. Шампанское, музыка. Принаряженные родственники, свидетели. Невеста в длинном белом платье, с шикарной прической, в туфлях на шпильке. Лёпсик в костюме. Правда, сватья не удосужилась на свадьбу приехать, видать, брезгует, недовольна дочкиным выбором.

Ядвига еще раз, кивнув в стороны невестки головой, с победоносным видом посмотрела на сестру, на брата: видали, какая у меня невестка, тихая, славная, рассудительная, умница и красавица. Расспросы сестры и вежливые улыбки утомляли, да и к чему им все знать про сватов. Главное, Лёпс счастлив будет, никто в его жизнь вмешиваться не будет: родители Леночкины далеко. Одна бабушка рядом. Профессорша! Может, и Анечку со временем в мединститут пристроим, и чистенько, и опрятненько, и свой врач в семье будет. Удачный выбор Лёпс сделал, удачный.

Стол стоял буквой «П», занимая половину кафе. Другая половина была свободна для танцев. Все чинно сидели, как и полагается в таких случаях по старшинству и по достоинству. Справа родственники жены, слева Лёпсовы. Порхали с подносами в руках поджарые, строгие официанты. Громко играла музыка, периодически прерываемая то пожеланиями молодым, то тостами, то шуточными конкурсами.

Лёпс верил и не верил, и никак не мог поверить в то, что все это правда. В глубине души он чувствовал какое-то равнодушие ко всему происходящему, какую-то странную раздвоенность, отстраненность от всех этих поздравлений, поцелуев, родственников, вспышек фотокамер, от всего этого торжества.

Ему хотелось только одного, чтобы все это поскорее закончилось, и чтобы, наконец-то, у него началась новая, полноценная жизнь. Но не такая, как у тетюшек с их мужьями, не такая, как у папеньки с маменькой, не такая как у Ежевики с Андреем.

Ему сверху хорошо был виден точенный Леночкин профиль, пульсирующая голубоватая жилка на шее. Его переполняло чувство гордости за то, что вот рядом с ним сидит та, о которой вздыхает половина институтских парней, а вторая половина до сих пор поражена тем, что она предпочла им его.

Какое-то непонятное чувство, то приближающее, то отталкивающее его от Леночки, пробуждалось в нем, когда он смотрел на Ботика со Славкой, на Оксану, на Марину, на Софку.

Его беспокоило присутствие непьющего тестя, разговоры бабушки, размышления Леночкиной кузины Оксаны и Софки. Моментами ему казалось, что сегодняшний вечер – химера, и что его мечты о том, какой будет его жизнь, зыбки и нереальны, что сейчас в его жизни происходит что-то такое, чего пока он не понимает, но о чем, впоследствии, он может пожалеть.

«Есть только миг между прошлым и будущим...», – словно насмехаясь над ним, пел Градский.

Лёпсу захотелось выскочить из-за стола и куда-нибудь сбежать с Ботиком, в «Полигон» или «Чашу». Посмотрев на Леночку, он встретил ее взгляд. Ему

вдруг почудилось, что она чувствует то же самое, что и он.

– О чем ты думаешь? – он привлек ее к себе, заглянул в глаза.

– О том, что я самая счастливая.

– Это так впечатляет. Я тоже самый счастливый, ведь я люблю тебя, – Лёпс осторожно поцеловал Леночку в губы.

Тамада объявила танец для молодых. Лёпс осторожно поцеловал Леночку в губы, встал, подал ей руку, и ощущая на себе взгляды своих немногочисленных, но значимых родственников, повел свою жену в центр зала.

Из-за свадебного стола Лёпс с Леночкой вылезли голодные. Несмотря на огромное желание попробовать и зеркального карпа по-французски, и салатики и местный национальный суп-келе, они не могли себе этого позволить. Весь вечер их поздравляли, они вставали, благодарили. Им кричали «Горько!», они снова вставали, целовали друг друга в губы.

Они так устали, что им хотелось только одного, чтобы поскорее все закончилось.

2

В группе появился новый студент. Высокий, сутуловатый, плотный, с правильными чертами лица, со светлой шевелюрой и необычными рысьими глазами. Поначалу Лёпс отнесся к нему с некоторым презрением. В чём-то парень казался расчётливым, хотя и не выделялся среди других ни глубиной, ни новизной мысли, предпочитал больше слушать, чем говорить... Как-то перед занятиями парнишка покачивающейся

походкой подошел к ребятам в курилке, поздоровался, первым протянув руку:

– Видали, как наши голландцев вздули! – увидев их незаинтересованность, недоуменно пожал плечами и пошел по лестнице.

– Придурок! Фанат футбольный! – стрельнув сигаретой в стоящую рядом урну, произнес Эска,

– Сам ты – придурок. Тимур профессионально в юношеской сборной за город играл, – только после травмы на чемпионате из сборной ушел. Его фанаты до сих пор переживают, – сказал Русланчик.

Лёпс присвистнул:

– Зашибись, какие люди у нас учатся!

И с этого момента стал с интересом приглядываться к Тимуру, который отличался от сокурсников своеобразным остроумием, мог посмеяться и над собой, умел приправить короткие фразы удачным соленым словом, никогда не кривил душой, терпеть не мог деревенских и всей душой ненавидел голубых и наркоманов.

Тимур жил на Зорге. Народ там простой, чужого не упустит, но и своего не отдаст. Тимура на Зорге знали все и уважали соответственно.

За последние полгода Тимур совсем отвык от книг, все свободное время сидел за компьютером, играл в различные стрелялки или смотрел фильмы, особенно его волновали мультики. Несмотря на хвосты и частые пропуски, Тимур духом не падал, не искал виновных, просто шел вперед с воловьим упрямством, очень надеялся получить диплом и откосить от армии. Лёпс сам предложил Тимуру решить проблему с его хвостами. Тимур согласился.

Они медленно шли к приятельским отношениям.

Несмотря на то, что Тимур пристроил Лёпса к знакомому в рекламное агентство директором, работу свою библиотекарем в качестве программиста Лёпс не бросал. Стаж идет, и денежки капаят. В институте бывал редко, прикрывался беременностью жены.

В рекламном агентстве Лёпс попытался сразу вникнуть в свои должностные обязанности, проявлял служебное рвение, высиживал максимально возможное время в своем холодном кабинете, с грустью поглядывая на серые цементные полы...

Дверь он всегда оставлял приоткрытой, чтобы слышать, что творится в офисе. Иллюзия полезной деятельности захватила Лёпса, иллюзия движения. Вроде двигается, а на самом деле стоит на месте. Как заведенный механизм: перпетум-мобиле двигается-двигается, а с какой целью и для чего, непонятно. Просто ощущение занятости, нужности кому-то. Жизнь принадлежала всем и вместе с тем никому.

Лёпс упивался властью, наслаждался своим недоступным видом в зеркале, восхищался своим голосом, властным, громким, с металлическими нотками.

Целыми днями Лёпс донимал телефонисток бесчисленными придирками по поводу их тембра голоса, интонации, неразборчивых записей в тетради входящих звонков, ввел графы, отражающие содержание вопроса и время поступления звонка. В конце смены требовал у телефонисток подробного отчета о том, сколько звонков и какого характера в какой интервал времени лично приняла она, заносил все сведения в свою статистическую таблицу. Таким образом, Лёпс знакомился с рынком услуг, методично заносил в свой каталог часто встречающиеся фирмы, их адреса и телефоны. Затем ехал к директору этих фирм и

предлагал заключить договор на рекламу их продукции. Еженедельно лично докладывал и Тимур, и его знакомому о проведенных мероприятиях. Те были довольны работой Лёпса, и считали его весьма деловым человеком. А Лёпс очень спокойно работал и учился, не зная ни мук сомнения, ни испытывая угрызений совести.

Каждую пятницу вечером он уезжал с Леночкой в деревню на электричке. Леночка, тяжело переносившая беременность, вскоре засыпала у него на коленях. Лёпсу хотелось поделиться счастьем с родителями, показать им, как надо правильно любить. Он не давал в деревне Леночке шагу ступить без него. «Куда нитка – туда и иголка», – посмеиваясь в усы говорил Петрович. Лёпс чувствовал себя счастливым, за столом буквально кормил Леночку с ложечки: «Ешь, ешь, мало ли что не хочется, малышу расти надо». Маменька тоже подкладывала себе и Петровичу по румяной котлетке, густо сдобренной зеленью и обстоятельно начинала рассказывать о порядках в семейной жизни:

– В нормальной семье, Леночка, дом в образцовом порядке. Дети всегда наглаженные, ухоженные, как вот вы у меня. И в доме все есть: уют, комфорт, еда. Нормальная женщина обязана со своего мужа пылинки сдувать, очаг хранить, чтобы в доме все было: уют, комфорт, еда.

Одобрительно покашливая, Петрович неспешно выпивал чарочку, откусывал кусочек-другой буженины и продолжал вслед за женой:

– Женщина – она ведь, Леночка, берегиня. Ей самой природой заповедано хранить священный домашний очаг. Она дает тепло, свет, еду своему мужу и детям. Дом немислим без женщины. Она домом

должна заниматься, мужем и детьми, а не ходить на работу, чтобы там чужих детей воспитывать.

– Вот-вот, Родя, и я про тоже говорю, – Ядвига поглядывала то на Лёпса, то на Леночку. – Женщина создана для того, чтобы хранить очаг, потому что мужчинам глубоко наплевать на то, что творится в доме. Они по природному своему естеству – добытчики, их удел – ничуть не изменился с первобытных времен, только раньше они за мамонтами охотились, в племя его волокли. а женщины рационально делили его и перерабатывали, теперь времена другие, а роли так и не поменялись: деньги зарабатывают и в семью приносят, а уж женщина распоряжается куда и сколько потратить.

– Да сейчас многие женщины больше, чем иные мужики зарабатывает. А мужики лучше, чем иная баба готовят, – посадив Леночку себе на колени и опираясь на ее плечо подбородком, сказал Лёпс.

– Готовят лучше, – Ядвига, поправляя платок на голове, закрутила его кончики. – Может, и готовят, только они не за полезностью блюда гонятся, а за вкусовыми ощущениями. Потом болячки преследовать начинают. Мужчина – не зря мужчиной прозывается. Слово-то из двух корней состоит, первый «муж», а второй «чин». На принадлежность указывает, а слово «чин» еще и важность определенную придает.

– Мужчина в доме, сынок, должен чувствовать себя мужчиной, а не предметом интерьера. А перекладывать на него или сына женские обязанности – это предел всему, – подкладывая себе аппетитную картошечку, заметил Петрович.

– Женщина может преуспеть в профессии, но главное, для нее это реализоваться, как полноценная личность. Но как личность она может проявиться только тогда, когда состоится, как женщина, как мать, когда

увидит результат своего труда в мужчине, – Ядвига наконец-то поправила платок и опустила руки на колени.

– А что взамен? – Леночка выскользнула из Лёпсовых объятий и села на соседний стул. – Женщина чувствует себя клячей, и точно такая же кляча клячится на соседней кухне. И что муж? Извини милая, я устал? Посмотрит, посмотрит и уходит к молодой или той, которая себя смогла реализовать, как женщина, и пироги печь научилась, и капусту солить, и философские беседы вести, и любить не разучилась: ни себя, ни детей, ни мужчину. Так что не надо, с больной головы на здоровую валить. Бред все это. Сплошное перекладывание ответственности за свою жизнь на другого. И потребление труда другого.

– Феминизма-то в России, как ни странно, нет, – Лёпс снова положил свой подбородок на плечо Леночки. – Место женщины в семье всегда определял домострой, да и в совковые времена женщина с честью несла ответственность за семью, быт и воспитание детей через всю свою жизнь. Так что нечего, любимая моя, переступать через стереотипы.

– Слушай, Леночка, мужа. Слушай, – Петрович отодвинул от себя тарелку. – Настоящая женщина – щедрая, великодушная. Она живет в семье, для семьи, для себя, но все это в одной своей ипостаси. Ей важно не то, что в обществе творится, а то, что твориться в ее семье. Ведь если она не накормит утром детей и мужа или позволит им пойти в грязных вещах или в плохом настроении на учебу или работу, но начнется в этом пресловутом обществе цепная реакция. Муж и дети будут чувствовать себя ненужными и одинокими, ущербными.

– Но дома все время сидеть – это скучно и однообразно. Никакого полета мысли, никакой возвышенности ума и души. Стирка, глажка, готовка, напротив, убивают душу. Все это красивая поза – я для вас это все делаю.

– Леночка, о чем ты говоришь? Да и зачем надо столько времени на все это тратить, – не вытерпел Лёпс. – Двадцать первый век на дворе. Все это не больше часа сейчас занимает, утром засунула в стиральную машинку грязные вещи, заложила программу, после работы развесила полусухое белье, сложила аккуратно, кое-что погладила и все. Достала полуфабрикаты, разморозила в микроволновке, прочитала сзади рецепт на упаковке и готовь, что хочешь. От мужа только одно требуется, чтоб из магазина до холодильника на себе или машине довез.

– Мужчина должен жить в полное удовольствие. Тогда нет у него причин портить себе и другим жизнь. Если ему хорошо, то и его женщине тоже, – с этими словами Петрович вышел с кухни.

Через три месяца после свадьбы Лёпс стал капризен, неровен, раздражителен, иногда придиричив, резок. Леночкина беременность стала проявляться во всей красе. У нее начался токсикоз, который она очень тяжело переносила, появилась сонливость, отёки, по утрам она еле вталкивала распухшие ноги в полусапожки. Лёпс стыдился появляться с ней на людях, она напоминала ему гиппопотамаху. Втайне он боялся, что она такой останется после родов. Он стал небрежен в отношении к Леночке. По вечерам его трудно было застать дома. Институт занимал много времени, Лёпс разрабатывал и писал программное обеспечение для библиотеки, занимался администрированием. К тому же Иван дал несколько

ценных технических советов. Домой Лёпс приходил усталый и вымотанный. Леночка кормила его, делала массаж ног. Иногда Лёпс засыпал в полете к подушке. Вся его жизнь, его желания и действительность не сильно изменились, он жил по-старому, только в его квартире теперь кроме него жила Леночка. С одной стороны, он не мог жить без Леночки, а с другой стороны, он спокойно обходился без нее, все так же заигрывал с проходящими девчонками, все так же рассматривал чьи-то ножки и выступающие под свитерами и джинсами женские прелести.

Иногда чувствовал себя виноватым перед Леночкой, но чувство вины быстро проходило, когда он рассказывал ей во всех подробностях о том, что чувствовал, рассматривая чьи-то части тела. Цинично посмеиваясь, он говорил, что совесть в детстве на конфетку променял.

Как-то он пришел домой рано. По установившейся привычке поцеловал Леночку в лоб. Увидев его, Леночка удивилась.

– Да, чуть не забыл: Тимур зачем-то хотел зайти к нам сегодня вечером. Это меня на определенные мысли наводит. Мне кажется, что ты меня за дурака держишь и за моей спиной глазки Тимур строишь.

– Вздор какой-то ты, Лёпс, несешь. Придумаешь тоже. Зачем мне Тимке глазки строить, я же за тобой замужем.

– Ну, ты подумай сама, проанализируй свои отношения с ним, ты в университете с ним больше времени проводишь, чем со мной, своим мужем, – скороговоркой произнес он.

– Лёпс, ты говоришь глупости. Я люблю тебя. Давай ужинать и спать, завтра мне к первой паре.

– Ты даже поговорить со мной не хочешь на интересующую меня тему. Ты сейчас ведешь себя так, как будто я мешаю тебе своим присутствием, – обвинительным тоном начал Лёпс.

– Лёпс, к чему все эти упреки, я люблю тебя, я же не закатываю тебе истерик, когда тебя вечерами дома не бывает.

– Упреки? Разве это не ты меня сейчас упрекаешь в том, что меня вечерами дома нет? Разве это я тебе мешаю жить так, как ты хочешь? Я понимаю, что у беременных свои причуды, им вечно все кажется, все мерещится, только к чему сейчас твои сцены? – с раздражением проговорил Лёпс.

– Что за тон у тебя, Лёпс! Как капризный ребенок себя ведешь! – возмущаясь его поведением и словами, сказала Леночка.

– Оставь меня в покое. Живи своей жизнью, не указывай мне! – раздражаясь все больше, Лёпс выскочил из прихожки, со всей силы хлопнув металлической дверью.

Леночка расстроилась. Что же произошло? Что вдруг нашло на Лёпса? Ладно, в конце концов, это его проблемы, пусть сам отвечает за свое поведение. Она поставила в микроволновку ужин. Звонок спутал мысли. Леночка отворила дверь. С красной розой в руке стоял Лепс:

– Ленусик, не злись на меня.

Лёпс был уверен, что Леночка его простит, забудет эту нелепую выходку, он убеждал ее в этом:

– Ты же знаешь, я – искренний, всегда говорю то, что чувствую. Я вспылил, может, что-то лишнее сказал... Но такова жизнь... Не сердись же, я по-прежнему люблю тебя. Я ведь сразу назад пришел, объяснил свое поведение.

Он приблизился вплотную к Леночке, обнял её:
– Не сердись, солнышко мое, прости меня!
Посмотри мне в глаза, я же не хотел причинять тебе боль!

Леночка слегка отстранилась от Лёпса.

– Ты что все еще злишься на меня?

– Я ничего, Лёпс, не имею против тебя, просто мне не нравится, когда со мной так обращаются.

– Леночка, мне тоже не нравится, что ты ездешь в институт, общаешься там с Тимуром, он звонит тебе на сотовый.

– В чем ты хочешь меня обвинить?

– Да ни в чем я тебя не обвиняю. – начал горячиться Лёпс, – пойми, что ты теперь замужняя женщина и вести себя должна соответственно.

– Может, мне с завтрашнего дня паранджу начать носить? – язвительно спросила Леночка.

– Что ты, что ты, – быстро замахал перед собой руками Лёпс, – ты и без паранджи у меня красавица. Я же человек – современный, что люди обо мне подумают, когда тебя в парандже в университете увидят. Не любишь ты меня, раз такое предлагаешь.

Леночка молча прошла на кухню, Лёпс метнулся следом.

– Вот, хозяйюшка моя, сразу видно, о муже заботишься, ужин ему приготовила. Давай мы с тобой из одной тарелки поедим. Ну, поцелуй ты меня, скажи, что простила, – и Лёпс высоко приподняв над полом Леночку, покружил ее на вытянутых руках. – Прости меня, Леночка, я иногда раздражаюсь, но я же мужчина, а ты из меня какого-то подкаблучника сделать хочешь.

– Ты это о чем сейчас, Лёпс, говоришь. Я твою логику весь вечер понять не могу.

– Все правильно, и не должна. У мужчин – своя логика, а женщин – своя. Знаешь, анекдот такой есть: лежит на столе тоненькая книжонка, а на ней надпись «Мужская логика», а рядом другая книжка лежит: толстая – претолстая, с надписью «Женская логика. Двадцатый том». И вообще, будь женщина логична, разве удалось бы ей свести мужчину с ума?

После ужина, поглаживая Леночку по округлившемуся животу, Лёпс вдруг сказал:

– Так что же Тимуру у нас понадобилось вечером, в мое отсутствие? Зачем он тебе звонил?

– Лёпс, спроси про это у него.

– Спрашивал, только он сказал, что меня это не касается. Как будто я не муж тебе, – оскорбительно-обвинительным тоном вдруг произнёс Лёпс.

– Всё, Лёпс, я сплю.

– Ну что ты, Леночка, ведешь себя так, как будто я и вправду не муж тебе... Разве я тебе мешаю? – не отставал Лёпс.

– Давай сейчас в кино на ночной сеанс сходим! – неожиданно предложила Леночка.

– Нет, солнышко мое, тебе отдыхать нужно, спать ложиться пораньше, ты о ребеночке своем думать должна. Я ведь постоянно о тебе и ребенке беспокоюсь, а ты меня виноватишь в этом.

– Ты забываешь про нас, все вечера я одна дома сижу, мне скучно и страшно иногда бывает.

– Ну, теперь мне все понятно, Тимур скуку твою разогнать хотел, – вдруг вспыхнул Лёпс.

– Ну, почему ты, Лёпсик, всему придаешь только тебе видимое значение, какой-то свой смысл вкладываешь. Надо проще быть, – нежно погладила его по груди Леночка.

– Да уж, куда проще. Жена с другим за моей спиной изменяет. А я тут рядышком с ней лежу. Нет, чтобы сразу в бочку с цементом и на дно Белой.

– Ну, и шуточки у тебя, Лёпс.

– Ну-ну, шуточки. Узнаю, что изменяешь – убью без суда и следствия.

– Смешной ты, Лёпс. Ты уже придумал имя нашему ребенку?

– Это будет девочка, сестра предложила её Надеждой назвать.

– А если будет мальчик?

– У нас будет первой девочка. Я так решил. И маменька так по твоему животу определила, он у тебя круглый, был бы острым – был бы мальчик. И не надо спорить со мной, я – мужчина, а ты – моя женщина, поэтому меня слушаться должна.

Внезапно зазвонил сотовый. Лёпс вышел на кухню. Звонил Виталик.

– Как дела?

– Наши, в одиннадцать, в «Полигоне» встречаются. Новую «стрелялку» замутить решили. Приедешь?

– Святое дело, с парнями пообщаться и себя показать...

– Ну, так до встречи. Я умываю лапки.

– Ладно.

Возвращая сотовый в карман куртки, Лёпс спросил у Леночки:

– Чем теперь займемся?

– Я хочу спать. Я очень устала.

– Ну, тогда я пойду, с парнями пообщаюсь, пива попью. А ты спи спокойно, не беспокойся за меня, – натягивая джинсы, сказал Лёпс.

Пораженная услышанным, Леночка присела на диване:

– Лёпс, уже поздно...

– Ты слишком эгоистичная, думаешь только о себе. Тебе кажется, что любовь – это всё. Давай не будем мучить друг друга беспочвенными обвинениями. Я все равно пойду.

Леночка напряглась. Оказывается, это она мучила его, а не наоборот. Ей померещилось что-то чужое в его лице, что-то такое, на что раньше она не обращала внимания. Лёпс нежно обнял её за плечи, поцеловал:

– Не надо тебе нервничать, а то ребенок может родиться капризным. Я не привык дома сидеть вечерами. Если я буду дома сидеть, – то у нас денег не будет. У меня есть другие интересы. Я сейчас выстраиваю наше с тобой будущее, все делаю для семьи и ребенка. Не хочу, чтобы наша квартира года через три превратилась в террариум.

Леночка закрыла за Лёпсом дверь, легла в постель, ей хотелось спать, но сон не шел. Её смущало поведение Лёпса, его слова, сомнения в её любви. Она любила и любит только его, он был первым ее мужчиной, он – отец будущего ребенка. Она перебирала в памяти его слова. Леночка уверяла себя в том, что Лёпс очень заботливый и немного ревнивый только потому, что очень любит и беспокоится за неё.

Любовь слепа. В школе ежедневно старенькая учительница внушала, чтобы дети были благоразумны. Всегда старались понять другого, посмотреть на события с его точки зрения, понять его, осудить себя, подумать, что ты сделал не так, а не перекладывать ответственность за поступки на другого. Леночка была

прилежной ученицей и теперь искала причины недоразумений и разногласий с Лёпсом в себе.

Слезы покатались у нее по щекам, но не приносили никакого облегчения. Она чувствовала себя виноватой. Леночка любила Лёпса сверх всякой меры. Ей вдруг овладела печаль и тревога.

Толкнулся недовольно внутри неё малыш, и она стала прислушиваться к его шевелению и думать о ребёнке. Ей очень хотелось девочку. Она уже в мечтах видела свою малышку в длинном розовом воздушном платице из органзы, точно в таком же, как у принцессы в сказке о Щелкунчике, с огромным розовым бантом в белокурых волосах, в розовых атласных туфельках, расшитых стразами и бисером. Вот они с малышкой идут в театр оперы и балета. Вот поднимаются в ярком блеске хрустальных ламп по белой мраморной лестнице, покрытой красной ковровой дорожкой. Вот сидят на алых бархатных креслах с резными лакированными ручками. Вот приглушенно гаснет свет. Несмело взлетает дирижерская палочка, тихо льются чарующие звуки скрипки, поднимается занавес, неслышно, невесомо скользят, зачаровывают своим танцем балерины.

Улыбаясь своим мечтам, лежала Леночка в освещенной уличным фонарём комнате. Тихонько щёлкали, отсчитывая длинные минуты, круглые настенные часы.

Послышался шум машины. Леночка приподнялась и прислушалась. Хлопок подъездной двери, неторопливая поступь по лестнице. скрежет ключа в замочной скважине.

Тихонько вошел Лёпс, торопливо разделся и нырнул под одеяло.

– Всем спать, завтра рано вставать, – и мгновенно спокойно и мирно уснул, вытянувшись во весь рост рядом с Леночкой.

Леночка прислушалась к его ровному дыханию. Ей показалось, что от Лёпса пахнет сигаретным дымом и пивом. Она натянула на себя до самого подбородка одеяло, стала дышать, подстраиваясь под дыхание Лёпса, чтобы успокоиться. Но чем дольше она это делала, тем тяжелее становилось у нее на душе.

Глаза слипались, голова наливалась свинцом. Леночка хотела спать, но сон не шел.

«Что это со мной? – испуганно подумала она. – С чего это я так разнервничалась, распереживалась? С чего я взяла, что он меня не любит? Почему решила, что рядом со мной чужой человек? Как это вообще могло прийти мне в голову?»

Её пробирала нервная дрожь, и она стала беззвучно плакать. Наконец, последние силы оставили ее, и она провалилась в сон. Это был короткий, беспокойный сон, но все же Леночка почувствовала себя утром лучше. До родов оставалось два месяца.

3

У Леночки после очередного позднего визита Лёпса домой резко повысилось давление, из носа потекла кровь. Вызванные за полночь врачи скорой помощи рисковать здоровьем ни матери, ни ребенка не стали и увезли Леночку в больницу.

Реакцию на спазмолитик в приемном покое проверить не посчитали нужным, и у Леночки начался анафилактический шок. Лёпс тут же позвонил Леночкиной бабушке, перепуганная бабушка обзвонила

всех знакомых, врачи приняли должные меры, и к утру Леночке полегчало.

Она лежала в палате на два человека и радовалась тому, что про нее все забыли. Врачи беспокоили ее только на утреннем обходе, медсестры не звали ни на какие процедуры, только сделали за трое суток в больнице УЗИ и сказали, что с ребенком все нормально. У Леночки сбились все внутренние часы. Она третью ночь не смыкала глаз, больше, конечно, от страха, как бы чего не случилось в отсутствии врачей. Зато днем отсыпалась.

Есть ей совсем расхотелось после того, как Лёпс принёс ей слипшиеся в один бесформенный кусок, густо политые томатно-майонезным соусом, пельмени.

Изредка она пила сок и кефир, в охотку жевала, несмотря на запрещения врачей, приносимые бабушкой и Лёпсом в огромных количествах, мандарины.

– Лежи и не двигайся, – ежедневно наказывала ей по телефону свекровь. – Я вот Лёпса почти десять месяцев вынашивала, потому-то он у меня такой высокий и талантливый родился. Поняла? И по телевизору всякие ужасы не смотри, страхов и волнений и так тебе в роддоме предостаточно. Спи побольше. Старайся, чтоб настроение у тебя хорошим было, тогда и рожать будет не больно.

...Вторую неделю со дня на день Леночка ждала рождения ребенка, а сегодня с утра у нее нещадно заломило поясницу. Боль накаtywала, как волна, зарождаясь в середине спины, и опоясывая все тело ниже поясницы. Схватки становились все чаще и чаще. Ребенок резко, настойчиво давал знать, что он желает появиться на свет. Напряженно вслушиваясь и включаясь в каждое движение торопящейся жизни, и, старательно выполняя все дыхательные упражнения,

которым ее обучили в женской консультации, Леночка позвонила Лёпсу:

– Я, кажется, рожаю, – и этот момент она почувствовала, как у нее отошли воды.

– Не вздумай рожать без меня!

– Ты соображаешь что говоришь, будто это от меня зависит, – стиснув зубы, и стараясь не стонать, возмутилась Леночка.

– Все от тебя зависит, если ты хочешь, чтобы я на родах присутствовал, то ты все сможешь. Дождись меня, я сейчас в ста километрах от города.

– Что ты там делаешь?

– Маменьку по ее просьбе проводывать ездил, да из-за снегопада задержался до утра.

Лёпс не помнил, как он доехал до больницы, как натянул на себя белый халат, как медсестра провела его в родовую. Словно в тумане он увидел осунувшееся, но красивое лицо Леночки с прилипшей к потному лбу прядкой... Серо-голубые огромные в темных полукружьях глаза смотрели на него пристально. Леночка, сияясь улыбнуться, что-то вымученно говорила ему.

Но Лёпс не слышал слов, он только видел её прыгающие запёкшиеся губы и узкую полоску зубов. Вдруг лицо Леночки страшно исказилось, и она закричала громко, пронзительно.

Лёпс почувствовал, как холодная струйка пота скользнула у него между лопаток, ему захотелось заткнуть уши, чтобы не слышать этот животный, душераздирающий крик, захотелось плюнуть на все приличия и убежать подальше от Леночки, от роддома.

Но представив лицо Виталика, сидящего в «буханке», он решился стойко перенести то, что ему предстоит. Стараясь не думать о том, что будет дальше

и чем это кончится, Лёпс приготовился успокаивать и поддерживать Леночку. Он хотел подойти и коснуться ее руки, но увидев голубоватую полупрозрачную головку ребенка, показавшуюся из родовых путей, вдруг попятился. И внезапно почувствовав спиной холодную стенку, стал проваливаться в какой-то мягкий невесомый туман. Врач что-то говорил, обращаясь к нему, потом к медсестре. Но уши Лёпса словно заложило ватой, в глазах потемнело, и ускользящее сознание успело донести до Лёпса «девочка» и медсестру, наклоняющуюся над ним. И тут же все завертелось, закружилось и исчезло, растворяясь в темноте.

Он побоялся ещё раз зайти в родовую, спросил у медсестры, как долго там пробудет Леночка и поспешил на улицу.

– Прикинь, Виталик, я теперь папа. У меня дочка родилась.

– Так, поехали, вспрыснем с парнями, обмоем твое отцовство.

Лёпс торопливо позвонил маменьке, Лике, тестю, поздравил с внучкой и племянницей, а затем весь вечер принимал поздравления парней в «Полигоне». На следующий день, с утра пораньше, он прибежал в палату к Леночке. Леночка боязливymi и нежными движениями стала разворачивать то, что теперь было его дочерью. Лёпс с любопытством следил за ее манипуляциями. Затаив дыхание, он пригнулся и поцеловал Леночку в макушку. Что-то красное, копошащееся, покряхтывающее лежало на пеленке. Он смотрел на это крошечное, жалкое существо с тщедушными ножками и ручками и не чувствовал к нему ничего, кроме безразличности.

Наклонившись над пеленальным столиком, Леночка прошептала:

– Смотри, какая прелесть. А кулачки-то, кулачки, посмотри, как сжала.

Лёпс нагнулся, чтобы посмотреть какого цвета глаза у малышки, заметил огромный пупок с каким-то металлическим колечком.

– А это что ещё за фокусы?

– Это? – Леночка осторожно обвела пупок малышки указательным пальчиком. – Это пупок, Лёпс.

– А я думал, его ниткой перевязывают. Ручки-то тоненькие. Страшненькая. Фу, гадость! И в кого, такая?

– Вся в тебя Лёпс. Видишь волосики тёмненькие и глазёнки карие.

– Мутные какие-то. Слепая что ли, как котёнок, она.

– Что ты на девочку наговариваешь? Красивенькая она у нас, видишь пальчики крохотные, ноготочки аккуратные, розовенькие. Лежит и маме с папой уже улыбается. Умничка, дочка.

Леночка осторожно и в тоже время уверенно стала заворачивать ребёнка в пелёнку. Девочка разевала рот и недовольно побряхтывала. Жалость и страх накатили на Лёпса:

– Ты смотри поаккуратнее, а то еще сломаешь ей ручки-ножки или уронишь.

Леночка подняла ребенка на руки, протянула Лёпсу:

– Держи, папаша!

Автоматически Лёпс взял невесомый белый сверток и замер в нерешительности. Леночка села на край кровати:

– Неси сюда, я кормить ее буду. Надюшку нашу.

На негнущихся ногах, с вытянутыми вперед руками Лёпс сделал три шага и снова замер. Леночка улыбалась.

– Ну, Лёпс, смелее.

– Смелее, смелее, – передразнил её Лёпс, – это же ребенок, а не кукла. Что дальше-то?

Он заискивающе посмотрел на Леночку. Леночка встала и взяла ребёнка себе на руки. Дочка завозилась, закричала.

– Сейчас, сейчас, маленькая, – приговаривала нежно Леночка. – Сейчас мамочка тебя кормить будет.

Дочка разевала рот и кричала всё громче и громче. Леночка дала ей грудь. Девочка жадно пискнула, неловко, неумело заводила губками, словно карась, выброшенный на берег. Моментально нашла сосок, жадно его схватила и сразу же деловито и быстро зачмокала.

В это самый момент в палату вошла бабушка. Поздоровавшись, Лёпс поспешил убежать домой. А там уже из деревни приехала маменька. В приливе материнской нежности растроганно обняла Лёпса:

– Наконец-то, ты стал взрослым, теперь у тебя дочка есть. Наконец-то, мы с папенькой и от тебя внуков дождались. Пойдем за стол, папаша, а то последний раз, наверное, в Малиновке ел.

4

Противно тренькнул звонок. Стараясь не разбудить маменьку, Лёпс поспешил к двери.

– Привет, я – Ника. А ты почему не во фраке?

Вглядевшись пристально в ее глаза, Лёпс вдруг увидел то, что всегда мучительно искал в окружающих его людях. Словно где-то внутри Ники горело яркое

пламя и через эти затаенные огоньки в глазах, через эти маленькие солнышки вокруг зрачка теперь оно брызгало из ее глаз. Её глаза смеялись, искрились веселыми задорными огоньками, мгновенно меняли свое выражение.

Лёпс вспыхнул... Он стоял перед ней в футболке и плавках.

– Да вроде бы еще не вечер, – стараясь скрыть досаду, весело отпарировал и потянул футболку вниз.

– Пустишь? – Ника кивнула в сторону прихожки.

– Ну, конечно. Куда теперь деваться?

Она прошла в комнату, а Лёпсу пришлось заносить туда чемоданы. Пока Ника скидывала с себя куртку и разматывала шарф, с улыбкой поглядывая на вопиющий беспорядок в квартире, он поспешил одеться и смог, наконец, ее рассмотреть внимательно. Пикантная, сухощавая, среднего роста. Простой вязанный свитер и темно-синие джинсы. подчеркивали её хорошо сложенную фигурку. Правда, грудь Лёпсу показалась плоской. И, тем не менее, она ему очень нравилась. В ней было одновременно что-то и от Дины, и от Ежевики, от Анны, Марины, Леночки, и в тоже время присущее только ей.

Из ванной комнаты вышла маменька, подчеркнуто вежливо поздоровалась с Никой. Втроем посидели полчаса на кухне, попили чаю, поговорили о погоде, о дороге. Лёпс убежал в институт. Ядвига гордилась своим именем, оно казалось ей похожим на какую-то ягоду, особенную, сладкую, чем-то похожую на малину или ежевику, редкую, встречающуюся в садах только у истинных садоводов, способных окружить растение должным уходом. Чуть недоглядел, как ягода стала ядовитой.

Среднего роста, не худощавая и не полная, с неяркими, какими-то блеклыми чертами лица, Ядвига свое имя считала талисманом, ведь оно, как лакмусовая бумажка, показывало ей отношение людей к ней. С одними, которые смягчали первую букву, имя сразу давало ощущение власти, возможность укорить в несовершенстве, незнании грамматики, к другим, четко эту букву произносящую, побуждало относиться насторожено, ожидая агрессии и подвоха. Имя ее еще никогда не подводило. Но Ника его произносила точно также и с точно такой же интонацией, с какой его произносила обычно Ядвига. И теперь маменька просто источала елей, была такой доброжелательной, милой и предусмотрительной...

Ника торопливо распаковала вещи, выложила обычный дальневосточный подарочный набор: икра, тёша, рыба соленая, рыба копченая, выставила две бутылки дальневосточной водки.

— В этом доме никто не пьет, — глаза Ядвиги мгновенно выцвели, она как-то натянуто и сухо, и в тоже время отстраненно, взглянула на Нику. — Лёпс у нас к пьянству не приучен, никогда не пил и пить не любит.

— А ему в этом доме никто наливать не собирается, — отпарировала Ника, — это мне надо. Я этим лечусь, после того, как масла нерафинированного тридцать миллилитров добавлю.

Маменька хотела что-то сказать, но осеклась, увидев сухой пронзительный взгляд Ники.

Ника не стала задерживаться. Она поинтересовалась, в какой больнице лежит Леночка, и, бросив вещи, уехала к бабушке.

На следующий день, в черном драповом полупальто посерьезневший Лёпс держал в своих руках маленький розовый сверток. Возле входа в роддом их уже поджидали батя и Ника. Вспышки фотоаппарата, какие-то совсем ненужные Лёпсу слова. Переполненный странными чувствами, Лёпс, покачиваясь на ходу, нес малышку к машине. Леночка с Никой шли рядом, о чем-то тихо переговаривались. Скрипел под ногами снег, ласково пригревало солнышко, трепал волосы легкий ветерок. Возле машины Лёпс зачем-то отдал ребенка Нике.

Ника улыбнулась, взяв малышку на руки. Лёпс сел на переднее сиденье. Его колени высились вровень с рулем, выгнутые дугой руки с поднятыми вверх локтями неуклюже держали руль за верхний край. Ника тихо прыснула в ладонь. Леночка перехватила ее взгляд и тоже улыбнулась. Лёпс покраснел.

Приехали домой. В квартире было тихо, уютно. На голом столе хозяйственно, аккуратно расставлены тарелки, блюдца. На газовой конфорке бурлил, благоухал ароматами наваристый мясной бульон. Ядвига Николаевна держала в руках большую тарелку с салатом из свежих овощей, густо сдобренным зеленью:

— Ну, садитесь быстрее за стол, пока все горячее, а я ляльку нашу разверну и в кроватку положу.

— Не вашу, а нашу, — с усмешкой поглядывая на маменьку, сказал Лёпс. — Леночка сама развернет и уложит, а ты столом занимайся, а то придется бате голодным до Малиновки четыре часа на «буханке» пикивать.

Раздосадованная такими словами, маменька молча кивнула головой и поспешила скрыться на кухне.

Батя уничижительно посмотрел на Лёпса, желваки дернулись на щеках, обратившись к Нике, он вдруг не то спросил, не то приказал:

– Ну, рассказывайте, как живете, что имеете?

– Живем скромно, – Ника прямо посмотрела в мутноватые, голубые глаза Петровича. – За границу пока не ездим, отдых на даче с тяпкой проводим или на песчаных островах, в заповедных местах. Но в целом судьбой довольны: квартира, машина, дача, дети, собака породистая есть.

– Это всё хорошо, очень даже хорошо. Надеюсь, что Лёпсу с Леночкой поможете за ребенком ухаживать. А то их самих еще воспитывать и воспитывать. Люди мы с женой не слишком ученые. Почитай, в деревне родились, на Севере работали, и в деревне, похоже, свой век куковать будем до смерти, – Петрович широко зевнул, неловко прикрывая рот кулаком, и проникновенно добавил. – Я всегда мечтал о том, чтобы сын скорее вырос и стал самостоятельным, чтобы он понял, наконец, что родители всегда желали ему блага, что можно все проблемы решить, если внимательно нас слушать. Ведь мы долгую жизнь на Севере прожили, много видели, есть, что с чем сравнивать. Мы с Ядвигой много времени провели, рассуждая о том, какими должны быть наши дети. Верно я, мать, говорю?

– Верно, верно, – выходя из кухни, заторопилась с ответом Ядвига, одновременно протирая бумажным полотенцем ложки и поглядывая Нике в глаза. – Я всегда хотела, чтобы дети в нас друзей своих видели. Мы ведь с Родионом плохого сыну и дочери не желаем, всегда подскажем, всегда деньгами поможем. Лёпс, конечно, взбаламошен немножко, сегодня – одно, завтра – другое. Но в целом, мальчик хороший,

фантазирует только иной раз много. Детство еще в нем плещется. Но ничего еще надо годок-другой нам всем потерпеть, институт закончит – сразу поумнеет.

Вскоре все сидели за столом, Ядвига назойливо предлагала попробовать ее стряпню:

– Вы кушайте, кушайте. Я своих мужиков люблю и травить своей стряпней не собираюсь, поэтому у меня в холодильнике всегда полуфабрикаты. Мужикам ведь никак без мяса нельзя, это еще с первобытного строя повелось.

– Верно, жена, говоришь, – подхватил разговор Петрович, поглядывая на Нику. – Как мужики мясо любили, так и осталось. У меня любимое блюдо – шашлык, и у Ядвиги тоже. Только вот у Лёпса, вроде как язва. После школы открываться стала. Ему бульончики да супчики всевозможные надо варить.

– Против природы не попрешь, настоящий мужик на салатиках, да на кашах долго не протянет, – заметила Ядвига.

– Ничего подобного, – возразил Лёпс. – Андрей у Лики ни мясо, ни рыбу, ни яйца не ест.

– А про Андрея и речи-то не было, – зазвенел голос Ядвиги. – Видимое ли это дело, чтоб мужик в интернате воспитателем работал?

Торопливо перекусив, Леночка с Лёпсом ушли в комнату к ребенку.

Леночка кормила грудью Надюшку, а Лёпсик взволнованно мерил шагами комнату и настороженно прислушивался к разговору на кухне за прикрытой дверью.

– Вахтовики – ведь тоже разные бывают, – басовито гудел отец. – В основном ведь на Север за длинным рублем люди едут. Кому сезона хватает, а кто лет на 20 подпишется. Но свои ряды мы сами раньше

чистили, ведь месяц на вахте отработать надо. Жить-то все равно в одной куче. Вот старшего выбираем, он за порядками следит. И не дай Бог, гнида какая-нибудь среди вахтовиков заведется – всю заездку испортит. Начнутся подлости, разборки, до мордобоя дело может прийти, вот права сразу и ограничиваем у новичков. Приглядываемся: то с одним в смену пустим, то с другим. Если что не так – на вид сразу ставим, разъясняем, что неправ. Зачем нам лишние сложности? А законы простые там: зла друг на друга не копить, словесной грязью друг друга не поливать, говорить все в глаза и хорошее, и плохое. Так и живем: двигаемся, работаем и говорим. Будешь молчать – тоска сгрызет.

– А у нас жизнь в бешеном темпе, люди, как муравьи снуют. Летом, потому что жара и духота. Выскочишь на улицу и короткими перебежками от дома до работы, от работы до магазина, от магазина до дома и под душ. Тело так и просится на ветерок или в тенок. Ночи липкие, душные. Зимой опять перебежками двигаешься, остановишься – ветром снесет. И все это при высокой влажности. Наши хабаровские минус двадцать, это все равно, что минус сорок в средней полосе России.

– Зато реки, леса у вас такие богатые! Все в них есть: и лососевые, и белорыбца, и соболя, и тигры, и сохатина, и изюбятину. Женьшень, говорят, тоже растет. Лимонник. Лотосы. Вот где раздолье. Бери – не хочу!

– Человек не только брать, но и давать что-то взамен должен. Беречь и приумножать природные богатства, чтобы детям досталось.

– Мне от предков только обычаи и образ жизни достались, – вступила в разговор Ядвига Николаевна. – Я вот мемуары отца уже три года разбираю. Как на

пенсию вышла, так и задалась целью понять, чем он жил, о чем думал. Так вот, он пишет, что «Лотос – наше семейное растение. Все его любили и любят». И я его очень люблю. Помню, молодой была, заплыву в заросли, и охапками рву. Такой он красивый. А потом венки себе на голову плету из него.

– И не жалко было? – спросила Ника.

– А чего его жалеть-то? – недоумевающе посмотрела на Нику Ядвига. – Его на озерах столько раньше было. Не я, так другие сорвут. А я в лotosовом венке красивее всех по молодости была. Правда, вял он быстро. Чернел прямо на глазах.

– А у нас озера реликтовыми считаются, – с расстановкой произнесла Ника, – если лотос в них растет. Я только одно такое в окрестностях Хабаровска знаю. Обычно, в период цветения, к его берегам настоящее паломничество хабаровчане устраивают. Только в прошлом году засуха была сильная, оно и высохло. Лotosы не цвели. У меня целая стопка фотографий есть. Я все жалею, что не смогла на видеокамеру заснять это чудо.

Ника вытащила из бумажника несколько ярких снимков, протянула Ядвиге.

– У нас не такие, у нас белые и желтые, и вроде поменьше, – внимательно рассмотрев их через неторопливо надетые очки фотографии, сказала Ядвига.

– Так это не лотос, – улыбнувшись, заметила Ника. – Это кувшинки. У нас тоже в озерах часто встречаются: и крупные и мелкие, и желтые, и белые, и розоватые, и даже сиреневые. А лотос он только розовый, и размером в дождливые годы с Надюшкину голову. Вот видите плод его, он размером с яйцо. Он на ощупь очень интересный, какой-то влажно-маслянистый. И запах мне его очень нравится.

– Сейчас на рынке чай зеленый с лепестками лотоса продают, согласна, что цветок запашистый, – пряча очки в красивый футляр, непривычно тихо произнесла Ядвига.

Ника в упор посмотрела на неё, словно что-то оценивала взглядом, и так же тихо ответила:

– У каждого свое восприятие, мне он показался тонким и неуловимым, нежным каким-то. Я даже одно время духи пыталась найти с его запахом, но так и не нашла.

– Да парфюмеры скоро всё изобретут, они такие специалисты, – повышая голос, сказала Ядвига.

Ника печально улыбнулась:

– Поживем – увидим. Пока не все запахи можно сохранить в духах и туалетной воде.

На дворе быстро сгущались поздние весенние сумерки. Маменька с батей заторопились в деревню. Маменька уже в прихожей наказывала Нике своевременно вызывать мастера по газовым колонкам и слесарей, чтобы трубы не забивались.

В дверях Ядвига торопливо обняла сына, многозначительно посмотрела на Нику:

– Лёпсик у нас парень высокий. Таким в армии двойная пайка положена, будьте добры, в его рацион ежедневно килограмм мяса ввести.

И не дожидаясь Никиного ответа, тут же прижалась к Лёпсовой щеке своей теплой, морщинистой, загрубелой от весенних ветров, щекой:

– Ну, прощай, сынок. Нику слушайся и за все благодари. От благодарности язык не сотрётся. Благодарность недорого стоит, но всем приятна.

При этих словах она снова выразительно посмотрела на Нику. Логика простая и временем выверенная. Ника улыбнулась глазами, она все слышала

и насквозь видела детские уловки старой преподавательницы.

Глава 6

1

Надюшке исполнилось две недели.

Выкупав ребенка, Ника уехала к бабушке. Леночка чувствовала себя неважно. Ее с утра лихорадило, бросало то в жар, то в холод, сильно болела голова, опухла и болела грудь, она весь день проспала, но самочувствие не улучшилось. Поужинав и оставив грязную посуду на столе, Лёпс стал собираться в клуб.

– Лёпс, пожалуйста, побудь сегодня вечером со мной, не ходи куда, – Леночка умоляюще смотрела на него.

– Меня уже парни ждут, – недовольно буркнул Лёпс, натягивая тёплый свитер.

– Неужели тебе друзья дороже меня и дочки? А вдруг мне помощь твоя понадобится? Вдруг Надюшка проснется. Что-то она весь день сегодня капризничала, наверное, животик у нее болит. Мама весь день на руках её проносила.

– Нечего ребенка баловать, покричит в кроватке, и сам успокоится, а вам бы с Никой только уши свои беречь. Пусть орет – легкие развивает.

– Ну, что ты такое, Лёпсик говоришь, она же еще такая маленькая, такая хорошенькая. Оставайся с нами, я прижмусь к тебе и спать буду.

– Ты вроде не медведь, а в спячке уже третий месяц проводишь: до родов в восемь вечера уже спать ложилась. В роддоме, как не придешь – всё спишь, дома третьи сутки дрыхнешь. А обо мне ты подумала?

– Лепс, меня сегодня весь день лихорадило.

– Ну, что ты на жалость мою давишь? Мы с тобой не раз уже это обговаривали. Запомни: я вечерами дома не сижу!

– Но меня сейчас тоже лихорадит.

Скрипнув зубами, Лёпс встал с кресла, достал из аптечки электронный градусник, подал Леночке. Вскоре градусник запищал. Не дав Леночке шевельнуться, Лёпс буквально выхватил его у нее из подмышечной впадины. Тридцать восемь и семь. Дернув недовольно уголком рта, прилег рядом с Леночкой на одеяло, обнял ее и стал соображать, что можно сделать в этом случае:

– Температура есть, но небольшая. Мне обязательно надо идти. Меня ждут и с Иваном встреча назначена на одиннадцать.

– Не пойму я, какая работа может быть в такой поздний час.

– Если деньги хорошие, то любая. Ты у меня глупенькая еще, – он поцеловал ее в нос, – не понимаешь, как деньги тяжело зарабатывать.

– Я знаю только одно, что ты в «Волшебном шаре» оставляешь треть наших доходов.

– Но две трети я приношу домой. Давай ты не будешь упрекать меня деньгами. Я сейчас завожу нужные знакомства. Простраиваю наше с тобой будущее. И сейчас мне надо идти. Меня ждут. Ты не волнуйся. Я Нике позвоню. Объясню ей ситуацию.

Ника только вылезла из ванны, как раздался звонок Лепса:

– Чем ты сейчас занимаешься?

– Голову пыталась высушить феном, а ты помешал.

– Давай суши быстрее и на такси к нам. У Леночки температура под сорок, а я не знаю, что с ней и ребенком делать.

– А врача вызвать не пробовал?

– Давай, быстрее приезжай и разбирайся с Леночкой в ваших бабьих проблемах. Хоть сама, хоть с врачом. А мне некогда, мне на работу надо, – Лёпс отключил сотовый. Поцеловав свернувшуюся под одеялом Леночку, он поспешил на такси в «Волшебный шар». Через пятнадцать минут начинался футбольный чемпионат. А его Лёпс пропускать был не намерен, тем более на таком шикарном экране. Клубились на улице серые тучи. Ветер трепал нежную занавесь измороси, она с каждым его порывом становилась все серее и толще, и, наконец, сплошной серой пеленой затянуло всю окрестность.

Было около двух часов ночи, когда Лёпс вышел из «Волшебного шара». На стоянке была пара-тройка машин с желтыми шашечками. Бойкий, кряжистый, в меру упитанный, лысоватый с пронизательными умными глазами водитель показался знакомым Лёпсу. Лёпс неторопливо сел в машину, назвав адрес, блаженно потянулся в теплом салоне автомобиля и стал размышлять о прошедшем вечере, перебирать в памяти события, лица, припоминать в подробностях разговоры. Кое-что показалось ему сегодня интересным, а что-то озлобило.

Скверная погода. Скверный вечер. Раздражало присутствие Тимуря и Ван Гога, который непременно хотел именно сегодня закадрить остроглазую, круглозадую официантку Ольгу. И пыжился, и крутился, и намекал, плотоядно поглядывая в вырез её форменного сарафанчика. Ван Гог добился своего, правда, три месяца брал Ольгу приступом. И что в нем

девки находят? Ведь каждое слово с раскрытым ртом слушают!

А этот завистливый Тимурый? Все простить не может, что я на Леночке женился. Мелкая душонка, что и говорить. Все вспоминает, как они с ней в театры ходили, да как Леночка его перед экзаменами по всем темам гоняла, говорит, что если ночью его разбудить, так он эти темы, как таблицу умножения расскажет. К экзаменам они готовились. Ну-ну... А сам-то с ней крутил из-за бабушки, надеялся на халяву все зачеты и экзамены сдать. Ишь, поведение мое его возмущает. Понять он, видите ли, не может, почему я в «Волшебном шаре» околачиваюсь, с парнями в баре сижу, пиво сосу и на девчат заглядываюсь. Тупорылый. А чем еще заниматься, я же полноценный мужчина.

А Оля-то, голь перекатная, маманька официанткой пристроила, чтоб младшеньких ей поднять помогла да замуж по расчету вышла. Бар-то спортивный, мальчики молоденькие да богатенькие ходят, может и клюнет кто. Шельма еще та. Девочка не промах. Небось, уже решила, что Ван Гог влюбился в нее, такую красавицу, до беспамятства, а тому только одно и надо: телефончик в заветный списочек занести да потом в свое расписание секс-занятий вставлять.

Лёпс широко и с наслаждением зевнул. И подумал о том, что он таких Олечек столько на втором курсе перевидал. Сначала всё к нему подкатывала, про кольцо обручальное спрашивала.

— Для понту носите или как?

Думал, отстанет, если отвечу «или как».

Так уточнять стала:

— Что ж с женой сюда не приходите?

— Да жена у меня скромная, на чужих мужчин не заглядывается и в и их личную жизнь не встречается.

– Вообще-то, такая жена не стенка –
пододвинуть можно.

– Боюсь, что на моей кровати ты не
поместишься. Толстая сильно, иди, работай, а то
клиенты за соседним столиком заждались.

Вот она перед Ван Гогом и выкорёживалась
сегодня.

И он выругался вслух:

– Дрянь какая!

Водитель удивленно посмотрел в зеркало,
встретился с Лёпсом глазами и протянул:

– Да, погодка ещё та.

– Как там, Ахмат Рашидович?

– Откуда вы нашего нового хозяина знаете?

– Вообще-то, он и мой хозяин. Я почти
полмесяца в его рекламной службе работаю, за сайт в
инете отвечаю.

– То-то я смотрю лицо ваше знакомо... Да
скотина, Рашидыч, в кабалу загнать хочет. Увольняться
надо. Заказов мало, в основном от прикола работаешь, а
он требует, чтоб семьдесят пять процентов прибыли в
кассу сдавали, типа зарплату нам платить будет, а
остальное на бензин и запчасти тратить разрешается.
Пока зарплату дождешься – ноги протянешь. Вот сам
посуди: машина эта моя, старенькая, сыпется вся,
иногда у Иваныча запчасти беру, сам ремонтирую,
ишачу через сутки.

– А это что за мужик этот Иваныч ?

– Весьма любопытный человек. Таксисты его
уважают... Он – мужик правильный, из бывших
военных... Говорят, в Афгане был, в Чечне воевал. Всю
его роту под Грозным боевики покروшили. А
командиру, как свинье, голову отрезали, в таз всего
искрошили и в дивизию передали. Озверел он тогда

сильно, никого в плен больше не брал, тут же стрелял всех. Да и сейчас звереет он, когда про Чечню при нем вспоминают и с пол-оборота заводится, когда про первого нашего президента слышит. Опять же, сын у него – чуток помладше тебя будет. Но оболтус еще тот. Иваныч его от армии отмазал, белый билет ему через умных людей сделал, пытался в институт пристроить, но что-то не срослось. Вот Игорек тут таксистом и простроился. На днях такое тут отмочил: пришел, стал баксы у Иваныча просить. Говорит, вечером – баксы, утром – университетский диплом. Типа, всё чинчинарем, люди солидные, комар носа не подточит, а уж отдел кадров тем более. Иваныч и дал ему в ухо за это. Жить-то надо правильно. Сам рассуди, пошто диплом-то нужен, если ты работы не знаешь. Ведь не зря в институтах целых пять лет учат.

Лёпс по-кошачьи потянулся, разгоняя онемение в плечах, самодовольно улыбнулся, и тихо сказал:

– Верно, батя, говоришь. Только без бумажки ты – букашка, а с бумажкой человек...

– Ну, это ты зря. Я сам-то никаких университетов не кончал, а в люди выбился, главным механиком на заводе работал. Это сейчас таксистом подрабатываю к пенсии.

– Точно, батя, точно, богата русская земля самоучками, – подковырнул Лёпс. – Только время сейчас другое. И человек состоит из двух моментов: из души и документов.

– Время, ты, паря, точно заметил, мутное сейчас, страшное. Прошло, когда за заслуги и достоинства в начальство выдвигали. Теперь молодым либо по головам лезть надо, либо, чтобы кто-то из значимых хлопотал, просил, чтоб назначили...

Теснота, крик ребенка, завешенная пеленками и ползунками кухня, присутствие Ники в квартире, невозможность включить на полную мощность магнитофон – все это сильно раздражало Лёпса. «Пусть лучше мои вещи сушатся на веревках», – подумал Лёпс и стал вечером кидать в стирку, не только нижнее белье и носки, но и надетые утром джинсы и рубашку со свитером.

Лёпс за два месяца привык к Нике, убедился в том, что она покладистая и работающая, стал покрикивать, как на прислугу, возмущался по утрам тем, что его обувь никто за ночь не удосужился почистить. Ника временами слабо огрызалась, временами за словом в карман не лезла, разговаривала, не повышая тона, как с равным. Он давил на ее совесть, на свою занятость, усталость. Иногда, раздражаясь по непонятной для него причине, высмеивал ее макияж, прическу, манеру одеваться в футболки и джинсы в квартире, пытался учить жить правильно.

– Почему ты не носишь халат в квартире? – допытывался он.

– Просто я в джинсах себя уютнее чувствую, так фигуру легче поддерживать.

– Разве твоей балетной диеты и подсчета калорий недостаточно? – с наглым бесстыдством рассматривая ее фигуру, спросил Лёпс.

– Увы, переехав к вам, я чувствую, что пухну, как на дрожжах. Видно, спать больше надо!

– А кто с Надюшкой по ночам прыгать будет. Мне и Леночке с утра в институт надо, вечерами я работаю, а ты спи днем, пока Надюшка спит.

– Если я днём буду спать, то вам придется самим обед и ужин варить, стирать и гладить, уборкой заниматься.

– А нам с Леночкой некогда, сама видишь, в каких условиях учиться приходится.

– Знаю, сама студенткой была.

Иногда всё, что ни делала она, Лёпс спешил охаять, но делал это с видом искреннего желания, научить заведенному когда-то в родительском доме порядку. Зайдя на кухню после того, как она закончила там мыть полы, он начал недовольно бурчать:

– Это что такое, почему полы мокрые?

– Ты чем-то недоволен? – как всегда спокойно спросила она, садясь на стул возле широкого окна. – Не нравится, как я убираю, убери сам. Имеешь полное право, квартира твоя.

– Мне не нравится, что ты их перед моим приходом вымыла, у меня теперь носки сыроватые.

– Дорогой, это твои проблемы, я тебя предупредила, мог бы и тапочки надеть.

– Можно подумать, что они у меня есть? Сходила бы давно на рынок и мне купила.

Она рассмеялась ему в лицо:

– А почему ты считаешь, что имеешь право чего-то от меня требовать или мне приказывать? Я такой же человек, как и ты.

– Ты – не человек. Ты – женщина, и обязана мужчину слушать. Мужчины всегда умнее и сильнее женщин.

– Ууу, милый, тебе лечиться надо. Или ты в партию фаллократов вступил, и там новый семейный кодекс пишите? – с издевкой произнесла она.

– Дура ты, и ничего в жизни не понимаешь. Женщина без мужчины ничто, вот как ты сейчас.

Глаза Ники сузились, но голоса она не повысила:

– А может быть, это ты без женщины – самое обыкновенное ничтожество и «чмо», которое не в состоянии себе даже стакан кофе приготовить или ботинки вычистить? Все так и норовишь на чужом горбу в рай въехать?

Не выдержав, он вспылил и в очередной раз нагрубил ей, сказал, что она слишком много себе позволяет, потом добавил:

– Я уже привык к тому, что ты мне только жизнь портишь, пользы от тебя никакой.

– И чем же я тебе жизнь испортила?

– Приехала, черт знает, откуда, всю мою жизнь нарушила, никакого покоя, никакого понимания к моим проблемам.

– Интересно, интересно. Ты женился, ребенка завел. Ребенком заниматься тебе некогда, ты у нас человек занятой, типа, учишься и работаешь, Надюшкой занимаюсь я. Тебя по утрам бужу, массаж, кофе в постель. Я тебе и нянька, и массажистка, и домохозяйка. Ты вспомнить не пробовал, когда последний раз за продуктами на рынок ходил?

– А ты для этого и приехала, чтоб Леночке помочь.

– Так что же я тебе тогда испортила? Ты как баклуши до женитьбы бил, так и сейчас бьешь. Это скорее ты мне испортил. У меня все было. И квартира, и собака, и очень близкие люди. И вообще, я скоро домой поеду.

– С чего бы это? – он выразительно посмотрел на Нику, как бы требуя объяснения.

– С ничего. Просто мне всё надоело, и я хочу уехать.

К удивлению Ники он принял это известие без радости. Наоборот, Лёпс почувствовал, как в нём заклокотало неприятное чувство досады.

– Кому ты там нужна? Ты...ты...ты – эгоистка. Только о себе и думаешь. А ты подумала о Леночке, о Надюшке, обо мне. Надюшке два месяца только. В чем причина-то?

– Недобросовестно вести неопределённое существование и быть в тягость.

– От тебя, Ника, только одна выгода, – повернул разговор на сто восемьдесят градусов назад Лёпс. – А маменьке еще какая! Разницы нет, что тебя содержать, что няньку нанимать. По деньгам, так с тобой сплошная выгода, ты раз в пять дешевле обходишься.

– Все-то оно, Лёпсик, так, да только рассказ я в детстве читала «Кое-что задаром» называется, и тебе не мешало бы его прочитать. Домой мне надо.

– Кому ты там нужна?

– Да многим, но себе в первую очередь. Интересно, а ты себе нужен? Ведешь себя иногда, как последний самодур, от которого не знаешь чего ожидать. За хорошее можешь наказать, а за плохое наградить. Кем себя ты возомнил, что решаешься мне указывать? Почему ты про разницу в возрасте между мной и собой все время забываешь?

Лёпс вдруг почувствовал себя, как в детстве, беспомощным, как будто почва выскользнула у него из под ног. Ему захотелось избавиться от этого ощущения, и он стал кричать, унижать, критиковать Нику.

Разгорелась ссора. И из-за чего: пустяка, пары слов, ничего незначущей в понимании Лёпса фразы.

Все, что в его жизни ему казалось правильным, хорошим, теперь вдруг переставало быть таким. Ника

портила ему все его настроение, своими словами вносила разлад в его спокойную размеренную жизнь. Злость, раздражение колыхались в нем, как лимонное желе, случайно выпавшее из вазочки на пол. Боже, что за человек, как можно так нагло и бесцеремонно вторгаться в его личную жизнь, давать ему какие-то указания, делать замечания и воспитывать его, как будто ему не хватает маменькиного воспитания. Его злила ее бесстыжая в своей вседозволенности самоуверенность, а за словами чудилось какое-то изощренное чувство ее самодовольства и презрения к нему.

Взбешённый ее учительским тоном, Лёпс выскочил из квартиры, широко распахнув дверь на лестничную клетку.

Он быстро спустился по лестнице, сопровождая свои шаги нецензурными словами.

Ника аккуратно закрыла входную дверь, машинально протерла пыль на столе и включила компьютер. Пальцы легко скользили по клавишам, выбирая знакомую классическую мелодию.

Печально и скорбно зазвучали скрипки, высоко взлетели голоса гобоев и флейт. Ритмы бешеного лихорадочного бега обрушились на Нику, кончики ее пальцев на руках и на ногах похолодели. Она удобно устроилась в кресле. Музыка звала, музыка уносила, музыка освобождала. Ника отдалась вся в ее власть. Звуки разрастались, ускорялись, кто-то кого-то преследовал, кто-то кого-то хотел догнать и уничтожить. И вдруг все замерло на мгновение. И следом тихо зазвучала легкая светлая музыка, постепенно стали примешиваться тревожные смятенные аккорды. Судорожно затрепетали скрипки. И вот уже тихая скорбь нарушила протяжную мелодию. Минута,

другая и снова ворвались в тихую музыку горячие, беснующиеся ритмы. Волнение охватывало все существо Ники. Печальная скорбь струнной музыки перерастала в грозные всплески ярости и угасала в жалобных отмирающих столах и ниспадающих вздохах. Певучая и вместе с тем трагическая мелодия волновала, будила воображение. Мрачные, зловещие и одновременно торжественные аккорды рожковой музыки сменились чарующей песней кларнетов и гобоев, нежно запели скрипки и виолончели. Музыка страдала и плакала, а вместе с ней страдала и плакала Ника.

Нежно, легко запели флейты. Хрупкая, невесомая мелодия разлилась по комнате. Ника закрыла глаза и облегченно вздохнула. И тут же отчаянно застонали скрипки. Затрепетала музыка, стала гневной, бешеной, порывистой. Остро, неровно забилося сердце Ники в одном ритме с музыкой, перехватило дыхание. Лихорадочный ритм сменился всплесками ярости. Все дрожало, трепетало вместе с Никой. Скрипки издавали исступленные, трагические вопли. Отчаянно стонали виолончели. Слезы катились по щекам Ники, на лбу выступили холодные капельки пота. И вдруг бешеный, гневный вихрь перерос в торжественное ликование. Гремели все инструменты.

Лёпс выскочил из такси. Его обдало дождевой пылью. Плотные черные тучи торопливо бежали на юг. Вскоре дождь превратился в ливень. Лёпс успел спрятаться в маленьком кафе на набережной. Думать о том, что происходит с ним, ему совершенно не хотелось. Чего добивается Ника своим поведением? Зачем? Казалось правильным напиться, но сначала надо позвонить маменьке. Искусно соединяя свои жалобы на тяжелую жизнь с гневной руганью в адрес Ники, он в

течение десяти минут выбеливал свое поведение в глазах бати и маменьки. Маменька обещала принять меры. Всю округу закрыло дымным пологом дождя. В кафе было уютно и тепло, Лёпс медленно потягивал абсент и поглядывал в окно. Ливень закончился. Лёпс, застегнул пальто и вышел на улицу, неторопливо пошёл по набережной к остановке.

Река взбурлилась, помутнела, сердито и яростно закипала возле парапета, ударялась о бетонные плиты. Брызги взмывали высоко вверх, неслись мелкой пылью через парапет и обдавали холодной изморосью. Изредка одинокие льдины стремительно проносились на пенных, бурых гребнях, крутились на волнах с корнями вывернутые из земли деревья. Эта по-осеннему промозглая, весенняя погода и бурлящая речная стихия, как нельзя лучше соответствовала его настроению. Он все еще был так зол, что с удовольствием бы подставил себя под эти брызги. Впрочем, кто мешает ему это сейчас сделать? Лёпс встал на парапет набережной и, балансируя вытянутыми в стороны руками, осторожно пошел по скользкому парапету. Нервное напряжение спадало. Небо опять потемнело, последние отблески заката играли оранжевыми переливами в стеклах близлежащих домов. Дрожали мерцающими полосками, отражающиеся в воде зажженные в окнах домов, огоньки.

Маменька позвонила Нике на сотовый, поздоровавшись, стала сразу разговаривать по существу:

– Вы не обижайтесь, но мой материнский долг предупредить, сказать, что Лёпс у нас очень мнительный, ему учительница в первом классе чувство неполноценности чуть не привила. Мы, конечно, с ней разобрались, ей пришлось из нашей школы уйти. Но

Лёпсик у с тех пор лишнего слова не скажи, от всякого слова обидеться может. Все на свой счет принимает. Душа у него добрая, ранимая. Я это точно знаю. Его беречь надо, а не раздражать. А Вы, Ника, вечно шпильки в разговор вставляете, на мужское самолюбие давите. Я бы на Вашем месте поговорила с ним, объяснила, он у нас логические выводы хорошо понимает. И прошу Вас, будьте помягче с Лёпсом, он ещё совсем ребенок, даром, что двухметровый. Вы же не переделаете его, мне это так и не удалось. Надо беречь его мужское самолюбие.

Ника не успела рта открыть, как маменька отключила связь. Попытки Ники перезвонить не увенчались успехом.

3

Как будто падающие осенние листья, скользили воспоминания Лёпса. Медленно, легко, неузнаваемо, но в тоже время ясно и четко проступали события прожитых дней.

Ника всегда улыбалась, когда открывала ему дверь в обеденный перерыв с Надюшкой на руках, сначала Лёпса сильно раздражало то, что провожая его и Леночку в институт, она протягивала им Надюшку и, ласково пропевая слова, говорила:

— А папа с мамой в университет пошли, они сейчас с Надюшкой прощаться будут, поцелуют маленькую девочку, и будет девочка с Никой дома порядок наводить, обед варить, гулять, музыку слушать. Ника будет песенки Надюшке петь. А Надюшка будет расти здоровой, крепкой, умной девочкой. Потом мама с папой придут и еще раз Ньюку поцелуют, на ручки возьмут.

Лёпс возмущался, говорил:

– Зачем это все надо? Вот научится в шахматы играть, тогда я и буду с ней общаться и прощаться. Разве сейчас она что-то понимает, пусть лежит себе в колыбельке, нечего ее взад-перед из комнаты в прихожку таскать. Ещё простудишь ребенка.

Приезжая на обед, Лёпс минут пять стоял возле двери, внимательно прислушивался к звукам, доносившимся из квартиры. Детский плач раздавался, но очень редко. Он врывается в квартиру, обычно Ника в этот момент меняла пеленки или ползунки Надюшке. Подходил к ребенку и говорил, искоса поглядывая на Нику:

– Что доченька, Ника опять тебе больно делает, пока папы рядом нет? Вот я ей сейчас за это дызь-дысь сделаю.

Ника смотрела на него удивленными расширившимися глазами, потом многозначительно крутила у виска:

– Если тебя так воспитывали, то это – твои проблемы. Я детей люблю и садистскими наклонностями не страдаю. Иди лучше руки помой, и мы с Надюшкой тоже будем обедать.

Она наклонялась над ребенком и говорила малышке:

– Ника у тебя, Надюшка, хорошая, она никогда тебе больно не сделает. Папа иногда не думает, что гадости говорит, но он учится быть хорошим папой.

– Зачем ты все это делаешь? Выслуживаешься передо мной что ли? Или перед папенькой с маменькой выпендриваешься – посмотрите, какая я – хорошая? Так они все равно этого не видят, а я рассказывать им про тебя не собираюсь. Лучше песенку старухи Шапокляк выучи, может, поумнеешь, хотя вряд ли.

И нагло глядя ей в лицо, он развязно запел:

– Кто людям помогает,
тот тратит время зря,
хорошими делами
прославиться нельзя!
Ха-ха!

– Дурак ты, Лёпс, и не лечишься, если до сих пор элементарного не понял. Все, что люди делают – они делают прежде всего для себя. Я занимаюсь домашними делами, стиркой, глажкой, готовкой не потому, что это вам надо, а потому, что мне надо чем-то заняться, пока спит Надюшка. Или пока она развлекает себя игрушками.

– Ты для того сюда и приехала, чтоб Надюшка сама себя в кровати не развлекала, а то ты полы моешь, а она либо игрушки себе в рот засовывает, либо бренчит ими.

Ника улыбнулась:

– Ребенок к самостоятельности привыкает.

– Совсем что ли обалдела, – возмутился от ее неприкрытой наглости Лёпс, – какая самостоятельность, если ей всего два месяца? Соска должна быть во рту, а не игрушка.

– Лёпс, она учится тому, что не всегда взрослые могут быть с ней, кое-что она должна уметь делать сама, а игрушки все чистые, я их ежедневно все кипячу. Я же смотрю за ней, разговариваю, объясняю, что за игрушка, какого цвета, как звучит, что ей делать можно.

– Как будто она что-то понимает. А картинки зачем по кровати развесила? Оно Надюшке надо? – вскипел он.

– Так сам подумай, или ей просто лежать и в белый потолок пялиться, или глазки радовать чем-то ярким, непонятным.

Лёпс покрутил пальцем у виска:

– У тебя в голове, как у моего дружка Тимура. Видно, вы одного с ним поля ягода.

– Так познакомил бы уже с ним.

– За него боюсь, еще совратишь девственника.

Лёпс ехал в «Газельке» и думал о том, что присутствие Ники в квартире его вполне устраивает: чистота, уют, порядок, обед, ужин, чистая одежда, массаж, прогулки, дочь ухожена, жена довольна, он спокойно без ее истерик может по вечерам ездить с парнями в клуб.

Главное, платить ни за что не надо. Ника – альтруистка, все из любви к ближнему делает. Он вдруг поймал себя на мысли, что Ника ему интересна, хотя наивна и легкомысленна. Ему захотелось ее приручить, как маменьку, как папеньку, сестру, как Леночку.

Правда, иногда независимость Ники выводила его из себя. Она не спрашивала его, что надо делать по дому, не советовалась по поводу покупки продуктов, стирки, уборки, но вечно приставала с вопросами о том, что бы он хотел поесть на обед и ужин. Лёпс раздраженно отвечал: «Откуда я знаю, что мне хочется, лишь бы есть было можно». Она умудрялась приготовить и первое, и второе, настряпать блинчиков, пирожков, приготовить салатики и какие-то уопомрачительные котлетки с грибами, сыром, яблоками или ветчиной.

В «Газельку» заскочили две девушки, сели напротив Лёпса и сразу же защебетали, засмеялись, заговорили между собой, но так, чтобы Лёпс слышал

их. Он безразличным взглядом скользнул по ним, и снова погрузился в свои раздумья.

Ника обожала всевозможные флакончики с духами, пеной, гелями, кремами, шампунями, маслами, жидкими мылами. Она всегда священнодействовала в ванной.

— Чем ты там занимаешься? — спросил как-то он ее, не понимая чем в ванной можно заниматься целый час, а то и больше.

— Я там расслабляюсь! — потягиваясь, как кошка, ответила она, выходя из ванной.

— Мастурбируешь что ли? — не унимался Лёпс.

— А ты что, по себе судишь? Озабоченный ты наш! — иронизировала она. — Я, Лёпсик, просто моюсь! Понятно?

— Не понимаю, как можно мыться целый час? — продолжал допытываться Лёпс.

— Рассказываю: включаешь теплую воду, смешиваешь морскую соль с толокном и молочком для тела, и медленно начинаешь массировать этой смесью ноги, живот, грудь, руки, шею. Потом смываешь все под душем, наливаешь воду в ванну, добавляешь чуть-чуть соды, разводишь сандаловое масло и мед в молоке, выливаешь в ванную. Водичка течет, а ты ставишь на край ванны шампунь, бальзам или маску для волос, маску для лица. Ложишься и начинаешь балдеть. Сначала моешь голову, потом маску делаешь для волос, лежишь, наслаждаешься водичкой, запахами, смываешь под душем, теперь на волосы полотенце, а на лицо маску, опять лежишь-балдеешь, смываешь под душем, крем наносишь, воду в ванной меняешь, занимаешься ногтями, обстригаешь, подпиливаешь, затем гелем для душа моешься, ополаскиваешься, крем на тело наносишь. Одеваешься и выходишь. Ясно?

– Что ты – извращенка, ясно. Я-то наивно предполагал, что ты книжки там читаешь.

– А ты сам попробуй, может, тоже таким извращенцем станешь. Вдруг понравится.

– Вот еще. Налей лучше мне кофе. а то Леночка с Надюшкой спит, а я хочу на компьютере поиграть, делать-то все равно нечего, – позёывая, говорил Лёпс.

– Мог бы помочь мне пеленки погладить. Я бы хоть часок лишний поспала.

– Ну, вот еще в доме – две бабы, а я гладить буду, – фыркал недовольно он.

Лёпс улыбнулся своим мыслям, надо добиться, чтобы она не уезжала, осталась еще хотя бы на год, она может себе это позволить. И он может. Все равно у нее творческий отпуск. А он пока подумает, что из нее слепить можно. С таким характером, зачем она в обществе нужна? Скандалов, как маменька, Ника не закатывает, перевоспитывать его, как Лика и папенька, не пытается, по соседям не бегает, о своем житье- бытие никому не рассказывает. Да и кто ей поверит в чужом городе.

Размышляя о дальнейшей жизни, он чуть не проехал свою остановку. Тихонько вставив ключ в замочную скважину, Лёпс осторожно повернул его.

Надюшка спала. Леночка ещё была в институте. Ника сидела в кресле. Его поразило ее холодное, уверенное, сосредоточенное лицо и какая-то пронзительная отрешенность взгляда. Лёпс постучал ее по плечу.

Все еще находясь во власти своих чувств, она молча протянула ему наушники. Музыка ворвалась в Лёпса, казалось, что она заполнила сразу все закоулки его души, завибрировала в нем. Лёпса охватила дрожь, ощущение чего-то мистического, мрачного, могучего,

страдальческого и в то же время трагически прекрасного. Он увидел ее глаза, ощутил ее понимающий, словно видящий насквозь взгляд. Внезапно вздрогнул, словно застигнутый врасплох. Снимая наушники, как можно более равнодушно сказал:

– Подумаешь, – и вдруг почувствовал, что рту стало сухо.

Он, судорожно сглотнув, тихо произнес:

– Что за вещь?

– Старый дедушка Бах. «Страсти по Матфею». Понравилось?

Лепс, пытаясь скрыть эмоции, скривил лицо:

– Ты кормить меня сегодня будешь или мне лучше в кафешку сходить?

Ника без разговора вышла на кухню. Изменить его характер Ника была не в силах, а перевоспитывать Лёпса в столь взрослом возрасте она не считала нужным. За три месяца, проведенных с Лёпсом под одной крышей, Ника приобрела защитную реакцию: Лёпс – простой, а она еще проще, поэтому принимает его таким, какой он есть, лишний раз не прекословит, занимается Надюшкой, а по дому делает только то, что идет на пользу всем его обитателям. А как еще поступать, если не можешь справиться с обстоятельствами? Пусть все идет своим чередом, время рассудит, кто прав, кто виноват.

Накрыла стол, позвала Лепса, по привычке села рядом.

– Что сидим? – прожевав кусочек хлеба, спросил Лёпс.

– Да бабушка приговаривать любила, что в одиночку только злыдни едят. Даже если есть не хочешь, составь компанию, посиди рядом. Еда уважения требует.

– Хорошо, – буркнул Лёпс, – сиди.

Ника молчит, ей нравится, как ест Лёпс. С удовольствием, тщательно пережевывая, не торопясь.

– Вкусно? – заметив его довольную реакцию на борщ, вдруг спросила она.

Он что-то невразумительно пробормотал в ответ.

– Лёпс, ну ты же воспитанный человек, возьми, скажи бы хотя бы спасибо или похвали за то, что вкусно приготовили.

Громко звякнув ложкой о тарелку, Лёпс недовольно заметил:

– Ну, вот еще. Это твоя прямая обязанность.

Ника удивленно посмотрела на него:

– Я не поняла. Ты, что выводов никаких за сегодня не сделал?

– При чем тут мои выводы? – вспылил Лёпс. – Ты на себя посмотри. Ну, почему ты такая? Почему ты неправильно живешь?

Улыбнувшись, Ника облокотилась о стол, подперла ладонями подбородок и озорно спросила его:

– А правильно жить, это как?

– Как, как? – загорячился Лёпс, чувствуя, как у него начинают подрагивать пальцы.

Он оставил ложку в тарелке, оперся спиной о стену. Нахмурившись и пряча глаза от Ники, быстро сказал ей:

– Женщина сама думать не может. У неё для этого мужчина есть. Он думает. Вот я тебе всё даю. Ты в квартире моей живешь, в кресле моем спишь.

И тут же в упор посмотрел на нее.

– Угу, – согласно кивнула головой Ника, и тут же насмешливо произнесла: – Еще и дочь твою

воспитываю, и твои потребности в еде и чистой одежде удовлетворяю. Кто же из нас лучше устроился?

– Ты хоть раз можешь выслушать меня до конца? – он наклонился к ней, пристально посмотрел ей в глаза и проникновенно добавил:

– Я мужчина, я за тебя в ответе. Женщина без мужика, как ноль без палочки.

– Ноль без палочки, – улыбаясь, Ника спокойно выдержала его взгляд. – Это что же получается?

Она подняла глаза к потолку, и продолжила ученическим тоном:

– При умножении на ноль всегда будет ноль. А еще на ноль делить нельзя.

Неожиданно выбила резкую дробь пальцами по столу. И серьезными тоном с посерьезневшими глазами, сказала, глядя на Лёпса:

– Так что ноль, Лепс, – замечательная цифра в арифметике. Очень-очень значимая. А насчет мужчины. Так у меня муж есть. А ты – всего лишь зять.

Сосчитав до двадцати, Лепс тихо произнёс:

– Я ведь не нарочно, не специально. Я признаю, что я утром погорячился. Ты ведь, тоже погорячилась и наговорила мне всяких гадостей. И не только утром, но и сейчас. Тут что, Ника, получается, живем под одной крышей, в одной квартире, как в тюрьме под контролем. Ты старше, умнее, рассудительнее, и то ведь не смогла сдержаться. А про меня и речи нет: я молодой, горячий, вспыльчивый, всегда со спорами лезу.

Обида послышалась в голосе Лепса, он исподлобья посмотрел на Нику:

– Тебе надо хоть какое-то уважение иметь к моим потребностям. Я не оскорблял тебя, ты свой смысл вложила в мои слова.

Ника невозмутимо продолжила:

– Спорить Лёпс можно, а вот говорить гадости, мерзости про жену и ее родню нельзя. «Грех обижать любящих тебя», Бог накажет. Я на тебя не сержусь, потому что, это проблема твоего воспитания, а не моего. Прошу только об одном, меня не трогай. Тебе это выйдет боком.

– Ты мне угрожаешь? – улыбнулся он.

– Что ты! – улыбаясь в ответ, твердо заметила Ника. – Просто предупреждаю: меня не тронь. Ты надо мной не властен. Я сама по себе. И у меня внутри своя правда.

– Да ради Бога. Живи своей жизнью.

Лёпс снова улыбнулся и вышел из кухни. Он сумел ее успокоить, сумел с ней помириться. Это оказалось гораздо проще, чем он себе предполагал. После беседы с Никой он был уверен, что все образуется. Ника не посмеет пожаловаться маменьке и останется с ними. Ему хотелось чувствовать свое превосходство над Никой. Пока она раздражала его своим ослиным упрямством, нежеланием признавать, его, Лёпса, авторитет, пока часто вместо признательности своих заслуг, он натывался на ее колкости и насмешки. Ему хотелось малого: всего-то сделать ее подавленной и беспомощной, удобной для него, чтоб она не трепыхалась, не дергалась, оставила все как есть, все на своих местах: он и Леночка, Ника и Надюшка. Главное, добиться, чтобы она перестала быть самой собой, начала контролировать свои поступки, потеряла внутреннее равновесие, была в полном замешательстве.

Жизнь продолжалась, шла своим чередом. Ника жила ожиданиями, раз в неделю звонила в город своей юности, расспрашивала о своих домочадцах и собаке, разговаривала с детьми, друзьями, узнавала, как дела, в

свободное время писала стихи о разлуке, любви, завела в интернете страничку о воспитании малышей и регулярно пополняла ее рекомендациями для молодых мамаш.

4

Наступил май.

Лепс изменился, набрал за три месяца двадцать килограммов. Походка стала уверенней, голос тверже и сам он, казалось, излучал спокойствие. Исчезла резкость движений, угловатость лица. Он уже не вскидывал резко голову, а медленно приподнимал. Во взгляде сквозило пренебрежение.

Он показался себе в зеркало совершенно незнакомым и чужим. В струящейся шоколадной с коричневыми разводами креповой рубашке, в черных льняных брюках, Лёпс выглядел сошедшим с глянцевої обложки модного журнала. Завершали образ массивная печатка и обручальное кольцо. Постоял еще какое-то время перед зеркалом, покрутил головой вправо-влево, поменял несколько раз выражение лица, зачем-то, подражая Нике, похлопал себя по подбородку внешней стороной ладони. Он пригладил правой рукой волосы, зачесав их наверх и, подчеркнув свой высокий лоб, сбрызнул лаком. Тщательно смахнул силиконовой губкой с новых ботинок несуществующие пылинки, отполировал их до зеркального блеска. Широко улыбнулся себе в зеркало и размашистым шагом, с видом человека, знающего себе цену, вышел из квартиры.

Проспект прятался в бело-сиреновой дымке цветущих яблонь и сирени. Опасная и приятная пора для мужчин и юношей. Спешили по улицам

постройневшие, в тонких свитерках коротких юбках, обтягивающих фигурки брюках женщины и девушки. Обещающе-обнадеживающе – обманчиво смотрели на Лёпса, осознавая свою силу и силу мужских гормонов.

Леночка и Ника, вволю нагулявшись с Ньюкой в сквере, вышли на бульвар. Возле подземного перехода рядом с Лёпсом стоял вразвалку с расправленными плечами парень. Высокий, слегка сутуловатый, крепко сложенный. Качок, одним словом. Он окидывал то Леночку, то Нику нагловатым взглядом. Нике не нравились такие типы.

– Я сегодня впервые понял значение взгляда «раздевающий». Представляете, на меня, смотрели девушки и раздевали меня глазами, – сказал Лёпс, обнимая Леночку.

– Ну, и как ты себя чувствовал? – улыбнувшись глазами, спросила его Ника.

– Мне это понравилось, – прямолинейно ответил Лёпс. Леночка хлопнула его пониже спины.

– Ну, теперь осталось стриптиз на улице показать, может, тоже понравится, – открыто улыбаясь, сказала Ника.

– Одурела что ли? – разозлился Лёпс.

А Ника беспечно заметила:

– Ну, не надо меня благодарить за комплимент, я и так знаю, что это мне к лицу. Я тогда так обворожительно выгляжу рядом с тобой, таким умным и рассудительным.

Набычившись, Лёпс подхватил Леночку за локоть и быстрым шагом рванул в переход. Тимур ловко перехватил у Ники коляску с Ньюкой и, улыбнувшись, заметил:

– Ловко вы Лёпса отбрили. Он обычно такой...

Не дав ему закончить, Ника ответила вежливой улыбкой.

– В целом, он – такой же, как все, ни умом, ни глупостью не блещет. Но иногда так меня достанет, что мне хочется просто поиграть у него на нервах.

Она наклонилась над коляской и взяла ребенка на руки. Тимур удивленно посмотрел на Нику. Она по-своему истолковала его взгляд и тут же торопливо заметила:

– Нет, Тимур, не специально, не в отместку, а так, чтобы он понял, что мы с ним в одинаковой позиции, в одинаковом, равном положении. Не будет здесь ни проигравших, не победителей. А то он так своим мужским положением кичится.

Тимур раскатисто рассмеялся.

– Это мне смешинка в рот попала, теперь по любому пустяку ржать буду. Давно не видел, чтобы Лёпс в бешенство впадал. Обычно ему все с рук сходило, он ведь парень гарный, своего добиться может. Настойте не мытьем, так катаньем на своём.

– Тебя так веселят чужие проблемы? – настороженно спросила Ника.

– Да нет, – Тимур осторожно спускал коляску по ступенькам. – Меня просто веселит его реакция на эту проблему. Рад буду помочь, если что – ему по морде настучать могу.

– А я сейчас рада любой компании. А то все мое общение в последнее время Лёпс, Леночка и Надюшка. Только по воскресеньям к свекрови вырваться удается, иногда – в театр.

– Тогда я – самая подходящая компания. Общительный, незлобивый. С соседями живу дружно, по вечерам им громкой музыкой не мешаю, спиртные напитки употребляю умеренно. В связях с женщинами

старше себя замечен не был. По паспорту – Тимур, для товарищей-приятелей – Там, сокращенно от Тамерлана.

– Прямо анкета, – стрельнув глазами в его сторону, насмешливо сказала Ника.

Она прошла вперед и солнечный луч, упавший сквозь резьбу листвы, вспыхнул медно-красным отблеском на ее темных волосах.

Существует биополе или нет, этого Тимур точно не знал, но сейчас он чувствовал, что между ним и Никой существует какое-то притяжение. Была у Тимура одна маленькая слабость. Он сам посмеивался над собой «Я, парни, как рыжую увижу, так дурею. Башню напрочь сносит. Особенно, если еще и глаза зеленые, все – мне кранты. Только истинно рыжих мало, в основном, крашенные. У рыжих, парни, – своя суть, ведьмовская, и – запах, никакие духи его не перебьют». Он еще раз оценивающе посмотрел на Нику. Чтобы ни говорил Лёпс, но выглядела она потрясающе хорошо.

5

Солнечные пылинки танцевали в комнате. Яблоня взметнула за окном извилистые ветки, сплошь покрытые бело-розовыми цветами. Днём, пока Надюшка спит, Ника обычно занимается домашними хлопотами, глажкой, уборкой или готовкой, ходит за продуктами или читает. Не новое, а так, что-нибудь привычное, обычно это карманная библия. Лёпсу не читается, пойти некуда, день на дворе, и телевизор не посмотришь. Надюшка спит, а Леночка формулы в тетради рассматривает. зубрилка, одним словом, пока не выучит – тетрадь не отложит. Интересно, а смог бы он быть таким же усидчивым, как Леночка? Наверное, смог бы. Лекции только писать надо да литературу

дополнительную читать. Только лень вперед Лёпса родилась. И зачем зря мозги напрягать, когда можно на лекциях ногами преподавательницы любоваться или у Эски в сотовом фото сексапильных девиц рассматривать. Лёпсу скучно. Наконец, не выдержав пытки бездеятельностью, он начал приставать к Нике.

— И что ты с таким умным видом читаешь? — Лёпс, присев на корточки пред креслом, пытливо заглянул ей в лицо.

— «Грехи одних людей очевидны сразу, а грехи некоторых очевидны со временем», — процитировала она и показала обложку.

Лёпсу почудилось, что ее взгляд не скользнул, а приковался на миг к его лицу. Ему вдруг показалось, что этот взгляд проник к нему в душу, туда на самое дно, куда он не допускал никого, даже самого себя... Противно закружилась голова.

Лёпс сел на диван. Он понимал, что там, глубоко-глубоко внутри души что-то есть. И это надо прятать, хорошо, основательно, в глубокий-глубокий, темный-претемный тайник, не показывать ни при каких обстоятельствах никому, даже самому себе. Он подозревал, что это что-то есть не только у него, но и у других. И его иногда мучило любопытство, что прячет там маменька или папенька. И что они чувствуют по отношению к своим тайникам. Не хотят это замечать или просто делают вид, что не замечают, или действительно не замечают?

«Грехи одних людей очевидны сразу, а грехи некоторых очевидны со временем», — отозвалось эхом у него в голове. Сердце его тревожно застучало, что-то неприятно шевельнулось в районе пупка. К такому общению и таким взглядам Лёпс не привык. Что, что она хотела этим сказать? На что она намекнула?

Его мысли перескакивали с одного на другое, Лёпс сжал зубы так, что проступили желваки на щеках. Что-то в этой фразе затронуло его, что-то зацепило, что-то вцепилось, закусало, загрызло внутри живота. Но что конкретно, он не знал. Почему его вдруг зацепило? Какое отношение вообще это имеет к нему? Это грызло и грызло изнутри. Предчувствие чего-то недоброго, непонятного, свербящего. Предчувствие страшного открытия. Ему даже показалось на мгновение, что ее взгляд высветил то, что он так старательно прятал от самого себя. Между мыслями у Лёпса возникала тонкая связь, она то и дело рвалась, но Лёпс хватался за обрывки этой связи и продолжал искать хоть какое-нибудь объяснение случившемуся. Он бросил взгляд на Нику.

Ника продолжала читать, как ни в чем не бывало, совсем обычную, в мягком черном переплете книгу. Лёпс, наконец, не выдержал и обратился к Леночке, кормившей грудью проснувшуюся Надюшку:

– Леночка, почему Ника так говорит? Что она имела в виду?

– Спроси у нее сам, – Леночка кормила грудью Надюшку, и больше ее ничто в этой комнате не занимало.

Лёпс встретился взглядом с Никой, она улыбалась уголками губ. Впервые он смутился, впервые он испугался за себя, за свою цельность, за свою самодостаточность... Он внезапно понял, что в этой фразе, так зацепило его. Она сказала «грехи». Вздор. Все это вздор. Откуда они могут быть у него? Ну, какие грехи могут быть у него? Был бы он грешен, у него не появилась бы дочка.

Ведь у прадеда с бабкой долго не было детей. Либо мертвые рождались, либо выкидывало их из бабки

на разных сроках беременности, либо в первые три месяца жизни от «родимчика» помирали. И только, когда к знахарке прадед сходил, она подсказала, какие обряды пройти надо и как девочек назвать, чтобы даже смерти их имена не понравились. И родились тогда с разницей в семь лет бабка Лёпса Варвара и ее сестра Матрена. Лёпс верил на самом деле в то, что бабка Варвара была всепрощением грехов его прадеда, намоленная, Богом ему данная...

– Все ты, Ника, выдумываешь! Сама посуди, как могут быть грехи очевидны, у кого-то сразу, а у кого-то со временем?

– Запросто. Если в семье из рода в род повторяется один и тот же сценарий, то речь идет о грехах, которые очень даже видны. Прадед нагрешил, а отдуваются до седьмого колена, потому как пошла генетическая запрограммированность. Чем бы ни был вызван грех, но от предков ты, Лепс, наследуешь набор представлений о том, что хорошо, и что плохо. Еще и принимаешь часто их представления за свои собственные. И отрабатываешь своей жизнью то, что они не проработали, на чем зациклились, на каких эмоциях зацепились.

– Это как?

– Если грехов и зла в роду много, то род вымрет, – Ника пристально смотрела на Лёпса. – Природа избавляется от тех, кто идет против ее законов. Если прабабка делала много аборт, то у женщины будет либо рак груди, либо матки. Ну, а если бабушка ведьмой была и порчу с проклятиями на людей наводила, то бесплодие потомкам обеспечила.

– Ага, так я тебе и поверил! Если бы так оно было, то человечество давно бы вымерло, потому как дальше первобытного строя со своими дедовскими

представлениями бы не ушло. И сидели бы мы, Ника, с тобой сейчас в пещере, возле костра.

В дверь настойчиво зазвонили. Из поликлиники пришел врач, долго и придирчиво рассматривал ребенка, потом выписал направление в неонатальный центр.

На следующее утро Леночка с Ньюкой легла в больницу, Ника навещала их два раза в день. Через неделю Ника, сказала Леночке:

– Я вчера в церкви была, исповедалась, причастилась, за Надюшку помолилась, вы без меня три дня как-нибудь проживите, я не смогу к вам приехать.

– Если дело в деньгах, возьми у Лёпса, – предложила ей Леночка.

– Я не хочу быть от него в зависимости, тем более, что деньги у меня есть. Скажем так, я должна расставить для себя некоторые точки над «и», и завтра у меня последний шанс это сделать.

– Ника, ты, почему говоришь загадками? Ты собралась уехать в Приамурье? Бросить нас сейчас, когда мы в больнице.

– Пока нет, но три дня меня с вами не будет, тем более Лёпса тоже не будет, он едет с Виталиком в Казань.

– А что с нами будет?

– Будете выздоравливать, в конце недели врачи пообещали вас выпустить.

После посещения Надюшки и Леночки, Ника сходила в медицинский центр. По пути она зашла в церковь и заказала молебен для себя и Надюшки, долго молилась перед образом «Державной».

Её реакция на капельницу была парадоксальная, она пять дней пролежала в лихорадке, ей не хотелось ни пить, ни есть. Ника спала, но во сне таяла, как свечка.

Лёпс приехал с недельной командировки и впервые сильно испугался, увидев Нику.

Мертвенно-бледное осунувшееся лицо казалось прозрачным, чернели глубокие тени вокруг блестящих лихорадочным огнем глаз, сухие потрескавшиеся губы отливали синевой. В ее глазах появилось что-то новое, сосредоточенное, словно устремленное то ли вглубь себя, то ли куда-то вдаль выражение, словно она пыталась разрешить какую-то загадку.

– Что с тобой? Может, врача вызвать? – скрывая дрожь в голосе, спросил он.

– Врач не поможет. Я сама справлюсь. Мне уже легче. – какой-то неровной походкой она добралась до кресла и уронила на него свое исхудавшее тело.

– Может, тебе чай принести? – трясущимися губами предложил Лёпс.

– Спасибо, ничего не надо. Только спать.

– А вдруг ты заразная, вдруг у тебя холера или чума?

– Расслабься, Лёпс. Это не заразное, это мое, к тебе не прилипнет, и к Надюшке с Леночкой тоже. Лучше поезжай к ним в больницу, – она посмотрела на часы, я пять дней у них не была. А я спать буду, меня до утра не трогай. И Леночке не говори.

Ника закрыла глаза и провалилась в небытие. Ближе к полуночи проснулась. Лёпса еще не было. Она сварила в микроволновке овсянку с тыквой и с наслаждением поела. Поглядела в окно, словно прислушиваясь к себе, чему-то улыбнулась. Потом залезла в ванну. В теплой пушистой пижаме забралась под плед, и всю ночь лежала неподвижно, с открытыми глазами. Густую тишину комнаты нарушало только ровное звонкое тиканье настенных часов. Временами её

охватывал сон, но он был поверхностным, дремлющим, со множеством образов и картин.

Наконец-то, она осмыслила то, что произошло с ней за последние три года, разобралась в своем положении, чтобы справиться с ним. Наконец-то, она пришла к согласию со своей судьбой и сделала правильный выбор. Жизнь не спектакль, в ней нет репетиций, нет черновиков, ее живешь один раз и начисто.

Нику теперь не интересовали прежде занимавшие все её время книги и вещи. Многое казалось ей ненужным, пустым. К чему это множество юбок, блузок, пиджаков и брюк в шкафу? К чему книги? К чему фильмы, работа? Все это было в прошлом. Даже семья и друзья, и она сама прежняя.

Сейчас, только она — настоящая, и ее настоящая жизнь имеют для нее ценность. Все огромное многообразие человеческой жизни было перед ней: опыт своих ошибок, опыт человеческих отношений, опыт прошлых веков.

Судьба не приходила откуда-то, она жила и росла в ней самой. И Ника начинала строить мир в себе: сознательно, скрупулезно, серьезно. Она была готова с достоинством и благодарностью принять все то, что ей преподносила жизнь: и радость успеха, и горе потерь, и болезни, и любовь, и разочарование, и одиночество, и стремление, и преодоление. Она была готова с достоинством и благодарностью принять все, кроме страдания, как естественного состояния.

Под утро забежал на полчаса Лёпс, внимательно посмотрел на нее, скорчившуюся в позе эмбриона, хотел что-то спросить. Ника отвернулась, он постоял рядом минут пять, погладил ее зачем-то по голове и убежал в больницу. Она снова провалилась в сон. За окном

осыпались с яблони многочисленные розово-белые лепестки, и удушающий запах цветущей сирени наполнял комнату, скользили по стенам невесомые солнечные лучи, мелькали за аквариумным стеклом подвижные рыбки. словно всё было прежним и в тоже время что-то незримо и неосвязаемо менялось в ощущениях и мировоззрениях Ники.

Ника проснулась и какое-то время внимательно прислушивалась к себе. Она не могла сначала понять, где находится и что с ней происходит.

Ей приснился сон. Снилось, что она спит, спит в какой-то старинной русской избе. Наступает полдень, она просыпается, одевается в красивые старинные одежды: рубашка с вышивкой, длинный сарафан, светло-коричневый полушубок, яркий цветастый полушалок, в длинной косе алая лента, на ногах – белые катанки. Уже во сне она начинает мучиться загадками, что-то здесь не так, такого с ней не может быть. Ее беспокоит ощущение какой-то зыбкой реальности, в голове возникает множество вопросов. Почему зима, если должна быть весна? Но снег под ногами рыхлый, неестественно белый, неестественно пышный скрипит, поскрипывает под катанками. Воздух пьянит свежим, арбузным, снежным запахом. То, проваливаясь в снег, то по протоптанной кем-то тропке идет Ника к какому-то, словно с лубочной картинки сошедшему, игрищу-гульбищу.

Разудалые молодцы, разнаряженные девицы, лихие тройки. Стройные ряды продавцов с блинами, пирогами, бубликами, баранками, расстегаями. Цыгане с медведем, плясуны с гармошкой, отполированный столб с сапогами на верхушке. Но Ника спешит к речке, что-то тянет ее к полынье, которую обступила кучка зевак. Заглядывает Ника в полынью через их плечи и

видит маленького беленького пушистого щенка, который беспомощно барахтается в ледяной воде. Только подплывет он к краю полыньи, только начнет лапы ставить на лед, как чья-нибудь нога, обутая то в черный сапог, то в валенок, то в узорчатый расшитый сапожок, спихивает его обратно в полынью. Барахтается щенок, смотрит жалобно на Нику, словно током электрическим пронзил ее этот взгляд. Как так можно лишать жизни беспомощное создание?

Сколько не толкала она людей вокруг проруби, сколько не кричала, никто не отзывался, никто не обращал на нее внимания. Всё с теми же равнодушными пустыми лицами, все по очереди продолжали топить щенка в проруби.

Наконец, Ника, упав на колени, протиснулась у кого-то под ногами, выхватила дрожащего щенка из ледяной воды, и получив пару хороших затрецин и несколько ударов по разным частям своего тела, выскользнула с щенком на руках из толпы. Завернув в полушалок, она сунула его к себе за пазуху, прижала к себе. Щенок постепенно согревался, прекращал дрожать, вскоре чуть-чуть повозившись, удобно устроился и заснул на ее груди. Ника принесла его домой, осторожно развернула, хотела погладить. Щенок настороженно смотрел на нее, Ника коснулась его лба. И в этот же момент со щенком произошла метаморфоза. Он превратился в огромную черную собаку и яростно вцепился в руку Ники, вырывая из нее куски мяса и обнажая белую кость. Ника закричала от ужаса, и в тот же миг собака обернулась Лёпсом, вокруг его рта была кровавая пена. Ника потеряла сознание и проснулась.

— Это сон, всего лишь сон, сон, — твердила она себе, сидя а кресле, ощущая неровные, тяжелые и

болезненные толчки под правой грудиной и резкую боль в руке...

Но почему он так был похож на явь? А может быть, это все-таки была явь. Или как теперь говорят, непроявленная реальность дала знать о том, что ее ждет в будущем. Может, понаблюдать за Лёпсом, приглядеться к нему? Она посмотрела на руку: пролежни возле локтя напоминали следы укуса.

«Жизнь хороша, и жить хорошо, и всё что не делается в жизни – всё только к лучшему», – подумала Ника и, решив не забивать себе голову снами, стала собираться в больницу к Леночке и Надюшке.

Глава 7

1

Приехал с Севера Петрович:

– Не скучаете?

– Да мне никогда скучно не бывает.

Петрович удивленно приподнял брови:

– Это почему же?

– Да думаю много.

– И о чем, если не секрет.

– Пытаюсь разобраться в себе.

– Об этом много думать не стоит. Лоб морщинами покроется, будешь, как старуха выглядеть. Вот Ядвига моя живет себе спокойно в деревне, ни о чем не думает, потому что у нее муж есть. И ему, то есть мне, приходится думать, как побольше денег заработать, и как работников нанять, чтобы все угодье наше распахали, картофелем да овощами засадили и летнюю пасеку сделали. А разбираться, Ника, с другими надо, а не с собой. Внутри у всех людей одинаково:

сердце, печень и кишки. А еще у некоторых глисты есть и болезни. С ними тоже разбираться надо.

Не дожидаясь ее ответа, он прошелся по комнате, озабоченно поглаживая затылок, сказал:

– Ты бы Лёпс оделся, сходили бы с тобой в магазин, подышали бы свежим воздухом, я бы коньячку себе купил. Завтра с утра в деревню поеду, тело отдыха после дороги просит.

На кухне было тепло и уютно. Вещи все на своих местах. На столе на тарелочках помидоры, фаршированные яйцами и сыром, копченая колбаса, сало с нежными, темными прожилками мяса. Ника деловито расставляла тарелки, доставала вилки и ложки, ходила от плиты к столу, выставляя на него дымящийся рис, мясо по-французски, горбушу на шпайке, попутно сервируя тонкими дольками лимона и свежего огурца. Петровичу нравилось за ней наблюдать. Ее вид действовал на него умиротворяюще. Он достал плоскую бутылку:

– Стопки-то в этом доме есть?

– Есть, – произнесла Ника, подавая стопку из тонкого стекла и присаживаясь напротив с пачкой бумажных салфеток.

– А себе стопку?

– Я не хочу и не буду. А Лёпс, вроде, у вас пить не приучен.

– Вот тебе раз, – удивился Петрович. – Это ж не портвейн какой-нибудь там, а коньячок, еще и пятизвездочный.

– Премного благодарю, просто не хочу.

– Ну, хозяин-барин, а я плесну себе коньячку, пока за стол все не сели. Что-то перелёт на меня плохо подействовал. Да и поездка эта тяжелая была.

– Что так? – участливо спросила Ника.

– Да место-то работы у меня тепленькое, насиженное. Вот начальнички-то и стараются выжить, чтобы детишек своих по блату выучившихся туда пристроить.

Петрович широко раскрыл рот, и, отставив локоть, одним махом вылил в себя полную стопку «Тайного советника». Маслянистая поволока появилась в его глазах:

– Получаю полтинник. Хорошо.

Петрович внимательно посмотрел на Нику, выражение ее лица не изменилось. Она скручивала бумажные салфетки в трубочку и вставляла их в высокий темно-синий стакан, посматривая при этом на Петровича. Он неторопливо поставил стопку на стол, подцепил вилкой кусочек лимона, пожевал и проникновенно продолжил:

– Да дали бы доработать до пенсии спокойно. А то всю заездку нервы мотали, вызывали, стращали, заявления просили по собственному желанию написать. Разве это справедливо? Эх, жалею сейчас, что не согласился на досрочную пенсию. Получил бы сразу в качестве откупных двадцать окладов, вложил бы в дело или квартиру еще одну однокомнатную купил.

– «Никогда ни о чем не жалеете вдогонку, если то, что случилось нельзя изменить, как записку из прошлого скомкав, с этим прошлым порвите непрочную нить», – процитировала Ника знакомого поэта.

– Хоть мысль и правильная, Ника, – дробя зубами кусочек сырокопченой колбасы, заметил Петрович, – но стихами сыт не будешь. Иди, зови молодежь к столу, а то ужин стынет.

И он шумно потянул носом. Восхитительный аромат вкусной еды наполнял кухню, вызывая аппетит. Через минуту все чинно сидели за столом. Блюда

быстро исчезали с тарелок. Тихонько заплакала Надюшка, и Леночка убежала к ней. Лёпс, насытившись, лениво ковырялся вилкой в тарелке. А Петрович непринужденно и неторопливо продолжал беседу, заполняя паузы глотками коньяка.

– Север-то сейчас не тот, что тридцать лет назад был, когда я впервые туда приехал. Теперь там все условия цивилизации, плюс оленина, осетрина, нельма, муксун. Дичи по весне не меряно, и ягоды с грибами хватает. Только не ленись. Одно плохо, как завьюжит зимой, хоть самому волком вой. Время еле-еле тянется, от безделья так расслабит иной раз, что даже убирать в квартире не хочется. Потому что все уже много раз переделано, все книги уже перечитаны, обо всем триста раз переговорено. Телевизор одну программу ловит и то с перебоями, да радио одно и тоже передает. Сидишь в квартире, как в норе и звереешь. И пойти некуда, потому как двери домов все снегом запечатало и окна занесло-залепило, потому как снаружи только ветер и снег. Ни неба, ни земли, ничего не видно. Только ветер то ли воет, то ли визжит под крышей. Дом ходуном ходит, так и кажется, что не выдержат и сломаются сваи. Пить начинаешь. И думаешь, скорее бы пурга закончилась.

– А я мечтаю хоть разок увидеть северное сияние, – тихо произнесла Ника.

– Да что на него смотреть! – поморщился Петрович. – Сначала красиво, даже кажется, что оно живое, за тобой следом ходит. А потом привыкаешь. Ничего особенного.

– Нет, батя, сияние – это нечто особенное, такого нигде больше не увидишь, – проронил с обидой Лёпс.

Он вспомнил, как прозрачный, переливчатый свет скручивается змеями, свивается кольцами,

развивается зигзагами, сверкает высоко в небе над поселком. Искрит разноцветными сполохами то тут, то там, и от этого сверкания колыхается все пространство над поселком, качаются, шевелятся бескрайние снега, искрят до боли в глазах. А звуки стыннут, замерзают на морозе.

– Я вот по ночному городу ехал, – покосился на Лёпса Петрович, – так тут такое сияние на каждом фонарном столбе и в витринах магазинов.

– Так оно же рукотворное, а в Северном – природное.

– Я не ненец, а человек цивилизованный. Мне по душе все рукотворное, для хозяйства годное. А северное сияние на бутерброд не намажешь и в кастрюльке не сварешь. Хотя иной раз впечатляет.

Скорость, с какой исчезал коньяк из бутылки, удивляла Нику. Повеселевший, раскрасневшийся, размягший от вкусной еды Петрович сделался необычайно добродушным, его потянуло на воспоминания.

– Лёпс в детстве худенький был. Одни ребрышки торчали, выступали из-под кожи. Но шустрый. Раз, и пескарей на перемет уже наживил, два, и живодерка уже в реку заброшена, три, уже с удочки сига или шуку снимает. Я ведь его по-спартански воспитывать лет с восьми начал, в зимовье жили, в тундру летом ходили, воду только в бутылке брали, хлеб да соль. А все остальное в тундре или на реке находили. Я его учил и плавать, и на лодке на веслах ходить, и мотор ремонтировать, и рыбу удить на отмелях и ямах, песцов на «накроху» ловить.

– Да, великое дело – охота или рыбалка. У меня папа любитель подледной ловли, так любит говорить, что нет предела совершенству в таком сложном деле.

– Вот и Лёпсу в детстве всё было интересно. Азартен он и настойчив был.

– А разве не это главное для охотника: азарт и настойчивость?

– Можно и так сказать, – согласно кивнул головой Петрович. – Только охота и рыбалка – лишь для того – удовольствие, азарт и настойчивость, кто не думает о хлебе насущном. А если, как работа, то Ника, так это тяжело и мучительно. Надо целиком полагаться на собственную независимость и самостоятельность. Да и природа не всегда благосклонна к человеку. Сегодня с прибытком, а завтра с убытком. А план есть план. С каждым годом рыбные и зверовые промыслы ухудшаются, оленеводство тоже. Я на Севере на ненцев смотрю и диву даюсь, как они живут, занимаясь охотой, рыбалкой и оленеводством. Честны, беспомощны и нечеловечески выносливы. Живут бедно, грязно, все дети в интернатах. Уже с 13 лет ежегодно рожать начинают, спиваются поголовно. До 30 лет обычно доживают, но выглядят стариками. Вымрут, без помощи государства. Хотя и среди них появились новые ненцы – ходят во всем белом, ездят на белых оленях, живут в белой яранге, не пьют, не ругаются.

Зажевав очередную стопочку с коньяком лимоном, вкрадчиво поинтересовался:

– У вас, ведь тоже, поди, коренные народы на Амуре есть и проблемы с ними сходные?

– Девочка у меня в классе училась: нивха, – почти сразу же ответила Ника. – Темноволосая, зеленоглазая, с серебряной медалью школу окончила, в медицинский поступила. И Кола Бельды, и Андрей Пассар на всю страну люди известные, одаренные, хабаровские. В музее краеведческом целый зал есть, посвященный местным народностям. По мне так, если у

народа есть культурное наследие, то он не вымрет. Взять хотя бы сихотэ-алинских мастериц, возрожденные промыслы, выставки-продажи изделий из бересты, рыбьей кожи. Праздники.

Глаза Петровича приняли телячье выражение:

– Я вот тоже как-то на праздник ненецкий попал.

Собрались они всем селением оленя резать, товарища моего пригласили вместе со мной. Пришли мы. Они уже, правда, оленя зарезали, тут же его на наших глазах освежевали, шкуру ножом быстро-быстро сняли. Я оглянуться не успел, как у меня в руках кусок теплого сырого мяса оказался. Что с ним делать, не знаю, ни пакетика с собой целофанного, ни мешочка, чтобы положить. Смотрю на товарища своего, на ненцев. И чуть меня тут не стошнило: они это мясо в миску с кровью макают и у самых зубов режут острым, как бритва ножом, и с таким аппетитом глотают.

Нику передернуло, а Лёпс улыбнулся, заметив ее реакцию. Он встал из-за стола, с хрустом потянулся, и обращаясь к отцу, небрежно заметил:

– Ну, что, папенька, поел ресторанной еды, теперь поехали на вокзал, тебя маменька со своими разносолами ждет.

2

Бульвар опустел, зато оживление наступило в домах. Из открытых окон неслись звуки музыки, телевизионной рекламы, плач и смех детей, громкие разговоры, телефонные звонки, звяканье посуды. Цвели липы, медовый запах проникал через распахнутые окна в квартиру.

Леночка готовилась к последнему экзамену. Чтобы плач ребенка не мешал ей, Лёпс предложил

прогуляться Нике вместе с Надюшкой в коляске по новой, еще не пущенной в эксплуатацию ветке скоростного шоссе.

Ника медленно катила коляску, Лёпс шел рядом и думал, с чего бы начать разговор. Его смущали настойчивые звонки маменьки. Прошло три месяца, и приближалось время отъезда Ники. Маменька предлагала два варианта: либо найти для ребенка няньку, либо привезти Надюшку в деревню к ним. Но эти варианты Лёпса не устраивали. Он отошел к киоску, взял несколько бутылок крепкого пива, покачиваясь, подошел к коляске:

– Хочешь пива?

Ника отрицательно кивнула головой:

– Ты же знаешь, что я не пью, да и на трезвую голову, Лёпс, всегда лучше соображается.

Он глотнул из бутылки пива, и, избегая встречаться с ней взглядом, произнес:

– Не обсуждая важное и серьезное, невозможно принять правильное решение. А когда решение принято после обсуждения, то раскаяние не так страшно в результате поражения. Давай попробуем договориться.

– Я, Лёпс, либо делаю, либо не делаю, а слово «попробую» я не понимаю, как и раскаяние в результате поражения.

Приняв ее слова за приглашение к открытому разговору, мягким, бархатным голосом Лёпс, время от времени потягивая пиво, начал убеждать Нику остаться. Ника внимательно слушала и одновременно пыталась понять, почему она нервничает, и что ее так смущает в этом разговоре.

– Я тебе очень благодарен за то, что ты делаешь для Надюшки и Леночки. Надюшку лечить надо, постоянно по врачам таскать, по массажистам. Кто этим

делом заниматься будет? Ты ведь – умная, должна понимать, что ни я, ни Леночка не можем сейчас заниматься ребенком.

Лёпс присел на скамейку, поставил на землю пустую бутылку. Ника села рядом, но продолжала молчать. Наконец, откупорив вторую бутылку пива и сделав несколько глотков, Лёпс произнес:

– Нам учиться дальше надо. Мы ребенка загубим.

– Лёпс, но ведь твоя мама не против того, чтобы ребёнок жил у них в деревне, – голос Ники заметно дрогнул, она прикусила себе губу.

Он мгновенно насупился и заявил отрывисто, хотя вовсе и не хотел именно сейчас быть грубым:

– Сдурела что ли? Я её на пушечный выстрел к своему ребенку не подпущу, хватит того, что она меня воспитывала, и племянницу ей сестра на лето привозит. Оставайся, выхода другого все равно нет.

– Неправда. Вход может быть один, а выходов всегда много. Есть другие способы решить вашу проблему. Вы можете вместе взять свободное посещение занятий, один с ребенком, другой на занятиях. Можно договориться с деканатом и обучаться по индивидуальному плану.

– Это невозможно. Я вечерами работаю. Если я перейду на свободное посещение, то меня сначала выгонят с работы, а потом исключат из института. Я должен посещать все занятия. И что мы будем с Леночкой делать, без денег, без дипломов, с маленьким ребенком на руках.

– Пусть Леночка возьмет академический, – поторопилась с ответом Ника.

– Невозможно. У нее медицинский институт, сплошная химия, много формул. Она сейчас тянет на

красный диплом. За год она все позабудет, ей придется учиться в новой группе, возможно, учить ее будут другие преподаватели. Диплом, может, и получит, только не красный. А она хочет наукой заниматься. С красным дипломом в аспирантуру поступить проще.

– Лёпс, можно няньку нанять в агентстве.

– Ты что газеты не читаешь, телевизор не смотришь? Ты хоть знаешь, какие няньки бывают?

Он предпочел бы это сказать более непринужденным тоном, но не получилось, голос его дрожал:

– На днях про одну местную няньку телепередача была, срок ей дали. Чтобы ребенок ее не беспокоил, она в бутылочку то ли водку наливала, то ли димедрол. Ребёнок спит и спит целыми сутками и до года никаких изменений не видно. Спит и спит. Умаялся ползать. Здоровый – вот и спит крепко. Хорошо, что врач заподозрила неладное и заставила все анализы ребенку развернутые сдать. А одна, так вообще, наручниками ребенка к батарее приковывала, чтобы по комнате не ползал и порядок не нарушал в квартире. Нет, нянька приходящая – это исключено. Даже через агентство. Не хочу, чтобы подобное с моей Надюшкой произошло.

– Лёпс, это просто твои страхи и предвзятое отношение к людям! – попыталась возразить Ника.

– Нянькам из агентств и своей матери я ребенка не доверю! Я тебе доверяю, – он сделал небольшую паузу.

Ему казалось, что его голос звучит неестественно, но стараясь прямо смотреть ей в глаза, он медленно произнес:

– Я тебе доверяю самое дорогое, что есть у меня.

– Я тебя понимаю, но у меня нет никакого желания оставаться в этом городе, меня ждут на Дальнем Востоке.

Он стал с лицемерной искренностью, повторяясь, говорить о том, что Ника глубоко заблуждается и совсем не хочет понять его:

– Лично мне от тебя ничего не нужно. Ты пойми, Ника, я за жену и за дочь очень переживаю. А тебе за кого переживать? У тебя на Дальнем Востоке все простроено, всё, как говорится, под контролем. А вот про Надюшку и Леночку ты совсем думать не хочешь. Не думаешь, что Надюшке полноценный уход нужен, кроме тебя, его никто сейчас дать не может.

– Вообще-то, у ребенка есть мама и папа, – но в ее голосе Лёпсу послышалась неуверенность.

Он поморщился и снова пустился в пространные объяснения:

– Но представь, что будет с Надюшкой и Леночкой, со мной, если ты возьмешь и уедешь, бросишь нас в трудную минуту. Лично меня это очень напрягает. Надюшке нянька нужна, а нам с Леночкой надо еще университет закончить. Без тебя следующую сессию Леночка не потянет, Надюшка еще слишком маленькая будет. Год в академическом потеряет. Кто знает, сможет она потом восстановиться в институте или нет. Вдруг, через год только на коммерческом отделении места будут, и придется ей совсем учебу бросить. Как тогда нам жить, где работу искать с незаконченным высшим? А ты все равно целый год еще бездельничать можешь, вот и помогла бы нам.

Лёпс сделал еще несколько глотков из бутылки и жалостливо продолжил:

— Ника, ты пойми, я очень беспокоюсь о Надюшке, ради ее счастья и Леночкиного я готов с тобой пожить еще целый год под одной крышей.

— Лёпс, мы с тобой последние три недели только и делаем, что ругаемся, высказываем недовольство поведением друг друга. Неужели ты думаешь, что наши конфликты сами по себе прекратятся? Или что я вдруг стану мягкой, белой и пушистой? Или ты вдруг изменишься и станешь пай-мальчиком?

— Я согласен, что между нами всякое было. Я бываю резок, раздражителен, даже несправедлив, но чего только не бывает между любящими людьми, живущими под одной крышей. Это неурядицы из-за неопределенности. Но такова жизнь, Ника. Иногда надо кому-то или чему-то уступать.

Он взглянул на Нику, замолчал и добавил, понизив голос:

— Оставайся. Чего только не бывает между близкими людьми. Разберемся как-нибудь между собой. Лично мне от тебя ничего не надо. Главное, Леночка и Надюшка. Соглашайся. Им без тебя плохо будет.

Она согласилась с его доводами и пообещала, что до конца четвертого курса останется с ними, а там Надюшка уже сможет пойти в детский сад, только надо уже сейчас Лёпсу встать в очередь.

Нике не хотелось оставаться в Башкирии, но она знала, что в чем-то Лёпс прав, и что она не сможет уехать от них и спокойно жить, зная какво двум студентам с ребенком, и волей-неволей ей пришлось согласиться с доводами Лёпса и пообещать, что до конца четвертого курса она останется жить с ними, а там, глядишь, и место в детском саду будет.

Они возвращались через какие-то пустыри, гаражи, частные дома.

Ника смотрела, как полупьяный Лёпс пытался катить коляску с грудным ребенком, и тяжелое предчувствие сжимало ее сердце.

Потерпеть. Она остановилась, сильно провела ладонями сверху вниз по своему лицу, словно пытаясь стянуть с себя наваждение, но на душе по-прежнему скребли кошки. Свои способности к терпению Нийя оценивала спокойно, объективно и высоко. Бесконечные тренировки терпением и ожиданием сопровождали ее всю жизнь, все время она терпеливо ждала: прихода отца, воскресных дней, весны, осени, зимы, лета, дня рождения, каникул, Нового года, свадьбы, возвращения мужа с лётного поля, а в период ожидания ходила на работу, воспитывала детей, читала книги, вязала, шила, вышивала. «Потерпеть еще немного», – Нийя в задумчивости прикрыла на минутку глаза. Что ж, придется еще какое-то время потерпеть тесноту однокомнатной квартиры, ради Надюшки.

3

Ничего не изменилось в жизни Лёпса, он по-прежнему ездил на учебу, иногда на работу. Ника жила в его квартире, занималась хозяйством и Надюшкой. И это его устраивало. Скучное размеренное течение жизни оживлялось вечерами в спорт-баре, разговорами под бутылочку пива с друзьями и беседами с Иваном о смысле жизни. Из бесед с Иваном Лёпс неосознанно впитывал в себя ограничивающие идеи и убеждения. Он верил всему, что говорил кузен и охотно выполнял все его поручения.

Лёпсу очень хотелось острых ощущений, поэтому он радостно ухватился за предложение Виталика побыть спасателем-общественником. Он не просто хотел острых ощущений, он стремился к ним потому, что считал, все, что надо для удовольствия, он уже имеет. Теперь каждый вечер он вместе с Виталиком ездил за пожарными и скорыми в надежде увидеть что-нибудь экстраординарное, поприисутствовать на чужой трагедии, лишний раз достать и показать заламинированное удостоверение спасателя-общественника МЧС, чтобы пройти к самому центру событий. Как-то они с Виталиком успели увидеть в Матвеевке, как клубилась черным дымом пристройка к новому, чуть недостроенному двухэтажному лиственному дому. Потом она громко затрещала, запылала огромными языками пламени. Подоспевшие пожарные деловито стали заливать соседние дома, чтобы пожар не перебросился дальше. Чему надо было сгореть – то сгорело. Пожарные машины вскоре разъехались, оставив одну, по всей видимости, дежурную машину, заливать остатки буйного кострища. Люди молча, стояли в отдалении и смотрели на груды чадающих головешек. Хозяин с окаменевшим лицом сел в «Жигули» и уехал по направлению к городу. Лёпс с Ботиком зачем-то поехали за ним.

Все это давало ему подобие полезной деятельности и новые впечатления, он пытался рассказывать Нике о пожарах и автомобильных катастрофах, но она отмахнулась от него, как от назойливой мухи:

– И на что ты, Лёпс, жизнь свою тратишь? В русском языке слово есть емкое для таких тружеников – зевака называется.

– А чем еще мне заниматься? Живу, как римляне: ем, пью, веселюсь. Скучно мне Ника. Вот стану старым, немощным, тогда и буду дома сидеть – телевизор смотреть.

– Пойми, правильно, – пыталась убедить его Ника. – Эти пустые гонки в погоне за сомнительными приключениями рано или поздно скажутся на твоём здоровье.

– Ты лучше посмотри на свой образ жизни, тебе же ничего не надо. Ограничилась домом. Сидишь целыми днями дома с Надюшкой. Ты ничего не добиваешься, ни к чему не стремишься. Девяносто процентов извилин у тебя ничем не занято.

– Я занимаюсь ребенком. А к чему ты стремишься, чего добиваешься?

– Ага, еще забыла добавить, что при моих способностях и папенькиных с маменькой возможностях.

– Ну, не знаю. На мой взгляд, ты не умнее и не глупее других, и возможности не такие уж и большие, чтобы время так бесцельно тратить на «стрелялки-пулялки», на «страшилки» и фильмы ужасов. Ты сейчас учиться должен.

– Кто вообще сказал, что я кому-то и что-то должен. И в институт я ходить не должен. И тебе ничего не должен. Я же у тебя ничего не занимал, я у тебя в долг не живу.

– Ты утрированно все понимаешь. Не хочешь ходить в институт – не надо. Но понимать или знать, почему ты туда ходить не хочешь – это твоя проблема. Только ты сам для себя этот вопрос можешь решить.

– Там все время одно и то же. Мне там скучно.

– Если тебя не устраивает обучение, нужно разобраться почему. Обычно скучно тогда, когда человек ничего не понимает или понять не хочет.

– Ника, ты как будто вчера родилась! Зачем учиться, когда диплом сейчас просто купить можно. За две тысячи «баксов» нарисуют, какой хочешь, и все печати будут.

– А спалиться не боишься с поддельными бумагами?

– Чего бояться-то. У меня родственница купила – теперь директором работает.

– Если хочешь быть человеком, если хочешь чего-то добиться в жизни, хочешь, чтобы из тебя вышел директор, ты сам для себя должен научиться решать некоторые вопросы. Прежде, чем требовать с других – научись требовать с себя. Глядишь, и жить станет легче.

– Ника, когда меня прижмет, я все смогу. Даже заработать очень большие деньги.

– Если человек хочет, он делает. И не обязательно – деньги. И не обязательно, когда прижмет. Он просто делает дело, а не занимается пустым времяпровождением.

– Какая тебе разница, чем я занимаюсь. Я живу не для того, чтобы в поте лица горбатиться, а чтобы получать от жизни, как можно больше удовольствий, за это папенька и маменька платят. Их это устраивает и меня тоже.

– Только за глупости, Лёпс, придется рассчитывать самому.

– Знаешь, жить надо так: или не делать ничего совсем, или не жалеть о том, что сделал.

– Я по-другому думаю. Надо самому брать ответственность на себя и за свою жизнь.

– Ну, и думай себе на здоровье, а я своего мнения придерживаюсь. Я человек простой, неинтеллигентный. И это не я должен за что-то отвечать. Это мне все в округе должны, а папенька с маменькой и сестрицей больше всех, – и Лёпс подошел к зеркалу в прихожке. Задумчиво провел рукой раз, другой, третий по щекам, по верхней губе. Скривил зверскую физиономию.

Ника неслышно подошла сзади:

– Слушай твое, простое, неинтеллигентное лицо не мешало бы побрить. Взял бы хотя бы ответственность на себя за свою внешность.

– Что ты имеешь в виду? – Лёпс покраснел и набычился.

– Побриться не хочешь? – она смотрела на его отражение в зеркале: пятимиллиметровая щетина покрывала его лицо.

– Нет. Ты – глупая и этого у тебя никто не отнимет. Чем меньше я похож на интеллигента, тем большего добьюсь в жизни. Бомжеватость нынче в моде, – скривив физиономию, и выставив нижнюю челюсть, он почесал двумя пальцами подбородок.

– Лёпс, всему должен быть предел, – обиженно произнесла она, открывая дверь на лестничную клетку. – Умный человек никогда другого глупым не назовет потому, как считает собеседника себе подобным.

– А разве ты мне – собеседник? – искренне удивился Лёпс, натягивая чистые джинсы и рубашку.

– А разве ты глупый? – отвечает вопросом на вопрос Ника.

Но Лёпс уже хлопнул дверью и завалился на диван, а Ника спешит с Надюшкой по ступенькам вниз, весело объясняя ребенку, куда и зачем они идут.

Все слова Ники были бесполезны для Лёпса. Ничто не омрачало его жизнь. Мелкие огорчения и ссоры с родителями, друзьями и Никой в счет не шли. Праздная жизнь потихоньку засасывала Лёпса, и он уже не мог представить, что где-то люди живут по-другому, что где-то существуют маленькие городки, и люди о чем-то мечтают, кроме денег на пиво и клуб.

Иногда отец надоедал ему нудными разговорами по сотовому о своем вкладе в его, Лёпсову, жизнь, о своих планах на его Лёпсово будущее, будущее его жены, внучки:

– Ты за нас с матерью живешь, нам некогда жить было, мы деньги на Севере для вашего счастья и вашей жизни зарабатывали, чтобы в институтах вас с Анжеликой выучить, чтоб квартиру вам купить. Для себя-то как-то пожить не удалось, только о вашем благе и думали, как бы копейку лишнюю урвать, да вас покрасивее одеть, да самое лучшее, что в поселке имеется вам дать, у тебя считай, единственный компьютер в округе на 600 км был. А сейчас мужики, с которыми на вахту ездить начинал, все на пенсии, дело свое имеют, а я все на Север мотаюсь, не до пенсии мне, вам надо помогать внучек растить. А так бы сидел на крылечке, пчелок зимой холил, а летом мед качал. Ан, нет, как гусь перелетный на Север спешу. Привык я. Север уже домом моим стал, хорошо мне там, вольготно. В Малиновку, как приеду – сразу болеть начинаю, то одно вылезет, то другое, то сердце жалить начинает, то кашель какой-то одолеет.

Лёпс раздражаясь внутри, все же терпеливо сносил отцовские жалобы, иногда только ворчливо замечал:

– А кто тебя заставляет это все делать? Может, хватит матери потакать? Она там в своей деревне

совсем из ума выжила. Позвонит на сотовый, вопрос мне задает и сама же на него ответит.

– Ну, ты на мать-то это, не наезжай, она знает, что и как для нас правильно. Она по-своему выбивается, чтобы тебя на ноги поставить. Слава Богу, ты в институте приличном учишься. И денег за него платить пока хватает.

Иногда Лёпс даже думал о будущем, основательно думал, с расчетом.

Зачем ему северные поселки с их чуть ли не первобытными условиями существования. Не хочет он ради больших, по батиным понятиям, денег терпеть зиму с полярным сиянием и ужасными холодами, вторгающих Лёпса в неизменную депрессию. И прежде всего не хочет он ехать на Север без Леночки и Надюшки. Здесь проживем.

Вон Шершень устроился в «Фенолс», ничего не делает, в кабинете штаны просиживает, а две тысячи баксов в месяц имеет. И Костет в своей конторе, особенно не напрягаясь, с каждой сделки по штуке баксов в карман кладет, и Тимур, устроившись региональным представителем, семьсот баксов получает за одни только витамины. Кто куда пойдет после окончания университета? Эску папа на завод пристроит в администрацию, Ван Гог – в министерство через тетюшку свою попадет, Фомич на два года в Москву в учебку поедет, будет потом в системе крутой работать.

И та жизнь, которую рисует себе Лёпс, не похожа на ту, которой он жил и живет теперь. В этой жизни не будет места ни выпивкам, ни хулиганским выходкам, ни надоевшим дружкам-свингерам, ни облупившейся однокомнатной квартире.

В этой новой жизни Лёпс будет удачливым, богатым, преуспевающим директором какой-нибудь

нефтяной компании. Будет нефть экспортировать. А какой кабинет у него будет! Неизменно, моренный дуб, скрытый бар со множеством элитных спиртных напитков, расторопная секретарша. Лучше, конечно, взять на эту должность Леночку, ведь секретарши либо любовницами становятся, либо женами, пусть уж лучше сразу жена станет секретаршей, да и вопрос с зарплатой проще будет решаться. Все на общий счет, если что понадобится, он так и быть, ей позволит купить.

Вот он подписывает договоры. Мирная конфиденциальная беседа, кофе, коньяк, лимончик, нарезка из сырокопченой колбаски, икорка. Трубка из вереска ручной работы с инкрустацией и монограммой, дорогой табак, для гостей сигары в резном ларчике из вишневого дерева. Обещания, договоры, неизменная ручка «Паркер» – свидетель всех его соглашений. Вот он обедает в близлежащем ресторанчике. Завозит Леночку домой, а сам, переодевшись, едет в клуб, играет в бильярд, бодибилдинг, а, может быть, сидит с Таммом на трибуне и наблюдает за футбольной игрой или боями без правил. Затем сон в объятьях нежной и ласковой Леночки, и плотоядный огонек загорается в его глазах.

В своих мечтах Лёпс рисует шикарный особняк с сауной, бассейном, бильярдной. Обязательно, чтобы был домашний кинозал. Все собственное, самолично им купленное.

Дети ходят в элитную школу, а еще лучше пусть учатся за границей, нечего перед его глазами мелькать вечерами и досаждать Леночке своими просьбами.

Заранее предвкушая сладость власти, Лёпс уносится мыслями в заоблачные дали: вот его приглашают в Кремль, сам Президент перед

множеством журналистов пожимает ему руку. Интервью, фотографии, статьи в «Деловом Мире», пресс-конференция, на которой присутствует отец Костяна. Воображение его рисует, как вечером отец Костяна, глядя на того исподлобья, говорит: «А твой дружок Лёпс в люди выбился. Талантлив. Весь деловой мир его знает. А ты, как балбесом был, так балбесом и остался, до сих пор со своей женой на моей шее сидишь».

4

Противное треньканье звонка заставило Лёпса приподняться с дивана.

— И давно ты в зеркало на свою фигуру любовался? Сразу видно без забот и хлопот живешь. На всем готовеньком.

— Ты чего это, мать, в дверь войти еще не успела, а уже возмущаешься.

— Но-но, ты на мать-то не наезжай, — с трудом протискиваясь в узкий проход прихожки, заметил отец.

Он опустил тяжелые сумки на пол, отёр лицо и, отдуваясь, заметил:

— А то, что же получается? Она в тебя всю душу свою вложила. Ради тебя только и живёт. Тебе ботинки понадобились, она мне ничего не сказала, убежала куда-то на два часа. Вечером только и узнал, что она на автобусе в Белебей съездила, пенсию сняла, купила тебе ботинки и через Светлану передала.. А тебе трубку трудно поднять, поговорить с матерью, успокоить ее, чтоб не виноватилась, что ее сынок три дня в рваных ботинках по городу ходил. Настоящий мужчина сам деньги зарабатывает, а не сидит на шее у родителей, не кланчит их на ботинки и прочие вещи.

– Ты что, батя, маменьку не знаешь? Она же любит из всего трагедии устраивать, – стал оправдываться Лёпс. – Я с ней переговорил по телефону, когда ботинок порвался. Тут же мы с Леночкой зашли в универмаг и купили мне новые. А старые Леночка в ремонт сдала. Так что у меня теперь три пары обуви.

– Фу-ты, ну-ты! – батя, насупившись, посмотрел на маменьку, которая заходила в ванную комнату.

Торопливо разулся, не прекращая разговаривать с сыном:

– Права мать в том, что без забот живешь, на всем готовеньком. Вон располнел весь как. Да и на мужчину ты не похож. Мужчина цель в жизни имеет. День и ночь думает, как бы деньги заработать, чтоб семью свою прокормить. Опять же о карьере думает.

– Батя, какая муха вас с маменькой сегодня укусила? Вы только зашли, еще толком не разделись, чаю с дороги не попили, а всё бухтите и бухтите. Всё настроение уже испортили. Зачем приехали – непонятно, для чего приехали – ничего не ясно. Мы вас и не ждали, если честно говоря.

– Так всегда и бывает, – маменька стояла в комнатном проходе, подперев бока руками. – Никто нас не ждёт, никому мы, отец, без денег не нужны.

– Да погоди ты, тараторить, – недовольно перебил маменьку Петрович, усаживаясь в кресло.

– Ты, сынок, тут из себя не строй кого ни попадя. Без отцовских денег ты – никто. Так, пшик от шарика. Ты в семье самый главный у нас растратчик. И тебя вот такое вот расстояние сегодня от нищеты отделяло, – батя показал расстояние между большим и указательным пальцем. – Нас с матерью сегодня чуть

лесовоз не смял, когда к тебе ехали. И зеркало, и стекло боковое все всмятку, и главное, призвать к ответственности некого. Удрал, поганец, с места происшествия. И на дороге никого кроме нас не было.

— А где жилички-то твои? — перебила отца маменька, осмотревшая и квартиру, и ванную, и кухню.

— Да к бабушке с утра уехали, чтобы мне не мешать. Я за компьютером с утра курсовую пишу.

Маменька недовольно поджала губы:

— Ты хоть сегодня что-нибудь ел?

— Конечно. Если хотите, могу и вас борщом и гречкой с котлетами домашними угостить. Хлеба только нет, а пирожки я все уже съел.

— Да мы все свое с собой носим, я тебе тоже пирогов напекла, да сейчас супчик твой любимый с потрошками гусиными и лапшой приготовлю. Кастрюли-то надеюсь у тебя чистые?

— Только заняты все, в одной — борщ, в другой — гречка, а в третьей — котлеты.

— Ничего, ничего, я сейчас через дорогу сбегаю, в универмаге еще одну куплю, супчик-то с потрошками вкусный, — Ядвига метнулась к дверям.

— Да остынь, ты, мать, не суетись, в холодильнике всего достаточно.

— А как же супчик-то домашний с потрошками?

— Да никак. Я есть не буду, а батя уже, чувствую, себе борщ разогрел. Слышь, тарелками гремит. Любит он Никин борщ, и котлеты ее, ой, как любит!

— Голова у тебя, сынок, на уровне двух метров болтается. Все гадости в мой адрес изобретаешь! На это только и ума хватает, разум-то ветром выдувает.

Но Лёпс уже отвернулся от маменьки, взял телефонную трубку и интересуется у Леночки, когда они с Никой и Надюшкой вернутся от бабушки.

Через час бабушка, Ядвига Николаевна, с удовольствием выкладывала на диван для внучки разномастные собственной вязки свитера, шапочки, шарфики, варежки, носочки, тут же норовила их примерить, но Надюшка никак не хотела просыпаться, а будить ее Леночка категорически запретила. Еще через час, кое-как спровадив отца с матерью ночевать к тетушке, Лёпс поехал к Фомичу. Отчего бы, на самом деле, делом не заняться, не валяться же вечер на диване, бесцельно глядя на потолок или на экран телевизора.

Его совершенно не интересовали сегодняшние разговоры. Ему было скучно, его раздражала компания, Лёпс ни разу ни открыл за весь вечер рта. Молча, неторопливо посасывал пиво из бутылки, на его лице не было никакого выражения. Он был утомлен сегодняшним визитом родни и кажущимся однообразием этого философского спора у Фомича. Ему хотелось чего-то свежего. Он вспомнил о Тимуре, вышел в коридор, позвонил, договорился о встрече в «Полигоне», ушел молча. Его ухода никто не заметил.

Разговор с Тимуром затянулся, постепенно перешел на женщин, детей, тещу. Тимур был идеальным собеседником для Лёпса. Он пил молча и много, слушал Лёпса внимательно и напряженно, иногда вставлял краткие замечания, делал уточняющие жесты рукой.

Таксист высадил его прямо у подъезда. Света в окнах не было. Лёпс облегченно вздохнул. Он поднялся на третий этаж, долго искал ключи, ключей не было, пришлось стучаться. Дверь открыла Ника. Лёпс прекрасно осознавал, насколько пьян. Он вдруг забыл

про все, главное, не показать ей, что он пьян. Главное, дойти до дивана. Лёпс боялся упасть перед Никой.

– Лёпс, ты пьяный?

Медленно, и, как ему показалось, прямо и твердо, он подошел, и чуть было не навалившись на Нику, язвительно спросил:

– И как же это могло случиться? Ну, и что ты мне можешь сказать такого, чего я сегодня еще не слышал о себе?

Она прикрыла ладонью свой рот и посмотрела на него расширившимися глазами.

Лёпс с трудом сделал пять шагов прямо, три шага направо и еще пять шагов прямо, сел на диван. Ника зашла на кухню, поставила разогреваться чайник. Когда вернулась в комнату со стаканом крепкого кофе, Лёпс сидел в странной позе. Она тронула его за плечо, он упал. Ника помогла ему стащить брюки и рубашку, вздохнув тяжело, укрыла простыней. Пересела в кресло, помолилась за его грешную душу, поправила Надюшке одеяльце и легла спать. Во сне ей снился любимый город, набережная, сопки и их фантомы в сиреневых сумерках над Амуром...

Лёпс стоял на обрывистом берегу реки. Хотел сделать шаг, но земля задрожала под ногами, закачалась, и он упал, обрушился в воду вместе с берегом, подняв многочисленные, похожие на острые стеклышки, брызги. Лёпс прокатился по каменистому дну, завалился на спину. Лежа на спине, на мели, попытался встать, упираясь локтями и коленями, но локти заскользили по илистому дну. Хочет Лёпс перевернуться на живот, но скользит и падает, скользит и падает. Кое-как удалось перевернуться со спины, но снова не удержавшись на локтях, он скользит и падает, скользит и падает, и снова переворачивается на спину.

Весь в грязи, в иле, лежит беспомощный на каменистом дне Лёпс. Наконец, собрался с силами, открыл рот, чтобы закричать, на помощь позвать, но вода, как в воронку вливается в его рот, и булькает, булькает, клокочет внутри, заполняет все его нутро. И вдруг чувствует Лёпс, что кто-то тянет его за ноги из воды. Он скользит ногами, животом, грудью, шеей, лицом сначала по мягкому склизкому илу, а потом по холодным речным камешкам. Царапают они его, обдирают в кровь нос, подбородок, щеки. Из рта, носа, ушей хлещет вода и мерзко-мерзко пахнет речной тиной. Приоткрыл глаза, где-то рядом бурчит Ника, что-то дергает из-под него, чем-то мокрым, холодным к лицу прикасается. Хочет толкнуть ее, но снова проваливается в кошмарное небытие, в ядовито-желто-зеленую вращающуюся воронку, на дне которой все то же каменистое дно.

Лёпс проснулся, но глаз не открывал. Веки казались свинцовыми. Голова болела. Подташнивало. Он лежал тихо, прислушивался к себе и звукам вокруг него. Слава Богу, он дома. Ника на кухне весело рассказывает что-то Надюшке. Он слышал только интонацию, слов разобрать не мог. Не мог он припомнить, во сколько и в каком виде пришел домой. Ника, конечно, видела, а может, все-таки не видела. Кошмар. Леночка, конечно, в институте. В голове мимолетно скользнула и тут же исчезла мысль о раскаянии. Он еле открыл глаза, увидел циферблат часов.

– Ника, – то ли позвал, то ли прохрипел Лёпс, – Будь человеком, помни шею и голову. Вставать надо, а я не могу. Мне так плохо!

– Понятное, дело, – ухмыльнулась она. И больше ни слова, ни усмешки, ни упрека.

Ее пальцы привычно заскользили по шее, проминали каждый позвонок, каждую клеточку. Боль отступала. Он мучительно осознавал всю неопределенность отношения Ники к нему, своего отношения к ней. Что она за человек?

Ему казалось, что Ника его понимает. Ему нравилось, что она не досаждала ему нотациями, как маменька, Ежевика, Леночка, не зудит. Она просто и ласково мнет ему шею, голову, потягивает за волосы, и при этом протягивает Надюшке то погремушку, то мягкую игрушку, называет цвет. Он скосил глаза направо. Надюшка, высунув язык, пытается дотянуться до погремушки, хватает ее рукой и тянет в рот. Он улыбнулся: дочке чуть больше трех месяцев, а уже поет «ю-а-а» и из чашки пьет. Это заслуга Ники. А он ведет с ней иногда, как свинья. Как хорошо в голове полегчало надо вставать.

– Все, Лёпс. Твое время истекло! Вставай и дуй в ванную, а я кофе сделаю!

Лёпс повалялся еще немного в постели, дождался кофе, не сказав спасибо, выпил залпом, пошел в ванную.

Зеркало отражало опухшее, помятое лицо. «Не лицо, а кусочек пармезана. А глаза-то узкие – хоть спички вставляй!» – иронично подумал Лёпс. Он долго плескал в лицо холодной водой, потом встал под душ.

Когда он вышел из ванной, Ники с Надюшкой в комнате не было, они ушли на прогулку. На кресле лежали свежая рубашка, чистые джинсы и носки, на столе – кружка горячего черного кофе и горячие бутерброды. Лёпс, улыбнулся, с чувством потянулся, залпом выпил кофе и стал собираться к третьей паре в институт.

Леночку с Надюшкой снова положили в больницу на две недели. Дважды в день: утром и вечером, ездила Ника с пересадками на другой конец города, возила Леночке горячие обеды и ужины, гуляла с Надюшкой на руках вокруг больницы, разговаривала с врачами и медсестрами. А в перерыве между поездками бегала на рынок и по магазинам, хлопотала по хозяйству, вышивала бисером. Лёпс, как обычно, вечерами убегал в «Волшебный шар», приходил около трех ночи, наспех проглатывал приготовленный Никой то ли ужин, то ли завтрак, перекидывался с ней ничего не значащими фразами, рассказывал пару-тройку историй, произошедших днем с ним и с чувством выполненного долга ложился спать. Когда он просыпался, Ники дома уже не было, на столе его всегда ожидали бутерброды, а на спинке кресла – свежая смена одежды.

Весь субботний вечер Лёпс сидел и занимался своими ногтями на кухне. Эта привычка появилась у него в восьмом классе. Он обнял за плечи свою одноклассницу и чуть не сгорел от стыда, когда боковым зрением увидел на её белоснежной блузке свои пальцы с неровно обкусанными краями и траурной полоской под ногтями с ободранными заусеницами. Вернувшись домой, он тщательно вымыл руки, подстриг ногти и впервые отправился в женскую парикмахерскую делать маникюр. Долго выслушивал сетования на личную жизнь от пожилой работницы, пока она ему делала всевозможные ванночки, массажики и покрывала его ногти бесцветным лаком, а потом весь вечер любовался и рассматривал с самодовольной улыбкой свои пальцы.

Лёпс еще раз внимательно осмотрел свои ногти, удовлетворенно улыбнулся.

В обтягивающих голубых джинсах и розово-голубой разлетайке на кухню зашла Ника.

– Ты куда собралась? – насторожился он.

– Леночку с Ньюкой в понедельник из больницы выпишут, а я хоть пойду в кино схожу, а то надоело вести монашеский образ жизни. Пойду, немного развеюсь.

Ника налила себе стакан сока, залпом выпила.

– А не поздновато ли ты собралась? – Лёпс пристально посмотрел на Нику.

– Да я, вроде, девочка взрослая, в твоей заботе не нуждаюсь, – Ника внимательно посмотрела на Лёпса.

– Да ты посмотри на себя. У нас город – миллионщик. Сейчас все маньяки на улицу повылезали, таких дурочек, как ты вылавливают. Еще изнасилюют ненароком, а мне потом за тебя отвечать перед родственниками.

– Я хочу в кино. И я туда пойду сегодня, – Ника произнесла эти слова медленно, с расстановкой.

Лёпс быстро закрыл маникюрный набор.

– Да я разве против? Просто я себя в провожатые предлагаю, чтоб с тобой ничего не случилось. Сейчас вот только ключи от машины возьму.

На улице резко потемнело и потянуло холодком. Нике мгновенно стало неуютно и зябко. Она посмотрела на небо. С севера быстро надвигалась чёрная туча. Что-то загудело, и в ту же минуту сильный порыв ветра смял траву и листву деревьев. Ослепительно вспыхнула молния, громыхнуло так, что у Ники заложило уши. Громыхнуло еще сильнее, и в ту же минуту холодные колющие брызги полетели в разные стороны.

Она вслед за Лёпсом едва успела сесть в машину, как по верхушкам деревьев, по асфальту, по стеклам защелкали крупные капли. Ударил ливень. Словно загудел, застучал в нарастающем и ускоряющемся ритме по крыше машины.

– Сходили в кино! – язвительно произнес Лёпс, не то вызывающе, не то ласкающе посмотрел на Нику. Машину наполнял резковатый запах ее любимых восточных духов.

– И чем теперь займемся? Природу как прорвало! – он смотрел на Нику в упор.

Ника промолчала. Поджав ноги под себя, немного повозившись, она удобно устроилась на переднем сиденье и мечтательно посмотрела перед собой.

Снаружи бесновалась гроза. Сверкало и гроыхало так, что сердце у Ники замирало от красоты и от буйства стихии.

Сырые порывы ветра уже не трепали, а рвали с силой, сминали с ожесточением ветви деревьев. Тысячи водяных нитей пронзали все видимое пространство, смывая, растворяя, искажая очертания домов. Они казались мутными, грязноватыми.

По асфальту мчались потоки, белые от пены, с неба часто сыпались ветвистые молнии, загорались рядом с машиной, мелькали поодаль.

– Совсем, как дома в августе.

Ника повернула голову к Лёпсу, улыбнулась уголками губ, и немного помолчав, добавила:

– Знаешь, Лёпс, я люблю ливни. Непогода хорошо раскрывает мир, в котором ты живешь, который видишь. Она словно живет с человеком одной жизнью. Мне кажется, что мир становится уютней, когда со всех сторон его сжимают ливни.

Лёпс сердито засопел:

– Сейчас как шарахнет в машину, и будет у нас с тобой одна жизнь и один совместный дом, братская могила называется. Она такая уютная, особенно, если гроб бархатом обитый.

– Расслабься, и просто наблюдай, – Ника вытянула затекшие ноги и снова посмотрела на Лёпса. – Скоро все кончится.

Она зябко поежилась и мечтательно произнесла:

– Хорошо в комнате. Сухо, тепло, свет горит. Уютно так, ласково. Диванчик, плед. Такое вот одиночество. Ты отрезан грозой от всего мира, любая живая душа – подарок. А иногда хочется под ливень, чтобы смыть всю мерзость, чтобы возродиться к новым ощущениям.

Лёпс с обидой в голосе проронил:

– Я тоже чувствую себя в ливень одиноким, неприканным, никому ненужным. Ну, и чего тебе сегодня дома не сиделось?

Она снова зябко поежилась, и словно не услышав его, продолжила:

– Интересная роль у грозы. Залить, ослепить, оглушить. У нас в августе грозы частые.

– А у нас на Севере их совсем не было, – проговорил вдруг проникновенным тоном Лёпс. – Да и тут, я что-то особенно и не припомню, чтобы они были. Тем более, такие. Спать хочется.

Лёпс потянулся всем телом, широко раздвинув локти, бесцеремонно навалился всем предплечьем на Нийю. Замер, чувствуя гулкие удары своего сердца, покосился на нее.

Ника аккуратно оттолкнула его локоть, спокойно заметила:

— А я в кино хочу, а ещё чаю горячего с лимоном, и с лахмаджуном.

— Ну, ладно. Так уж и быть, — покровительственно заметил Лёпс, — свожу тебя в кино, а потом в турецкое кафе. Но завтра поедем на нон-стоп, ужастики смотреть. Всё тебе ясно?

Ника изучающее посмотрела на Лёпса, но ничего не ответила.

Вскоре раскаты грома стали глуше, шум дождя ровнее и монотоннее. Изредка вспыхивали тонкие молнии. Поползли по небу за дальними «девятиэтажками» клочковатые облака. Хлестала и бурлила возле люков вода. Сияла огромная, на полнеба, радуга.

Лёпс взял билеты на мелодраму, на первый ряд. Вытянув вперед ноги, откинувшись насколько это было возможно назад, он, нарочито громко позевывая, смотрел фильм.

А на улице низко, чуть ли не над головой, ползли свинцовые тучи. На этот раз Лёпс с Никой не успели добежать до машины. Опять резко потемнело, и полил ливень. Над округой повисла сплошная пелена воды, соседней «девятиэтажки» видно не было. Когда они заскочили в кафе на углу, небо уже вылило на каждого из них по полведра воды.

Сели в самом углу, возле огромного стеклянного окна. Теплый воздух струился от угловой стены, приятно согревал и расслаблял. Официантка моментально принесла обжигающе — горячий чай, тарелочку с тонко нарезанным лимоном и слегка тепловатый лахмаджун, аккуратно порезанный на дольки. Лёпс повторил заказ, добавив горячие закуски.

По оконным стеклам неторопливо, деловито, словно к себе домой, барабанил дождик.

– О чем задумалась? – Лёпс толкнул под столом коленкой Нику.

Она подняла на него глаза и, немного помедлив, сказала:

– Мне кажется, что дождик – живой, в его ровном стуке, в его ритмичном шуме звучит что-то доброе, могучее, успокаивающее.

Лёпс хмыкнул и, не придумав ничего другого, заявил:

– В такую погоду хорошо бродить по берегу или в лесу.

– Ага, – согласилась Ника. – Идешь и слушаешь приглушенные дождем звуки природы, и видишь все словно в серой марлевой повязке.

– Но лучше всего заниматься с кем-нибудь сексом в теплой комнате, – Лёпс внимательно глядел на Нику.

Она недоуменно посмотрела на него. Лёпсу показалось, что ноздри ее слегка дрогнули, а зрачки расширились, с самодовольной улыбкой он продолжил:

– Знаешь, Ника, а ведь многие женщины ради хорошего траха и мужа позабудут.

– Ой, Лёпс, ой. Язычок у тебя или переходы...

Лёпс не дал ей закончить мысль, просто сделал несколько неприличных движений языком.

Ника покраснела.

– Все вы бабы – одинаковы, – Лёпс вызывающе смотрел на Нику. – Я вот к Леночке недолго подбирался, просто тонко ее инстинкты возбудил, она сама и дала, так покапризничала для виду.

– Зачем ты мне все это говоришь?

– Сама догадайся с трех раз. Даже подсказку тебе даю: человек всегда чего-то желает. У каждого есть

заветное желание. А как счастлив-то бывает человек, когда это желание сбывается...

– Тебя в детстве случайно на пол не роняли? – Ника задумчиво смотрела на Лёпса.

– Да вроде нет.

Лёпс снова скользнул взглядом по розово-голубой разлеталке, и легонько хлопнув ее по плечу, весело произнес:

– Да не парься ты, Ника. Это шутки у меня такие!

– Понятно, – улыбнулась Ника, – плоские шутки тем хороши, что их удобно в бестолковку складывать. Больше входит. Поехали лучше домой, мне завтра, как всегда, к девяти в больницу.

Лёпс завез Нику домой, мест на стоянке свободных не оказалось, и Лёпс уснул в машине, прямо у подъезда, разморенный теплом под мягкий, ненавязчивый шум дождя.

Анжелика-Ежевика отлично подмечала слабости человека, умела очень тонко их определить. Она считала, как и маменька, что хорошо знает людей и редко в них ошибается. Остроумно играя на человеческих слабостях, она обычно заставляла людей плясать под свою дудку и с особым апломбом подчеркивала их недостатки. Ни в ком не искала сочувствия или одобрения. Обладая трезвым, практическим умом, она никогда не спорила, просто давила фактами, придавая им свою интерпретацию. Скептически относилась к тому, что было за пределами ее понимания. Зачем читать серьезные книги и

классиков, когда достаточно прочитать пару-другую критических статей.

Тетушка считала Анжелику совершенством. «Ежевика – порядочная, умная, единственная среди всех родственников имеет красный диплом, и не какой-то технический, а по психологии, она и людей, и жизнь знает», – не уставала она повторять родне.

Ника сидела на лавочке возле дома и размышляла о том, что сегодня произошло в квартире после приезда Ежевики. Все шло вроде бы дружелюбно, все вроде бы понарошку, вроде бы в шутку, но некоторые фразы Лёпса были ей откровенно неприятны, резали ухо. Ника чувствовала какую-то двусмысленность Лёпсовых слов и настораживалась от какой-то ей непонятной тревоги. А Лёпс в Ликином присутствии словно входил в раж, его словечки обидно кололи Нику, цепляли за что-то в глубине души, а она никак не могла понять смысла происходящего.

Ей казалось, что словечки, и возмущение, и ругань словно открывали какой-то клапан в душе Лёпса. Как будто с ними что-то выходило через него. Может быть, дурная энергия, может, комплексы, а, может, затаенные обиды или вина. Ника понимала только одно, что этот двухметровый мальчик почему-то стал плохо откликаться на все проявления ее дружбы. То ли от забитости, то ли от замкнутости, то ли еще от чего. Она сидела и пыталась найти чисто логическое объяснение случившемуся.

Вышла из подъезда Лика, молча села на лавочку рядом с ней, закурила, немного погодя спросила:

– Неужели Ника, Вы на Лёпса не обижаетесь? Не сердитесь, не злитесь, – Лика внимательно смотрела на Нику.

Та, глядя ей прямо в глаза, тихо ответила, словно о чем-то размышляя:

– Я стараюсь помнить, что не то зло, что в нас входит, а то, что выходит. Оцениваю сначала свои поступки, слежу, чтобы самой не стать рассадником зла. Ведь истребление зла, Лика, начинается с истребления зла в себе, с избавления от своих дурных наклонностей.

– Вы не ответили прямо на мой вопрос.

Лика-Ежевика снова выжидательно посмотрела на Нику:

– Неужели Вы, Ника, на Лёпса не обижаетесь?

– Дело, Лика, не в обиде. Дело в том, как я реагирую на обиду. Меня однажды обидели, сильнее обидеть уже невозможно. На Лёпса я не обижаюсь. Как можно обижаться на дождь за то, что он идет и после него остается на улице грязь? И в отношениях с Лёпсом мне хочется только взаимопонимания и уважения. Друг к другу. И я действительно не понимаю, зачем нам ругаться? Руганью еще никому ничего не удавалось добиться. Ругань только вредит себе и другим. Можно добиться компромисса путем переговоров, не впуская в разборки других.

Ежевика молча курила, её очень настораживала какая-то патологическая беззлобность Ники, да и взгляды последней на многие вещи казались иллюзорными, они не совпадали со взглядами самой Ежевики и ее подруг. Ника была равнодушна к устрашению и соблазну, не реагировала ни на первое, ни на второе, не препиралась, ни спорила, ни вступала в дискуссии, не стремилась что-то доказывать или обсуждать. Она просто непонятно для Лики отвечала на вопросы. Ежевика чувствовала какой-то внутренний ценз у Ники. Она подозревала Нику в неискренности, думала, что Ника просто хитрое и изворотливое

существо, хорошо притворяется, играет в свою игру, и поэтому питала не особенно дружелюбные чувства к Нике.

Ежевика предполагала, что такие личности, как Ника, ревниво относятся к чувству собственного достоинства, и кроткие, сдержанные, смирные только с виду. А внутри так же, как и все остальные, раздираемы противоречиями и безнаказанно не снесут ни одного публичного оскорбления, могут ответить на хамство или грубость в свой адрес еще более резким словом, несмотря на кажущуюся сдержанность и умение владеть собой.

«Ну, ничего, я тебя выведу на чистую воду, не зря я психологию в институте изучала», – подумала про себя Ежевика, а вслух сказала:

– Лёпс у нас иначе мыслит, чем большинство его ровесников... Полутона, полунамеки он не понимает, его чувства – искренние. Когда он с другими, его нервная система настороже. И расслабиться он может только с теми, которым доверяет. С теми, кто к нему хорошо относится, как я, например. Я, ведь, Ника, можно сказать, вынянчила его, выпестовала, до десяти лет растила. Ему рано повзрослеть пришлось, с четырнадцати лет один жил, и хозяйством, и готовкой, и стиркой занимался. Вот он вас и причислил к тем людям, которые ему зла желают. Вы так неожиданно и, можно сказать, бестактно ворвались в его жизнь. И он это воспринял, как выпад против себя, злонамеренный, тщательно спланированный.

Нике показалось, что Ежевика хочет втянуть ее в какую-то тяжкую междуусобицу, причем, такую, где работает принцип «горе побежденным». А в такие игры Ника давно не играла.

– Почему ты, Ежевика, считаешь, что можешь быть между мной и Лёпсом посредником? Неужели, он сам не может говорить со мной, не может прямо обратиться с претензиями? Или он считает, что уронит свое мужское достоинство, разговаривая со мной хотя бы на равных?

Какое-то время Ежевика, молча, курила, словно обдумывала услышанное. Закурив вторую сигарету, тоже тихо сказала:

– Просто Лёпс очень тяжело сходится с людьми.

– В смысле, неуживчив?

– Нет, Ника, он у нас – особенный. Лёпс очень избирателен в общении с людьми, с кем попало не общается. И характер у него очень порядочный. У него самого ума не хватит на какие-то подлости. У него и в школе-то особенно друзей не было. И в городе, насколько я знаю, только один Виталик. Талантливые люди всегда тяжело с другими людьми сходятся. А Лёпс, у нас очень талантлив, поэтому и рассеян временами, невнимателен к повседневности. Он – вербалик.

– Это как? – последнее слово резануло слух Ники, и она вопросительно уставилась на Ежевику.

– Может иногда накричать, но не конкретно на человека, а только потому, что ему стало плохо. Он тогда кричит всё подряд, всё, что вспомнит.

Ника подняла удивленно глаза на Лику, пожала плечами, и, опустив глаза вниз, тихо заметила:

– Знаешь, Лика, мы раньше так не ссорились. Скорее спорили, считали, что в споре рождается истина. До твоего приезда он вел себя совершенно адекватно. Правда, когда Леночку с Ньюкой в больницу положили, он сорвался, но потом извинился. А сегодня его почему-

то прорвало. И я склонна воспринимать это скорее, как игру в гадкого Малыша-Плохиша и девочку Плохишку. Он сейчас, мне почему-то кажется, пытается втянуть нас в игру «ты-такая, я-такой, ты-сякая, я-сякой». И разыгрывает зачем-то это для тебя, мы с ним игроки, а ты вроде судьи или зрителя. Впрочем, ты брата знаешь лучше, чем я. Тебе виднее.

– Вы по отдельности все такие хорошие, а как вместе соберетесь, так заморочки у вас и начинаются. Он слишком доверчивый у нас и открытый. Простодушный. И этим, к сожалению, многие пользуются. И еще мне кажется, что проблема не в Вас, а в жилищном вопросе.

– Ну, да, как у Булгакова «Их испортил квартирный вопрос».

– Зря иронизируете. Каждому человеку необходимо свободное пространство, чтобы он мог побыть наедине с собой, попеть, помолчать, послушать музыку. Эти потребности надо удовлетворять. Даже у родных людей иногда случается психологическая несовместимость. Должна быть дистанция во избежание конфликтов.

– А дистанция предостаточная. Я его не трогаю. И все ссоры, на мой взгляд, больше для показухи, потому что происходят только в присутствии тебя или твоего мужа.

– Да что вы такое говорите? Такого быть не может.

– Может, его что-то другое волнует, или он боится твоей реакции на то, что с ним происходит? И он всеми способами оттягивает свои неприятности на меня. Ищет сейчас крайнего.

– И что же может с ним происходить? – сузила глаза Ли́ка.

– Все, что угодно. Леночка третий раз с Надюшкой в больнице лежат, а он ни разу не удосужился к ним съездить, зато ежевечерне по клубам с друзьями тусуется, а по утрам, если в институт не пнёшь – сам пойти не соизволит.

– Да такого в принципе быть не может! Он у нас – ответственный! Тем более, если дело касается жены или ребенка.

– Позвони Леночке на сотовый или кому-нибудь из его одноклассников. Послушай их версию происходящего.

Анжелика тут же позвонила Леночке и старосте группы. Недовольное выражение её лица яснее ясного говорило о том, что Лёпсу сегодня не сдобровать.

Положив сотовый в карман, Лика достала из пачки сигарету, с наслаждением закурила. Сделав несколько глубоких затяжек, отрывисто сказала, словно скомандовала, Нике:

– Знаете, Ника, Лёпс сегодня вместе с нами у тетушки ночевать будет. Я с ним поговорю по поводу того, что происходит. Выясню всё, что меня интересует, разберусь. И к Леночке его завтра с утра отправлю. А Вы спокойно спать ложитесь и завтра никуда не ездите. Всё, что надо мы Леночке сами привезём.

Ника равнодушно пожала плечами. Через час после отъезда Лики и Лёпса она поднялась в квартиру. Ей не спалось. Она печальная сидела на подоконнике и вытирала слезы. Легкой кисеей затянул кухню лунный свет. Полная желтая луна висела над соседним домом, заигрывала с тучами.

Ника была расстроена, скорее, измучена своими мыслями. Ей было жалко себя, Леночку, Надюшку. Ей было непонятно поведение Лёпса в последнее время. Ей хотелось домой, к семье, к друзьям.

В углу слышался слабый шорох, черная тень молнией скользнула по полу. Недолго думая, Ника наотмашь изо всех сил швырнула в сторону тени молоток, лежащий рядом на подоконнике. Пронзительно взвизгнув, тень завертелась на полу. Осторожно обойдя ее, Ника щелкнула выключателем. Яркий свет залил кухню. На желтом линолеуме судорожно подергивая лапками лежала огромная черная крыса. Молоток попал ей прямо в голову. Вишневым пятном растекалась по полу лужица крови. Возле длинного розоватого хвоста копошились мокрые лысые крысята. Нику, словно волной снесло к унитазу. Минут пять желудок выворачивало так, что лоб покрылся испариной. От животных спазмов саднило в горле. Она позвонила Лёпсу на сотовый, рассказала о случившемся, он рассмеялся в трубку.

Она снова расстроилась и расплакалась. Превозмогая себя, трясущимися руками Ника выкинула крысу и ее недоношенный помет в мусорное ведро, отнесла на помойку, помыла полы.

За окошком накрапывал мелкий противный дождь. Свернувшись под одеялом, Ника долго пыталась заснуть. Ей мерещились голые крысята и лысый розовый хвост. Наконец, она из всех сил зажмурила глаза: и в черно-фиолетовой тьме брызнули и посыпались в разные стороны серебристые звездочки. Какое-то время Ника следила за их падением. Вскоре силы оставили ее, и она забылась коротким сном. Во сне тоже накрапывал мелкий дождь. Небо, словно просело над серыми крышами лачуг, обступивших рыночную площадь.

Она ощущала странную раздвоенность в себе, в своем сознании. С одной стороны она не отдавала себе отчета в том, что спит, и поэтому стояла с гордо

поднятой головой на скользком деревянном помосте в белом, простого покроя платье с босыми ногами и распущенными длинными волосами цвета махагон и вызывающе смотрела перед собой. Она знала, что она беременна. Она чувствовала в себе подтверждающую себя толчками пока еще неродившуюся, но уже существующую жизнь.

А с другой стороны, прекрасно осознавая, что это сон, она с нескрываемым интересом рассматривала, как на маленькой сцене перед ней разворачивается действие, в котором она была главным действующим лицом. И была еще одна Ника, которая видела и осознавала этих двоих в единстве.

А сон-чаровник неспешно вязал свое кружево, рассказывал о Нике, о Лёпсе, о их жизни и непростых отношениях.

Она слышала, как Лёпс настаивал, чтобы она отреклась от своих убеждений ради жизни, ради неродившегося ребенка, отцом которого он был. А для Ники легче было принять смерть от его руки, чем жизнь такой ценой, ценой предательства себя, своих убеждений.

Не роль захватила ее, а плотно скрученный жгут сюжета. С одной стороны, она силилась понять его абсурдность, как и почему такое случилось с ней и Лёпсом, с другой стороны, она чувствовала свое мужество и смирение перед судьбой, непогрешимость своих идеалов и веры в то, что Бог есть любовь, а Любовь – высшая истина, которая преодолевает физическую смерть. Сквозь просветы сероватых туч голубело небо, поблескивало солнышко. Лёпс с окаменевшим лицом поджигал факелом костер из толстых сучьев и соломы, а его бездонные пронзительно-вопросительные глаза, казалось,

выжигали насквозь душу Ники. Но не это волновало Нику, ее беспокоило странное одеяние Лёпса.

Новая одежда была покрыта множеством линялых, дырявых, местами зашитых, местами штопанных меланжевыми нитками, местами ветхих, местами новых: то однотонных, то разноцветных заплаток. Ей хотелось крикнуть, но губы только смогли беззвучно прошептать: «Скинь, скинь, немедленно эти одежды!» А вокруг помоста стояли и, молча, смотрели на происходящее люди в дырявых одеждах, и дыры эти совпадали с заплатками на Лёпсовом одеянии. А костер разгорался, пламя подбиралось к ногам, воздух дрожал от языков пламени, белые клубы дыма поднимались вокруг Ники.

Ника почувствовала, как невыносимый жар пересушил горло, и вспыхнули с каким-то звонким треском ее густые волосы. Она заплакала от бессилия того, что ничем не может помочь ни себе, ни Лёпсу. И в тот же миг к ней пришло осознание того, что их души рано или поздно встретятся, чтобы снова посмотреть друг другу в глаза и понять, что на свете есть только одна высшая истина, имя которой – Любовь к ближнему. А все остальное только погрешности человеческого ума. И в тот же момент она вдруг почувствовала, что стала бесцветной струйкой дыма, теплым колыханием воздуха. Ее окружила обступающая со всех сторон густая, все поглощающая черно-фиолетовая тьма.

И в этой тьме она снова ощущала свое тело, вращающееся, словно в широкой засасывающей воронке, рассыпающееся на мелкие звенящие, острые, осколки, пронизывающие эту тьму, словно живую плоть.

И она вдруг поняла, что все, что происходит с ней – это не игра воображения, не сон, а что-то другое, ведь ее чувства сейчас самые, что ни на есть, реальные, настоящие.

Но реальность сна сопротивлялась, Нике казалось, что она проталкивает множество себя, многократно уменьшенных, превращенных в эти хрустальные осколки, сквозь сжатый плотный воздух тьмы, словно сквозь огромное живое сито.

И в новой, более густой тьме собирается, складывается из этих осколков, как из пазлов, новая Ника. И где-то там, в пространстве, в межвременье, ее ждет новая встреча с Лёпсом, с его пронзительными глазами. И как только эта мысль проскользнула в ней, так все образы вдруг утратили чёткость, сменились размытыми бесформенными пятнами, и Ника тихонько всхлипнула во сне.

Глава 8

1

Машина слегка покачивалась при езде. Вокруг обочины дороги словно кипели в сиренево-лиловой пене цветущего цикория небольшие холмы и лощины, среди которых нет-нет, да и скользила ухоженная, сплошь из новеньких, кирпичных домиков деревенька с золотым куполом голубоватой церквушки или устремленной ввысь зеленоватой мечетью, увенчанной полумесяцем и звездой. В динамиках пела однообразная бесконечная песня. Леночка, поворочавшись, привалилась поудобнее к сиденью и затихла. Надюшка, утомленная однообразной качкой, вскоре тоже заснула. Езда навевала у Ники легкие текучие мысли, они мелькали, не тревожа, не печалая, как разноцветные

пятна за стеклами машины, вселяя умиротворение и спокойствие.

В Малиновку приехали засветло. Залаяла, выскочив из будки, радостно метнувшаяся к воротам, Багира. Испуганно шарахнулись, громко протестуя отчаянным квохтаньем, в сторону от дороги куры. Неспешно выплыли из-за угла важные надутые индюки, остановились недалеко от крыльца и, скосив голову набок, недовольно затрясли красными наростами, замотали длинными серьгами на бороде. Заспешил от сарая навстречу гостям, вытирая руки об ветошь, здороваясь на ходу, Петрович. Показалась на крылечке в ярком фартуке с подобранными под косынку волосами уставшая Ядвига.

В течение дня она успела несколько раз покормить уток, гусей, индюков, собаку, переговорить, сидя на лавочке, с благообразной соседкой, бывшим педиатром, коротающей свою старость в покосившемся деревянном домике вместе с молчаливым, вечно занятым приусадебным хозяйством мужем, о деревенских новостях, о погоде, колорадских жуках, напавших в этом году на картофель, похвалилась тем, что сегодня треть ведра этих тварей собрала и утопила в керосине, посетовала о том, как трудно сводить концы с концами пенсионерам: цены так и растут, что на рынке, что в магазине, и что пора уже мед качать, да муж что-то затягивает. А у самой нет уже ни сил, ни желания. Да и вообще пчёлы – сплошной убыток, то рамки купи, то вошину. И покупателей самой искать приходится, перекупщики-то все норовят обмануть, себе выгоду делают, мёд по дешевке покупают.

Посидела с часок в подвале, проветрила сундуки: чего там только не было! Все с Севера вывезли, да в деревне не пригодилось пока. Но всё

хранилось на случай. Вдруг пригодится: книги, кастрюли, вещи, пальто, ковры, старая мебель.

И часа три потом хлопотала по хозяйству: мыла, перетирала посуду, начищала вилки и ложки, доставала из баночек грибочки собственного приготовления и прочую снедь, готовила свое излюбленное блюдо. Ей хотелось показать себя с лучшей стороны. Надо было бы пиццу испечь да котлеты, жаркое, перцы фаршированные сделать. Да ладно, завтра этим с утра займется дочка, не вовремя её унесло в поселок к бабушке.

– Как доехали? Как самочувствие? – Ядвига спрятала руки под передник. Она стеснялась своих сморщенных, с обломанными ногтями и заусеницами рук. Завистливо посмотрела на наманикюренные, с какими-то немислимыми радужными разводами ногти Ники, на ее длинные пальцы, унизанные золотыми колечками, на облегающий красный сарафан в белый горошек, на нитку огромных красных бусин на шее.

– Неплохо доехали, и самочувствие хорошее, – улыбаясь и вглядываясь хозяйке в лицо, ответила Ника.

– Надюшку вот только укачало, положить бы где-нибудь.

Она вопросительно посмотрела на Ядвигу.

– Это очень хорошо, очень хорошо, – слова были сказаны безразличным тоном. – Что на улице-то стоять, в дом проходите. Я там комнаты всем приготовила.

И первой шагнула в прихожую. Безразличный тон резанул ухо, но Ника решила не обращать внимания на это. Мало ли чего. Может, просто человек устал.

Положив Надюшку на расстеленный диван, подперев сбоку подушкой: не дай Бог, упадет, Ника вышла на кухню к Ядвиге.

Кухонька была обставлена просто, без затей: мойка, газовая плита, обеденный уголок, стандартные шкафчики с обилием заварочных чайников всевозможных размеров и расцветок. Трубы отопления обтянуты самоклеющейся пленкой с изображением зеленого плюща, микроволновка, кофемолка, кофеварка. Пара натюрмортов и расписных тарелок на оклеенных серо-голубыми обоями стенах. Яркие цветочные горшки с цветущей примулой на подоконниках.

– А вы как живёте?

– Без нетерпения и спешки. Всю жизнь мечтала об этом и теперь этим пользуюсь, – Ядвига приподнялась со стула, на котором сидела и перекуривала перед открытым окном.

– Да, садитесь же, садитесь. Я сейчас квасу на березовом соке налью.

Притушила в пепельнице окуроч. Неторопливо, шаркая туфлями без задников, подошла к холодильнику, достала трехлитровую банку с мутноватой жидкостью, медленно принесла, медленно налила в красивый шестигранный стакан, неторопливо поставила перед Никой, сидевшей за угловым столиком.

– Попробуйте.

От холодного напитка заломило зубы. Ника поставила стакан на стол.

– Вкуснотища какая, только очень холодный. Первый раз в жизни такое пробую, даже и не представляла, что на березовом соке можно квас делать. Сами делаете?

Ядвига усмехнулась ее наивности:

– Кто ж еще делать-то будет? У нас тут ни супермаркетов, ни баров нет. Всё сами, всё своим трудом.

И она тяжело вздохнула.

Ника выглянула в окно. Слева высокий забор отгораживал огромный, заросший цветущей полынью и лебедой двор от проезжей дороги. Справа сквозь ажурные металлические сварные ворота было видно, как полого спускался вниз огород, переходя в поле. За полем начинался холмистый склон, поросший березняком и земляникой. От дома вела тропинка, к полю и холму.

— Я смотрю, у вас огород большой. И всё словно по линейке, сразу видно, с учетом всех особенностей, высажено: и перчики, и огурчики, и помидоры, и кабачки, и всё остальное...

Ядвига гордилась своим огородом, и вольная или невольная похвала Ники пришлась ей по душе. От этого она сделалась необычайно любезной, и, улучив момент, повела Нику в огород, показывать парники, огород, рассказывая по ходу какие у неё помидоры, какая у нее клубника, какие у нее ягодники, какая баня, пасека, сарай.

— Вот тут у меня образцово-показательная деляна. Под окнами, чтобы сразу всё видно было. Там-то за домом, где стена глухая и ворота, руки никак не доходят. Их-то всего две. А Анжелка дому не принадлежит, — вздыхая тяжело, говорила маменька Нике. — Она вечно в бегах, то у нее — подружки, то — развлекательный центр, то к родственникам за пятьдесят километров поедет, то по магазинам бегаёт. Всем ее жизнь принадлежит, всех ей увидеть надо, всем помочь, всегда всем она нужна, вся в делах и хлопотах. Всегда на виду и в компании. Правильно, чего дома-то сидеть, надо на людях быть, чтоб заметили.

— А как же семья?

– Семья-то у неё крепкая. Андрей никуда от неё не денется. Он приучен в достатке жить. Она вся в нас, как все Красулины – добытчица. Денег в пять раз больше его зарабатывает. Что ещё для счастья нужно?

– Кому – что, – безропотно согласилась Ника. – Кому-то только денег достаточно.

Она задумчиво посмотрела на Ядвигу. Та многозначительно заметила:

– Это только в пословице говорится, что «С милым рай в шалаше». А в жизни, если муж с положением и средствами, то любовь необязательна. Её ведь ни в холодильник, ни на сберкнижку не положишь.

Ника опустила глаза, что-то неприятное шевельнулось в районе живота, она сорвала травинку и стала вертеть ее в руках:

– Действительно. Сколько людей – столько и мнений. Любовь ни в холодильник, ни на сберкнижку не положишь. Материи разные.

Ядвиге почему-то казалось, что Ника с ней играет словами, как кошка с мышкой. Она в запале произнесла:

– Мы с Родионом – люди простые, деревенские. В рассуждения только по существу пускаемся. Одной любовью сейчас сыт не будешь. Всем деньги нужны, особенно молодым. Мы всё мечтали с Родионом о том, что дети вырастут, станут другими, умными, добрыми. Все хотели, чтобы мы детям вроде друзей были. И воспитывали соответственно. Я им и теперь предлагаю свою помощь, себя со своим большим жизненным опытом. Настаиваю, чтобы все было правильно, как я в школе учила, а они хоть бы хны. Легкомысленны. Сами по себе живут, о нас вспоминают только тогда, когда деньги у них заканчиваются. И кто их им кроме родителей даст? И сколько им не дай – все мало. Не

дети, а бездонная бочка. Оно и понятно. «Без барашка в бумажке» в институте делать нечего. Еще, когда Анжела училась, мы с этим обирательством столкнулись. Всё теперь в институтах за деньги: зачёт получить – так коробку конфет и бутылку вина в презент преподавателю дать надо, на экзамен не только столы накрыть для комиссии, но и в зачетку что-нибудь положить надо, иначе выше «тройки» не поставят. Да не мне Вам рассказывать... бабушка ведь, поди, рассказывала, как в институте на студентах наживаются?

И хотя Ника с любопытством ожидала, чем закончится подобное многословие, и что же все-таки скрывается за всем этим потоком слов, ответить она не успела. Растерялась. А Ядвига, тем временем, поспешила к Петровичу, позвавшему их с крыльца.

Вскоре на столе уже дымились домашняя лапша с куриными потрохами, стояли тарелочки с маринованными грибами, однокалиберными солёными огурчиками, с хрусткой квашеной капустой, посыпанной моченной брусникой, подрумяненными в духовке кусочками ароматного мяса. Петрович аккуратно взял за горлышко пузатую бутылку с домашней вишневой наливкой, не торопясь, распечатал, разлил по стопочкам:

– Давайте перед началом беседы по старому обычаю чарочку пропустим.

Выразительно оглядел всех домочадцев, сидевших за столом, с удовольствием выпил, крикнув, посмотрел на Нику:

– Ну, рассказывай.

– О чем? – спокойно спросила Ника, ставя неполную стопку на стол. Ей не понравилась слишком сладкая наливка.

Петрович недовольно крикнул:

– Как о чем? Чем в городе живите, чем занимаетесь?

– Да собственно, как всегда: быт, ребенок, двое студентов, – пожала плечами Ника.

– Ну, да. Ну, да, – неопределенно, словно в задумчивости, произнес Петрович:

– Действительно, какие в городе дела? Вот Ядвига – человек у меня ответственный. Ей за весь день, не то, что прилечь, присесть некогда, целыми днями на огороде: и живность накормить надо, и траву прополоть, и полить, и за пчёлами присмотреть. На себя уже и времени не хватает. Всё для пользы семьи, для приумножения достатка. Верно, жена, я говорю?

– Верно, верно, – Ядвига уже колдовала над чайником, смешивала только ей известные травки. – Кроме меня никто с хозяйством не справится. Целыми днями, как белка в колесе, кручусь, иной раз даже приготовить себе не успеваю. Сухомятничая, пока ты с вахты не приедешь. А как приедешь, так у меня еще работы прибавляется: тебя накормить, постирать.

Ника удивленно посмотрела в сторону Ядвиги. Что такое жизнь в деревне, Ника знала не понаслышке: детство она провела в степном поселке, а отрочество и юность в дальневосточной деревеньке. Семья была многодетной, и хозяйство было крепкое, зажиточное: и куры, и утки, и коровы, и свиньи, и кролики, и сорок соток земли, не считая ягодника. И все успевали: и сена заготовить, и траву прополоть, и варенье сварить, и корову подоить, и на речке позагорать, и на левый берег на катере прокатиться, на песчаных плёсах рыбу половить, и за грибами, ягодами и прочими дикоросами в тайгу сходить, и природой полюбоваться: на восходы, закаты, звезды, и в кино, и в театр, и в цирк, и в музеи в

город съездить, а про порядок в доме и говорить нечего. Все всегда на своем месте было. Ника вздохнула, вспомнив свои любимые дачные восемь соток, и выглянула в окно. Заросший полынью и лебедой двор всколыхнул какие-то неприятные чувства. На дачном участке Ники всегда был порядок, от которого каждое воскресенье ломило спину, и гудели руки.

А Алёшка тем временем, сидя напротив Ники, искоса посматривал на родителей и дивился переменам, произошедшим с ними за последние четыре месяца.

За столом Родион и Ядвига были необычайно радушны, хлебосольны, являли собой пример добродетели и порядочности, разыгрывали дружную и любящую чету: заботливого, хозяйственного отца и предупредительную, ласковую, трудолюбивую мать.

Его так и подмывало сказать какую-нибудь гадость. Правда, какую, он еще не придумал. Перехватив взгляд Ники, он довольно ухмыльнулся и стал незаметно от маменьки и папеньки перекладывать из её тарелки в свою сочные кусочки жареного мяса, которое она принципиально не ела по причине поста.

2

— Дед-то мой травником был. До революции частную аптеку держал, а в тысяча девятьсот восемнадцатом году ее отобрали и отдали губернскому отделу. Медицина-то тогда тоже земской была, бедных и неимущих бесплатно лечили. В поселке фельдшер был, так народ не к нему, а к деду моему ходил, он ведь и вывихи вправлять умел и мозги, умел вазелин из нефти делать и мази по бабкиным рецептам. А бабка славно роды принимала, и от всяких женских хворей и немочей избавляла. Через год после того, как лавки

аптечной дед лишился, тиф начался в округе, а следом холера пришла. Фельдшер-то и умер. А дед – ничего, выжил. И семерых детишек, чьи родители во время эпидемии померли, выходил, травками отпоил и приёмышами своими сделал. Детей-то своих у них с бабкой не было: либо мертвыми рождались, либо в младенчестве помирали от «родимчика». Дед-то к знахарю сильному в лес ездил, тот и научил, что делать, чтобы свои дети родились. Они с бабкой чётко все сделали. Дед все сына хотел, чтобы умения свои по наследству передать, но Бог им двух дочек послал. А приемные сыновья все в первый год войны погибли, только Микола без вести пропал.

Ядвига неторопливо сполоснула в красном тазике голову, вылила воду на себя, неспешно обмоталась махровым полотенцем. Ника резко привстав, едва одолела головокружение, потеряла ладонями виски. Заметив ее полуобморочность, Ядвига тихонько сказала:

– Посидим в холодке немножко, торопиться нам некуда, а баня с непривычки коварной может оказаться. Попейте кваску, охолоните. А я перекурю пока.

И неторопливо вышла в предбанник. Ника выскочила следом из горячей парной. Удобно усевшись на широкой скамье, потягивая холодный березовый квас, Ядвига продолжила свой рассказ:

– Маменька моя сразу после войны замуж за своего начальника вышла. Похоронка на него в апреле сорок четвертого пришла. Мать его и умерла сразу от разрыва сердца: думала, что сына бомбой разорвало. А его землей в воронке засыпало и ранило тяжело, двое суток без сознания пролежал. Ногу оторвало, снаряд таким горячим был, что ровненько так рану оплавил. А потом наши в наступление пошли, и санитарка,

щупленькая, как воробышек, его с поля боя на себе вынесла. А папенька мой крупный был, под метр девяносто, крепкий, жилистый... Он потом полтора года по госпиталиям мыкался: четыре операции на руку перенес, контуженный сильно был, да и ногу назад ему врачи пришить не могли. Вот по инвалидности и списали.

Вздыхнув тяжело, Ядвига встретила глазами с Никой, и, потянувшись всем телом, до хруста в лопатках, заметила:

– Жалостливая у меня маменька была. Библиотекарем в школе работала, а папеньку директором партия туда поставила. Я до шестнадцати лет себя Марией считала, и подруги меня так звали, и все родственники. А пошла паспорт получать, оказалось, что Ядвига. Папенька меня так в честь спасительницы-медсестры назвал. Поревела-поревела и стала в одночасье Ядвигой. Деваться-то некуда. Раньше дети отцов чтили. Уважали. Не то, что сейчас.

– Странно жизнь человеческая складывается. Предполагаешь одно, получаешь другое, – Ника, словно не услышала последней фразы Ядвиги. – Я вот в забайкальской степи родилась. Среди бурят в детстве жила, а потом оказалось, что прабабка моя знатного рода. Дядьку ее в девятнадцатом веке в кандалах в Сибирь, по приказу царскому на рудники отправили за политику. А тетка следом из Польши, с пятилетней племянницей-сиротой поехала. Предпочла мужа всей остальной родне. Хотя тоже отца своего чтила.

– А как же русской бабе без мужика прожить? Хоть на край света отправишься, коли любишь. Как я в свое время за Родей.

И Ядвига неторопливо, словно разговаривая сама с собой, стала вспоминать свою юность:

— Мы тогда в Михайловке жили. Я с парнем из соседней деревни дружила, нравился он мне сильно, я все мечтала, что замуж за него пойду. Только как-то раз пошли мы в эту самую деревню с подругой на танцы. Смотрю, а он с другой уже танцует, на меня не смотрит, с ней за ручку весь вечер ходит, в шейку целует. Меня всю от обиды прямо затрясло. Ну, думаю, побегаешь еще ты за мной. Ушла я одна в деревню, чтоб никто слез моих не видел. А в следующее воскресенье подруга моя с братом на танцы пошла и меня с собой позвала. Брат только с армии вернулся. Вот я с ним и закадрила. Света мне всячески пособничала, через три месяца свадьбу и сыграли. Родиону двадцать один исполнилось, а мне уже двадцать шесть на тот момент было. Мать его меня сразу невзлюбила. Она из Федоровки, а там все чувашей не любят, что-то прадеды наши сто пятьдесят лет назад не поделили, вот они и ненавидят нас всех до сих пор. А моя матушка Родиона сразу признала. Еще в женихах когда ходил, она с ним на крылечке бутылку самогона выпила. А потом мне сказала, чтоб я за Родиона держалась: парень он хороший, во хмелю не буен. И если под себя его воспитаю, буду в скором времени, как сыр в масле кататься. Он ради детей на все пойдет. Подсказала мне, что и как сделать, чтобы свадьбу сыграть. Стали мы у свекрови жить. Света тоже в этот год за городского студента замуж вышла и в город укатила. В воскресенье да на праздники только с ней и встречались. А как девчонки наши в один месяц родились, мы два месяца у свекрови под одной крышей жили. Родион-то вечерами дома не сидел, все по друзьям-товарищам неженатым ходил. Меня на свои гулянки никогда не брал, говорил, что я — старая, и дома больше пользы принесу, если матери помогать буду. Выпивать потихонечку стал. Мы со Светой думали, что

после окончания техникума он переменится, перебесится, повзрослеет.

Ядвига внезапно замолчала, приоткрыла дверь в парную, сразу потянуло влажным теплом и распаренным березовым веником:

– Пусть немного протянет. А мы потом еще немножко попаримся, торопиться-то некуда, мы последние.

– Ну, и квасок у Вас, будто колотого льда накидали, – Ника смаковала настоящий на травах и меду квас. Короткие глотки холодной жидкости, словно проступали у нее на щеках нежной розовостью, остужая разгоряченную кровь. Тело ей казалось невесомым, воздушным, словно сотканным из неги. Она с непонятным чувством слушала поскрипывающий, как лодочные уключины голос Ядвиги, обволакивающий ее сознание, словно сахарная вата палочку.

– Комнату нам в общежитии дали, Анжелика в садик пошла, а Родя все поздно приходит. Как-то я на рубашке следы помады у него нашла, как кошка в него вцепилась, всего исцарапала, но он так и не сознался. Тут Света приезжает из города и говорит, что в Северном стройку комсомольскую начинают, туда энергетики и учителя требуются. Еле-еле Родиона уговорила в райком сходить, я-то к тому времени по возрасту уже из комсомола вышла. Приехали в Северный, квартиру в новом доме получили сразу. Только оказия вот такая вышла: в жилконторе там парень мой бывший начальником работал. Родя, как про это узнал, так его совсем переключило, пришел: глаза белые, пьяный весь и давай меня на весь дом честить, всех моих родственников, особенно матушку поминать нехорошими словами. Насилу его успокоила, но пить он стал с той поры часто. Однако я его быстро приструнить

научилась. Придет домой, не угодит мне чем-нибудь, я как прикрикну на него. Дверями захлопаю, вещи соберу и за дверь выставлю, и из квартиры гнать начинаю. Мне ведь ее, как учителю дали. «Все! – кричу ему: – Не буду жить с тобой, к партком пойду, найдут там на тебя управу... Разведусь с тобой. Я денег столько же, сколько и ты зарабатываю, моя дочка с голоду не опухнет».

Он Анжелику поцелует, и за дверь, как ошпаренный выскочит. А я по своей натуре – отходчивая, добрая, через полчаса оленины нажарю, выйду на площадку, а он там на ящике овощном сидит, трубочку свою покуривает, почти трезвый. Сяду рядышком: «И охота тебе на лестнице сидеть, соседей веселить? Пойдем в квартиру». Вещи его заберу, по местам всё разложу, оленину на стол поставлю, посидим-повечерничаем, чайк с вареньем попьем, зато такая ночь потом у нас сладкая. Так вот и жили четыре года. А потом жизнь моя в одночасье изменилась. Вернулся как-то Родион с вахты, подошел ко мне и говорит: «Слушай мать внимательно, роди-ка ты мне сына, а то ведь помру скоро, и фамилию свою оставить будет некому». Я сначала возмущаться стала, на дыбы встала: «О каком сыне речь может идти, если ты третий год пьешь не просыхая?» А он подошел, пальцы в кулак сжал и как ударит меня из-за всех сил. У меня в глазах сразу потемнело, чувствую только, что из носа что-то как потекло... А он навис надо мной и как зашипит прямо в ухо: «Ну, смотри, мать, если ты рожать не хочешь, то другая с удовольствием от меня родит. И не одного, а целую роту», – повернулся и, дверь хлопнув, вышел из комнаты. Тут я и испугалась по-настоящему. С одной стороны, бабе почти сорок, как рожать в этом возрасте, а с другой стороны, Родиона терять жалко, ведь точно к другой уйдет. И кому я нужна буду в сорок

лет, и как мне на одну зарплату Анжелику еще лет десять тащить. Проревела белугой всю ночь, но думаю, хоть выгоду какую-то поимею. Прихожу утром на кухню, он сидит кофе пьет. Стала тихонечко возле двери, глаз не поднимаю. Спрашивает: «Ну и чего ты, женушка разлюбезная, за ночь надумала?». «Сына родить тебе собираюсь». «Ну, садись рядом, условия наши обговаривать будем. Чего хочешь?» «Чтобы сын здоровым родился, хочу, чтобы ты пить на год перестал. Почистился, всю дрянь из себя вывел», – и в глаза ему пристально так смотрю. Крякнул он, но год на диетах всяких сидели. Насчет вахты не знаю, пил он там или не пил, но дома молодцом держался, только курил много. Да кто на Севере не курит-то? А в отпуск на материк поехали. Я маменьке про наш с Родей уговор и рассказала. Промолчала она тогда, повздыхала, но травки для Родиона какие-то дала и топор с ключом старым под кровать положить велела. Вот через месяц я и забеременела Алешкой. Тяжело носила, а роды еще тяжелее были, я ведь опять на материк приехала, побоялась на Севере-то рожать. Но все равно перервалась вся, и кости тазовые все мне вывихнуло. Пока врачи мной занимались, ребенок криком исходил, грыжу себе большую накричал. Крупный он был и беспокойный. Я после родов пластом долго лежала. Так его отец, бабка и Анжелика купали, поили, пеленали и под сиську мне подсовывали. Он ведь у нас почти год в пеленках жил. Туго пеленали, боялись, что уши себе оторвет или глаза выцарапает. Такой он беспокойный был и настырный. Да таким, собственно говоря, и остался.

Оживленная, полная впечатлений, заскочила в предбанник Лика. Чмокнула мамуську в щёчку, торопливо разделась, шмыгнула в парную.

Ядвига осторожно, словно скатывая несуществующие катышки с кожи, потерла переносицу носа и виски, тихо сказала:

– Я всегда раньше все про всех знала. А теперь ни Анжелика, ни Алёшка ничего мне не рассказывают о своей жизни. Приходится делать вид, что понимаю и смысл, и значение всего, что в их жизни происходит, что признаю и одобряю их решения. А объяснять мне что-то они считают неуместным и даже лишним для меня. Вот и приходится самой только догадываться, домысливать. Самой до правды докапываться.

– И как, получается? – улыбнувшись уголками рта, спросила Ника.

– Что получается? – Ядвига настороженно изподлобья глянула на Нику.

– До правды докапываться! – Ника открыто смотрела в глаза Ядвиге.

– Трудно. Но получается. За тридцать лет работы в школе я научилась виновников вычислять, – Ядвига отвела взгляд, приподнялась с лавочки, неторопливо налила квасу, прошла в парную, плеснула на каменку.

Зашипели, затрещали камни, словно пара грецких орехов, сжатых сильной рукой. Взметнулся пар белым облаком к потолку, запахло медом и травами. Закрыв за собой дверь, и блаженно потянувшись, Ядвига заметила:

– И вообще, всё кругом – один обман, всё кругом – сплошное зло. Одни враги и завистники... И все вокруг морочат голову: и политики, и книги, и телевидение, и радио, и экстрасенсы, и деточки любимые. Правда, лишь в том, чтобы с нас что-то поиметь.

— А по-моему, докапываться до правды долго и утомительно. Проще жить по принципу: нет правых и нет виноватых. Есть просто положение вещей. Есть взаимоотношения. Либо нравственные, либо безнравственные, — Ника поплотнее завернулась в махровую простынь.

— Я вот всю жизнь в школе работала. Завучем была, даже директора во время его болезни и отпусков замещала. Никто слову моему никогда не перечил ни в школе, ни дома.

Обиженно вздохнув, Ядвига ворчливо продолжила:

— Всех в строгости держала, никому слова плохого не сказала. Обо всех переживала. Страсти-то — высокие на Севере, то просто низменные, корыстные, то вполне человеческие. Вот у нас учитель черчения как-то не сдержался в конце учебного года. В запой ушел, побил жену. Мы его уж стыдили-стыдили на профсоюзном собрании. Вошли в положение. И чтоб семью не разрушать, и кадры сохранить, путевку дали в санаторий на Чёрном море. Надо было, чтоб нервы он свои подлечил, а то ненароком вместо жены на детей в школе бросаться начнет.

— Странная позиция была у вас, как у завуча школы: пьяницу и дебошира премировать.

— Чего же странного? Кадры сохранять надо, иначе кто уроки вести будет. А то, что он дома творит — это не наши проблемы. Всяк имеет право жить так, как ему нравится. Главное, сор из избы не выносить. А то, что люди подумают.

— Шила в мешке не утаишь.

Ядвига Николаевна поморщилась.

– А чего таить-то? Посёлок маленький. Я всё про всех знала. Как скажу – так люди и делали. Не то, что теперь.

– Люди теперь не такие, другие, свободные.

– То-то и оно, что свободные, совсем распустились, строгости нет, все ходят быть добренькими за чужой счет. Вот смертную казнь зачем-то отменили. Подонок какой-то жизни порядочного человека лишил, а общество о гуманности вопит, предлагает ему камеру и пожизненное существование за счет нас, налогоплательщиков. А мы все это еще и терпеть должны.

– А у племени майори обычай есть: если кто-то кого-то убил, то семья убитого берет себе на жительство взамен убитого кого-нибудь из близких родственников убийцы. Своеобразного заместителя.

– Так они же народы примитивные, неразвитые. Сами подумайте, куда чувство ненависти-то к убийце денешь?

– Туда же куда и чувство любви, – неопределенно ответила Ника, в раздумье опуская глаза к полу.

3

Пока Ядвига утром кормила кур, ходила на огород за зеленью и огурцами, Лена по ее просьбе порезала хлеб, колбасу, сыр, расставила тарелки на кухонном столе, дожарила омлет с кабачками, налила в плошку молока для котенка Тишки, пригласила к столу с решимостью хозяйки всех обитателей.

– Садитесь завтракать, я за вами за всеми поухаживаю. Правда, красиво? – она протянула мужу тарелку с омлетом, в которую положила пару ломтиков,

поджаренной до нежной хрусткости докторской колбасы, посыпав все это мелко порезанной зеленью.

– Правда, правда, – Алёшка с удовольствием взял тарелку из ее рук. – Садись, быстро рядом, а то маменька обидится, что ты ее без работы оставляешь.

– Главное, в чужом доме посуду мыть не надо, а то муж гулять будет, – заметила с набитым ртом Анжела.

– А разве мне этот дом чужой? – округлив глаза, спросила Леночка.

– Да нашенская ты, нашенская. Это Анжела так тебя подначивает, – поспешил успокоить ее Петрович. – Хотя... ты и Ника из другой среды обитания. Городские. Не деревенские. Поди, с какой стороны к корове подойти не знаете.

– Зря ты так, Петрович, – Ника оторвалась на мгновение от Надюшки, которой скармливала абрикосовое пюре со сливками. – Хотя ты меня городской и считаешь, но и корову подоить, и траву скосить, и огород прополоть, и курицу ощипать я и сейчас смогу.

Алёшка с удивлением посмотрел на нее, растянул губы в улыбке, подмигнул батюшке левым глазом:

– Ну, вот Ника, сама напросилась. Видишь, у нас во дворе трава выше меня вымахала. Батя тебе косу после завтрака даст, покажешь на что способна.

Петрович недовольно посмотрел на сына:

– Ты, сватья, уж его словоблуда не принимай всерьез. Он косу-то сам никогда в руках не держал, не знает что такое.

– Зато я, Петрович, знаю, и от слов своих не отказываюсь. Тащи косу из сарая. Так уж и быть, покажу зятю мастер-класс.

Ника отвернулась, взмахнула косой, и вся мгновенно погрузилась в работу. Взмах, шаг вперед, взмах, шаг вперед, полуоборот головы. Руки-ноги молодо округлены, плечи прямые, ни согбенности, ни полноты нет. Стройная, девичья фигурка в ярко-красном горошистом сарафане.

Ника снова по-мужски сильно взмахнула косой, высокая трава легла ровным рядком прямо перед ее ногами, она остановилась, поправила зачем-то скошенную траву грабелями, приделанными к косе, отерла тыльной стороной ладони испарину со лба, посмотрела на Алёшку:

– Хочешь попробовать.

Он лениво подошел, осторожно взял косу, примерился, взмахнул. Вжикнув, коса срезала неровную полоску травы. С непонятной обидой для себя, Алёшка перехватил насмешливый взгляд Ники. Торопливо сунул ей косу обратно в руки:

– Не мужское это дело. У тебя лучше получается. А я лучше на озеро с Леночкой съезжу. Покупаемся.

И он быстрыми шагами направился в дом. Ника пожала неопределенно плечами, обвела глазами заросший пустырь возле дома, и не торопясь, начала его выкашивать.

Закончив работу, Ника аккуратно оттерла сухой тряпкой лезвие косы, прислонила ее к стене сарая.

Краем глаза Ядвига наблюдала за Никой. Ей хотелось знать, какую власть она имеет в семье ее сына, как относится к зятю. Есть такой способ разговорить, и Ядвига всегда им в школе пользовалась. Говорить начинала задушевно, откровенно. Но о малом. О

ничтожном. Не представляющем для нее ценности. Если так чуть-чуть поговорить с другим, глядишь и выложит человек все, что на душе у него лежит. Что ж, пусть будет и сейчас так. Даже малая Никина откровенность тоже ведь на пользу и ей, Ядвиге, и Алёшке пойдет. Главное – не сокровенное. Главное-то оно – только кажется другим главным, душевным, зато на миг, на время сблизит её и Нику. И этого достаточно.

Ядвига подошла сзади, перевесила косу под навес, присела на лавочку возле бочки с водой. Ника села рядом.

– Леночка очень пришлась нам всем по душе. – произнося эти слова, Ядвига широко улыбнулась.

Ника удивленно подняла брови, и посмотрев пристально на Ядвигу, заметила:

– Алёшка тоже парень не промах.

– Я сама не один десяток детей воспитала, – с горячностью в голосе перебила её Ядвига. – Знаю, каков мой сын, не надо мне про него рассказывать. И вообще, я всё про своего сына знаю. У меня всегда совершенно неопровержимые сведения о нём. Он ведь старается по каждому поводу со мной посоветоваться. Разве Вы сами не видите, что он старается по каждому поводу со мной советоваться?

Ника тоже улыбнулась, она знала цену «неопровержимым сведениям» и с любопытством посмотрела на Ядвигу. Ну, раз хочется той поиграть в откровенность, то отчего бы и ей, Нике, не поиграть.

– Не знаю, поймёте ли Вы меня правильно, – Ника неторопливо пожевала травинку, зажатую в левом углу рта.

– Я пойму, – заторопилась с ответом Ядвига. – Я пойму всё правильно, так, как мне надо, – она особенно подчеркнула голосом последние два слова.

– В том и дело, что мы с Вами понимаем только так, как нам надо, а не так они это понимают...

Ядвига пытливо посмотрела на Нику.

– Я сына своего, как открытую книжку читаю и о всех его переживаниях и волнениях знаю.

– Почему Вы сына постоянно контролируете? Он ведь давно уже взрослый.

– Да разве, Ника, я его контролирую? – Ядвига привстала с лавочки и стоя, сыпала скороговоркой: – Пусть живет, как знает. Только пусть всегда помнит, что у него мы есть: его родители. Мы его родили, мы его воспитали, мы за него ответственность перед людьми несем. И мы всегда ему на помощь придем, деньгами ли, советом, но поможем – пусть только скажет, что ему надо...

Ника тяжело вздохнула и с силой сцепила пальцы рук:

– А что ему надо?

– Денег, Ника, денег! Сколько денег не дай – все мало. Дети-то мои, как бездонная бочка... Алёшка, вон пыль в глаза пускать любит и воображает тут из себя... А что он без наших денег? Так, пустое место. Разве не так?

Ника неопределенно покачала головой и погладила по шее подбежавшую к ней Багиру. Не дождавшись Никиного ответа, Ядвига вставая с лавочки, обиженно сказала:

– Да мы привыкли к тому, что нам прямо на вопросы не отвечают. Мы – люди доверчивые, всему верим, а нашей добротой все пользуются. Взять хотя бы соседку, Алевтину, молоко так и норовит вчерашнее подкинуть, а не парное.

Алёшка внимательно наблюдал за Никой в деревне. Ему нравилось ее слушать, хотя он и не всегда понимал смысла ее бесед. Она делилась впечатлениями о фильмах, музыке, размышляла о чем-то вслух, пускалась в задушевные рассказы о юности. Ее воспоминания были яркими и красочными. Ника была открыта для него, ему казалось, что она шла по жизни легко и непринужденно, и ни разу не встречала на своем пути горя, боли и утрат.

В чем-то он даже завидовал ей. Ника часто вспоминала свое детство, и оно казалось Алёшке счастливым и радостным. Иногда его злила ее заносчивость и самоуверенность в том, что она считала себя умным и чудесным существом. Еще бы... Ведь ее всевозможные тетушки, дядюшки, кузины, кузены, знакомые находили ее прелестным ребенком, часто гуляли с ней по степи, потакали выборочно ее капризам, подолгу возились с ней, играли во всевозможные игры... И ещё Алёшку раздражало то, что Ника верила в Бога и в каждом человеке видела образ Божий. По его понятиям Ника была идеалисткой и фаталисткой одновременно.

Он наблюдал за ней, когда она любовалась закатами и восходами солнца, наслаждалась шелестом листьев и журчанием ручья под старой ветлой возле тети асиного огорода, восторгалась ночным небом и пением птиц. Ему нравилось смотреть, как она вышивает бисером Леночкин сарафан, как порхает вместе с пальцами тонкая иголка с золоченным ушком, как искрятся-переливаются на подоле яркие многоцветные бабочки над цветущим чертополохом. Алёшку удивляло ее усердие и кропотливая работа, он

искренне не понимал, зачем ей нужно заниматься этой вышивкой, портить глаза.

Его поражала реакция Багиры, когда Ника передвигалась по двору, собака начинала вилять хвостом и ластится к ней. Алёшку удивляла Ника, подходящая к горлопанящим индюкам и безбоязненно глядящая их по голове. Поражали индюки, менявшие в ее присутствии ярко-алый цвет своих наростов сначала на синий, а потом на белый.

– Ты, Ника, ведьма! Тебя сжечь надо! – кричал он ей, отбиваясь от индюков, которые вытягивали в каком-то благоговении шеи перед Никой пять минут назад, а теперь вдруг набрасывались на него, когда он хотел пройти по двору, и ожесточенно принимались его щипать.

– Точно, Алёшка, ведьма. Еще и глаза у меня зеленые! – Ника смотрела весело, чуть насмешливо, в ее глазах прыгали веселые задорные огоньки, и выражение их от этого постоянно менялось: – Только сейчас не времена инквизиции. А поведение моё наука вполне объясняет, – и подхватив ведро с водой, она вприпрыжку бежала к сараю. Анютка бросалась за ней. А Алёшка спешил скрыться в доме, спасаясь от разъяренных индюков.

Его удивляло то, что Ника была на короткой ноге с Леночкой, со Славкой, Тamarкой, с соседями, с бабушкой, с папенькой и даже Анжела подолгу могла о чем-то с ней разговаривать. И племянница, упорно избегающая общения со всеми родственниками, гоношистая, ершистая Аня тянулась к ней, а Ника, как взрослой рассказывала ей о травах, о силе, которую даёт им полнолуние, о камнях, о металлах, о бестолковых светлячках тучами, круживших вечерами возле уличного фонаря.

Лёпс невольно вспоминал свое детство, рассказы маменьки, сестры, бабушек и тетушек, невольно сравнивал их с Никой. Ему нравилось наблюдать за ней вечерами, когда она укладывала Надюшку в постель и начинала певуче и увлекательно рассказывать малышке сказки или напевать нехитрые колыбельные песенки. В ее глазах появлялись отблески тихого женского счастья и душевного умиротворения, лицо озарялось нежной улыбкой.

Лёпсу никогда в детстве не рассказывали сказок, и теперь он внимательно слушал Нику. Её голос, не очень сильный, звучал то весело, то грустно, то душевно, то ласково, то нежно. Он завораживал Лёпса, нежно убаюкивал, будил воображение. Закрывал глаза Алёшка, и вот уже топала в мохнатых тапочках по комнате в темноте волшебная ночь-сказка. Бродил где-то между креслами недовольный любопытный медвежонок, которому не спалось полярной зимой, и который искал вместе со своими друзьями: зайчонком и маленьким мышонком под снегом маленький волшебный цветик-семицветик, выполняющий желания.

Бежали вприпрыжку разноцветные мышата, принося для Надюшки из волшебной страны разноцветные ведерки с разноцветным молочком от разноцветных коровок.

Неслышно заглядывал в комнату и залазил в приоткрытую форточку со своим чемоданчиком потешный толстячок Вилли-Тилле, а потом долго порхал, как махаон над детской кроваткой на своих волшебных крылышках, посыпая Надюшку и его, Алёшку, волшебной пылью. Алёшка слушал с удовольствием ее сказки, мысли путались в его голове, растворялись в темноте, рассыпались лунным

пепельными светом и он, улыбаясь, засыпал, убаюканный тихим ритмичным голосом Ники.

Его неплохо в детстве одевали, правда, иногда забывали покормить и подолгу не обращали никакого на него внимания. Да и некому было, кроме сестры. Маменька работой была занята, а папенька месяц проводил на вахте, а месяц за рыбалкой, за охотой, за выпивкой и особой нежностью к детям не отличался. Главное, чтобы все было как у людей: сыты, обуты, одеты.

Но Алёшке теперь, почему-то казалось, что он для своей сестрицы долгое время был живой игрушкой.

Иногда Анжелика возилась с ним часами, меняла пеленки, ползунки, соску в рот засовывала, иногда песенки незатейливые пела про медвежонка, у которого отобрали маму, а его самого отправили на Большую землю на большом вертолете и посадили там в зоопарк.

Иногда сестра забывала про него и не подходила к нему целыми днями, могла не обращать никакого внимания на его надрывный плач.

А один раз вообще что учудила... Дело на материке было. Маменька стирку затеяла, а Анжелику с ним, двухмесячным, в коляске погулять возле дома отправила. Она покатила минут пять возле дома, усыпила его, чтобы ее играм не мешал, вместе с подружками впихнула в разросшиеся кусты сирени под балконами и пошла с подружками на другой конец деревни. Алешка проснувшись, кричал часа три, люди все на работе были, во дворе и квартирах пусто.

Маменька слышала, но внимания не придавала, мало ли чей ребенок орет, пока не надумала пойти нерадивую чью-то мамашу приструнить. Тут-то в кустах и обнаружила сына своего, подкидыша. Сразу и

свидетели, и доброжелатели нашлись, такое ей пришлось от людей из-за беспечности его сестрицы выслушать.

Анжелика-то после захода солнца домой только пришла, глаза мокрые, заикается. Уж ей и от маменьки шлангом, и от папеньки ремнем, и от соседок языкастых досталось. Больше Алёшку она нигде не бросала и не оставляла одного.

На дворе неспешно сгущались сумерки. Спускалась над полями теплая ночь с большими яркими звездами. Узкая полоска светила у самого краешка горизонта, черным рисунком на ней выделялся лесок. Ника сидела возле баньки на ступеньках. Алёшка неслышно подкрался сзади и резко чмокнул губами у нее над ухом... Она вздрогнула, обернувшись, шлепнула Алёшку чуть выше колена:

– Так зайкой оставить можно. Придурок!

– Ну, ну... сидишь тут – кого ждешь? Кому свидание назначила? – Он уселся рядом, достал сигареты.

– Только не тебе. Мне и одной здесь хорошо. Ни комаров, ни мошки – и, главное, тепло. А ты чего тусуешься здесь? Подсматриваешь, как я в бане моюсь?

– Да нет, просто все телевизор смотрят, а Леночка спать легла с Надюшкой. За тебя переживает, где тебя носит... Я и отправился на твои поиски.

– Нашел? – она пристально посмотрела на Алёшку. – Теперь можешь быть свободен.

– Вот еще, – недовольно фыркнул Алёшка. – Я на своем огороде и никто мной не имеет права тут командовать.

Ника встала, он дернул её за подол сарафана:

– Да не кусаюсь я ... Посиди немного рядом, поговорим, чем будем еще неделю в деревне заниматься.

– Да я бы завтра с удовольствием уехала в город. От моей помощи твои родственники отказываются. А слоняться из угла в угол, сам знаешь, я не привыкла...

Она снова присела на ступеньки.

Алёшка сорвал травинку:

– Ну, ну. Знаешь, какая обида у папеньки с маменькой будет. Только приехали – уже уезжаем.

Алёшка изловчился и провел травинкой у неё по шее, Ника резко дернулась, пытаясь смахнуть воображаемое насекомое. Он рассмеялся:

– Боишься?

– Вообще-то я не из пугливых.

– Так я тебе и поверил. У всякого человека есть страх. Только одни его сразу показывают, а другие пытаются скрыть. Кто-то людей боится, кто-то темноты. Поэтому важно узнать, чего боится другой.

– И зачем тебе это надо? – она с любопытством посмотрела на Алёшку. – Неужели приятно в чужих страхах ковыряться?

– Глупая, ты, Ника. Если человек боится, то его страх имеет над ним власть. А если я знаю про его страх, то получаю власть над этим человеком. Ясно?

Она улыбнулась:

– Интересно, каким образом мой страх поможет тебе получить надо мной власть?

– Так значит, ты тоже чего-то боишься? – довольно усмехнулся Алёшка.

– Говорят, что не боятся только дураки... Я пауков боюсь... очень сильно, – Ника доверчиво посмотрела ему в глаза. – Меня в лагере летнем мальчишки напугали, когда на линейке стояли. Кто-то

банку с пауками на меня высыпал, они как лапками все перебирать стали, я и завизжала на весь стадион. Мальчишки сами не рады были, извинялись долго... и трогательно... А мы с девчонками крик на «бис» потом то в палате, то в столовой выдавали. Прикольно было...

– Против страха сильнее всего действует страх. Ты теперь меня бояться будешь, я твоими страхами буду управлять. Вот я с Анькой пойду сегодня пауков ловить, чтобы вопли твои послушать! Может, мне повезет, и ты заикаться начнешь! – ядовито заметил он.

– Только крестовиков у вас в деревне таких нет, как на Дальнем Востоке водятся. А вопли я и так тебе выдам, даже ждать не придется долго. Только сам, смотри, заикой не останься, – Ника встала со ступенек, сжала поднятые над головой руки в кулаки и ее душераздирающий крик мгновенно привел всех окрестных собак в неистовый лай.

У Алёшки от неожиданности внутри всё похолодело, внезапно перехватило дыхание, засосало под ложечкой. От испуга сердце чуть не выскочило из груди.

– Ну что, испугался? – Ника села рядом.

Алёшка не видел ее лица. По необъяснимой причине он не мог теперь поднять на нее глаз, но ему казалось, что она пристально глядится в его, и как всегда улыбается уголками губ.

– Кажется, ты влип, Лёпс, по первое число. И это не ты, а я управляю твоими страхами. Твой страх моими страхами кормится.

Алёшка судорожно сглотнул. Противно царапнуло в пересушенном горле. Хрипло, непривычным для себя голосом он тихо, словно в трансе произнес:

– Да... я тоже боюсь. Боюсь быть брошенным и ненужным. Мне пять лет было, когда мы в Москве с батей и Анжелой в «Детский мир» зашли. Я помню, что мы ходили по большому зеркальному помещению, а потом я увидел большой-пребольшой самосвал, с красным кузовом и жёлтой кабиной. Я стоял и смотрел на него. А они, сволочи такие, меня потеряли.

Он тяжело вздохнул, его большие, бархатные, черные глаза посмотрели на Нику с особой гипнотической проницательностью.

– Маменька до сих пор про это не знает. Даже если сейчас узнает – порвет батю с Анжелой, как Тузик грелку. А я с тех пор больших магазинов боюсь. До сих пор все ясно помню. Как в ролике. Я стою, смотрю на красно-желтый самосвал. А он вдруг становится черно-белым. И все вокруг внезапно замирает и останавливается. Один я – живой. А потом все разом словно увеличилось в размерах, самосвал в два раза больше меня стал, все ожило, зашевелилось, задвигалось, завертелось с бешеной скоростью. А я – маленький, крохотный, стою в центре всего этого и леденею от ужаса, что они меня потеряли. Анжела сказала, что я просто стоял посреди магазина и даже слезинки не выдавил из себя, потому, что не понял, что потерялся. Только это не я потерялся, а они меня потеряли и искали очень-очень долго.

Ника не отрываясь, с сочувствием смотрела ему в глаза. Немного помедлив, с силой провела ладонью по своему лицу. Ей показалось, что она стянула с лица какую-то липкую паутину. Задумавшись, она подняла глаза к небу и неожиданно для себя тихо произнесла:

–Знаешь, Алёшка, это было давно. Там был маленький испуганный мальчик, а здесь на ступеньках, рядом со мной сидит взрослый парень. Посмотри лучше

на небо. Вот оно – неизменное, необъятное, древнее. Тысячелетиями смотрит на нас звездными глазами, завораживает, притягивает. Смотришь на него и забываешь о суетности жизни, словно наполняешься изнутри покоем и смирением. Понимаешь, что ты – даже не звезда, а так, крохотная искорка. Хотя на пасмурном небе одинокая искорка очень даже привлекает внимание.

– Да не злопамятный я, Ника, просто память у меня хорошая.

Тяжело вздохнув, Ника заметила:

– Только, Алёшка, знай: то, что не забывается, то обычно и не прощается.

Алёшка встал со ступенек, щёлкнул уличным выключателем. Яркий свет залил крылечко и поленницу, стер с неба древние созвездия. Он обернувшись к Нике, и не то спросил, не то поставил перед фактом:

– С утра на местную Тихвинку со мной поедешь. А сейчас иди в дом, или ты хочешь мне в бане спинку потереть?

Вздернув плечами, Ника звонко произнесла:

– Ой, Алёшка, умоляю... Иди сам... От твоей прыщавой спины меня в бане стошнит, уже подташнивать начало. Бе! – И Нийя быстро сунула два пальца в рот.

Алёшка поспешил хлопнуть дверью предбанника.

5

На лице Ядвиги лежала печать пережитых страданий и невероятной усталости. Жизнь на Севере состарила ее преждевременно. Мысли все крутились.

Она не пыталась остановить череду воспоминаний, напротив, она вытягивала из потаенных глубин своей души все, что когда-то хотела забыть. Ядвига вспоминала эпизодические отрывки из своей жизни.

Каждое воскресенье на Севере она мечтала только о том, чтобы как следует выспаться, но каждое воскресное утро просыпалась либо от грохота кастрюль или звяканья посуды, когда муж готовил завтрак, либо от грохота музыки в комнате сына. Она с раздражением кричала им из спальни, чтобы они ей не мешали и дали выспаться, а в ответ слышала эгоистичные высказывания о том, что если человеку спать хочется, то его хоть пушками буди, не добудишься.

Ядвига почему-то вспомнила, как не сдержавшись, выскочила, хлопнув дверью в спальню, расшвыряла все тарелки и кастрюли по кухне... А потом ее весь день всю трясло от возмущения и обиды, выбивало из привычной колеи.

Родион взял на себя некоторые обязанности по дому, доставал продукты, привозил с реки рыбу, из тундры – оленей, варил нехитрые обеды и ужины, но постоянно ворчал. Она завидовала мужу, ему жилось проще и легче, у него все четко: месяц – вахта, месяц – дома. На вахте смену отработал – и отдыхай. Вся жизнь регламентирована и упорядочена. И ответственности меньше, чем у нее.

А ей нужно было выполнять одновременно множество крупных и мелких дел, обо всем помнить, ничего не выпускать из виду, встречаться и договариваться со множеством коллег, от которых зависит успех школы, причем всегда ее поджимали сроки, приходилось контролировать или делать за них

их работу, вертелась, как белка в колесе... Домой она приходила измученная.

Да и дома она не могла отдохнуть, как следует и отвлечься от работы – надо было проверять тетради, писать очередные планы, готовить ужин для себя и детей, стирать, убирать, гладить. Все не клеилось.

Здоровье сильно пошатнулось, когда Анжелика замуж вышла. Уставать Ядвига быстрее стала, голову обручем стягивало, руки и ноги у доски затекали. Уроки тяжело шли. Уже в начале урока Ядвига с нетерпением ждала его конца. Мелькнула в памяти яркая картинка, как она на последнем уроке потеряла нить разговора, забыла о чем говорила с ребятами, думала не о поэзии серебряного века, а о том, где взять денег на новый костюм Лёпсу. Последние уроки вообще сидя приходилось вести, казалось, что круглосуточно, даже во сне ее преследуют слабость, чувство разбитости, раздражительность, недовольство собой и всеми вокруг. Грызла по весне тоска, наваливалась безысходность, мечталось «скорее бы лето, отпуск – и в Гагры к солнышку, к теплomu морю».

Но лето было самым трудным периодом ее жизни. И нынешнее не было исключением, хотя уже и не жила она на Севере. Ядвига расслабленно потянулась в кресле, а мысли все крутились и крутились, но теперь уже вокруг насущного, сегодняшнего.

Приехала с Севера со своим семейством Анжелика, наведалься Алёшка, теперь уже вместе с женой, внучкой и сватьей. С одной стороны, если бы не гости, она бы давно умерла. Когда они приезжают, волей-неволей приходится двигаться, вроде, и ноги болеть перестают, и боль в пояснице уходит, и головная боль проходит. Все при ней, все на ее глазах. А с другой стороны, жизни-то нормальной нет, уклад весь рушится.

Ни Алёшка, ни его жена в руки не даются, ничего о себе не рассказывают, советов не слушают, сын даже огрызаться научился. Анжелика тоже с внучкой из-под влияния уходят, своими делами занимаются. Ее не очень-то чтят, даже Петрович и тот время от времени пытается бунтовать: это не так, то не так. И каждое слово Ники вносит сумятицу в размеренную, спокойную жизнь Ядвиги, нарушает устанавливаемые ей обычаи и этикеты.

Ядвига снова поворочалась в кресле, тяжело вздохнула. Весь ее день при домашних был расписан: подъем, живность, огород, кое-какая еда, послеобеденный двух-трех часовой сон. Она всячески подчеркивала при домашних свою строгую жизнь, не приветствовала для себя свободного времяпровождения. И уставала, сильно уставала от собственной актерской игры, уставала до сердечных болей.

Чтобы жизнь шла по старому руслу, Ядвиге приходилось всю неделю что-то изобретать, что-то придумывать, плести мелкие интриги, прятать свои чувства за внешней прилипчивой внимательностью, за выверенной профессией интонацией голоса, гримасами удивления, негодования, и только, оставаясь одна на огороде, она давала волю своей затаенной обиде и гневу.

А сегодня уже с утра, с каждым часом ей все труднее и труднее давалась выбранная роль. Это наполняло ее ощущением собственной слабости и уязвимости. Понимание рождало желчную зависть и глухую озлобленность. Ядвига весь вечер и всю ночь думала, сопоставляла, размышляла, жалела себя, и утром не вытерпев, бросила в сенцах сыну:

– Ты только посмотри на нее, цаца какая, занята только болтовней да тряпками. К труду никакому не

приучена, ручки-то холенные, наманикюренные. Такими не только в огороде колупаться, посуду-то мыть неудобно.

– Но ведь моет же дома, – слабо огрызнулся Алёшка. Его раздражала привычка матери сортировать людей по одной только ей понятным признакам. Она легко навешивала ярлыки «этот – алкоголик», «этот жене неверный», «эта легкого поведения», «этот – вор и стяжатель», «эта – цаца», «эта – лентяйка», «эта привыкла задаром чужой хлеб есть», «этот только за счет своей жены живет».

– Само ее поведение с самого начала неуважительно по отношению к тебе, сыночек. Это же надо было в шесть часов утра, без телефонного звонка заявиться к тебе домой, к тебе, к незнакомому ей человеку, вместо того, чтобы поехать к бабушке. Заявиться, разбудить, вытащить из постели и еще при этом иронизировать над твоим внешним видом. Никакой почтительности, никакого уважения, никакой этики! Воспитанные, порядочные люди так не поступают. И ты ей хочешь доверить воспитание своего ребенка? Ты представить себе не пробовал, чему она его может научить?

Алёшка передернул плечами, насупил брови так, как обычно делал ее отец в минуты раздражения и густым баском произнёс:

– Короче, маменька, у нас свои планы на день: мы собрались на нашу местную Тихвинку с Леной, Никой и Надюшкой съездить. Так что, занимайся своими делами или, если хочешь, поехали с нами... Анжелаа тоже с Аней к своей свекрови поедет. Что-то Андрей у них задержался, третий день картошку пропалывает.

Он глянул на маменьку неуступчиво строго из-под лба, и словно холодком вокруг Ядвиги потянуло, и не посмела она возразить ему, обиделась от его строгости, в себе замкнулась. Вот тебе и взгляд тяжеленный, и слово повелительное, весь в деда пошел. С характером сыночек, ничего не скажешь.

Проводив машину взглядом, Ядвига направилась домой, тяжело плюхнулась в кресло и попыталась отвлечься: включила телевизор. В голове снова пчелами зароились мысли, она не могла сосредоточиться на любимом сериале. Кадры, эпизоды и лица актеров просто мелькали у неё перед глазами. Она вслушивалась в разговоры героев, но тут же забывала то, о чём они говорили. Это только усиливало раздражение. Ядвига чувствовала себя усталой, вспомнилось, что ночью ей плохо спалось: болели натруженные суставы. Чтобы не оставаться в доме с Леночкой, Никой и Надюшкой, ей вчера пришлось весь день провести на огороде, таская тяжелые ведра с водой. Всякий раз, проходя от бочки с водой к огороду, она видела в окошке Нику, склонившуюся над вышивкой, разложенной на подоконнике. Она невольно сравнивала свой тяжелый труд на огороде с бестолковой работой Ники. Сидит в холодке, нанизывает, не торопясь, бисеринку за бисеринкой, да еще и мурлычет себе что-то под нос. И чего бы не помурлыкать. Попробовала бы так, как она, Ядвига, потягать по два ведра, сначала из одной бочки, потом из другой, а затем из третьей.

После сериала Ядвига почувствовала себя немного отдохнувшей, хотя и гудело у неё в голове, темнело перед глазами, и ноги казались ватными. Ей даже показалось, что она поспала с полчаса. Взгляд Ядвиги приковался к стрелкам часов. Как медленно

тянется время. Боль в ногах утихала, когда она осторожно начала смазывать колени камфорным маслом.

Ядвига поставила на плиту вариться бульон, почистила картошку, порезала овощи, приготовила тесто и мелко-мелко порезала лапшу. Блюдо хоть и не слишком изысканное, но питательное. Да и что можно еще приготовить на такую ораву? Метнула курицу из бульона в плиту, чтоб подрумянилась, снова уселась на кресло, хоть немножко надо почитать, чтобы не разучиться нормальному человеческому языку. А то по телевизору только рекламы да сериалы показывают. Настенные часы глуховато, с хриплым ворчанием отбили семь часов вечера. Прихватив эмалированное ведро, Ядвига пошла к соседке.

Через десять минут поставила ведро с крупными краснобокими яблоками на пол, привычно промокнула кончиками головного платка выступивший на лбу пот, зажгла свет и стала торопливо накрывать на стол, выставляя на него хлеб, сыр, жареную курицу, салат, деревенскую лапшу.

Вернувшиеся домочадцы нашли ее спокойной и уравновешенной.

— Вы уж без меня тут время скоротайте, поужинайте, — она проговорила громко, с чуть угодливой просительностью. И тут же торопливо добавила своим обычным голосом: — Некогда мне с вами рассиживаться. День для работы моей короткий оказался. У меня еще индюки не кормлены.

Загнав кур и индюков в сарай, Ядвига неторопливо насыпала им пшена, пошла в баньку, неспешно затопила печь. Пламяхватило сразу сухие, заранее натесанные щепки и некрупные поленья, загудело хищновато. Села Ядвига на крылечке, закурила

с наслаждением, из предбанника тянуло сухим теплом засушенных трав и березовыми вениками.

– Помощь нужна, Ядвига Николаевна? – Ника хотела присесть рядом с Ядвигой, но не решилась, только облокотилась о перила.

Ядвига вздрогнула от неожиданности, выронила сигарету в траву:

– Напугали Вы меня, Ника, подошли неслышно. Я тут на минутку присела, расслабилась. Хотела мысли свои в порядок привести, дома ведь некогда. Все дела, дела.

– Да, дел в деревне немеряно.

Содержание

Глава 1.....	3
Глава 2.....	59
Глава 3.....	91
Глава 4.....	115
Глава 5.....	150
Глава 6.....	186
Глава 7.....	211
Глава 8.....	264

Уважаемые читатели!

**Издательство «Спутник+»
предлагает:**

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
 - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
 - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
 - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
 - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
- 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + **Набор, верстка, корректура и редакция текстов.**
- + **Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).**
- **Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.**

Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)
<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru

Юлия Вебер

В ПЛЕНУ УСТАНОВОК

Верстка: Г. Пысина

Издательство «Спутник +»
109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)
Подписано в печать 20.01.2021. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,94. Тираж 20 экз. Заказ 10.
Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»